

ЛИДИЯ
СИЛВЕР

Лашенька ищет
МЕДВЕДЯ

— А что писать? — растерялась я. Анжелка задумчиво возвела глаза к потолку и интригующим тоном произнесла: — Пиши: «Одинокая Машенька ищет Медведя». Могла ли я подумать, что поиски спутника жизни приведут меня на сайт знакомств? И что в это самое время моя ученица упорно искала себе мачеху... Ну вы поняли каким образом, да? Забавная история о том, что от своей судьбы не уйдешь, как ни старайся.

---

1. Машенька

У всех проблем одно начало — сидела женщина, скучала.

— Вот смотри какой хорошенький, — тычет пальцем в экран моя подруга Анжелка.

— Да ну... Какой-то он стремный.

— А если по-другому посмотреть, — Анжелка наклоняет голову и прикрывает один глаз рукой не занятой бокалом вина.

— Да тут как ни посмотри — одно и то же. Стремный! — кладу руку на компьютерную мышь и клацаю кнопкой.

Наверное, это была не самая лучшая идея — искать спутника жизни на сайте знакомств. Можно нарваться на афериста, маньяка или женатого. Интернет просто пестрит такими историями, и что мы делаем с подругой? Ищем приключений на мою задницу!

Подруга пришла полчаса назад с небольшим пакетом, который вручила мне со словами:

— Я тебе набор принесла.

— Какой набор, — не совсем понимая, что подруга имеет в виду, я заглянула в пакет и увидела несколько свертков

— Для привлечения мужика в дом, — ответила Анжела разуваясь и выхватывая пакет из моих рук. Поставив его на стол в кухне, она принялась доставать свертки.

— Я смотрю, ты занялась устройством моей личной жизни, — качая головой, я развернула свертки. — Носки, трусы... противогаз забыла.

— Тапки домашние, — не слушая мой недовольный тон, подруга продолжает перечислять, — сорок пятого размера. Пена для бритья, лосьон после бритья, бритвенный станок.

— И зачем мне все это?

— Как же! Я же сказала: для привлечения мужика в дом.

— Нужно объявление вывесить: Имеются красные трусы и тапки сорок пятого размера. Обращаться в квартиру 44. Авось прибежит.

— Вот тут-то ты его и поймаешь, — тыкнула в мою сторону пальцем Анжелка.

Я лишь негромко вздохнула и спрятала свертки в шкаф. После мы открыли бутылку вина, чтобы отметить мой развод, и Анжелка сказала, что найти мужчину в интернете не такая уж плохая идея.

— Стой, стой, клацни назад, — вопит Анжелка во все горло.

— Да не ори ты так, — прикрываю одно ухо рукой. — Не в лесу. — И послушно перелистываю страницу назад.

— Ничего такой, — зачарованно говорит моя подруга.

— Ага, — вторю ей, сглатывая слюну. — Только молодой какой-то. Написано тридцать восемь лет, а на фотографии ему лет двадцать. Да и фотка плохого качества, будто отсканирована напечатанная.

— Слушай, если он в двадцать был таким красавчиком, я боюсь представить, какой он секси сейчас.

— Я тебе расскажу: пивное пузико, залысина на полголовы, толстые шуплые ручонки и бегающий оценивающий взгляд. Стопроцентно маменькин сынок.

— Мащ, тебе не угодись. Тот лысый, тот стремный...

— А тот женат! — перебиваю подругу.

— Ну подумаешь, не успел кольцо снять перед тем, как фотографироваться для сайта знакомств. Женатые мужчины знаешь какие занятые?

— Знаю, — горько вздыхаю я.

— Маш, ну не переживай ты так, — Анжелка успокаивающе гладит меня по спине. — Ну подумаешь, муж изменил, ну с кем не бывает.

— Да видимо со многими это бывает.

— Ну и пусть валит к своей...

— Длинноногой, стройной и молодой, — уныло подхватываю я.

— Ну а что мешает тебе похудеть? — задает сакраментальный вопрос подруга, потягивая из бокала.

— Сидячий образ жизни. Ты сама знаешь, как это — работать учителем. Сидишь в классе, ведешь урок, потом таскаешь тяжелые сумки с тетрадями домой на проверку, и дома все то же самое. Разогнуться некогда.

— Можно записаться в фитнес-клуб, — осторожно намекает подруга.

— Мне некогда ходить по клубам!

— А чем тебе еще дома заниматься? Муж ушел, детьми ты не обременена, тетради проверила и бегом на беговую дорожку.

— А молодость мне кто вернет? — со слезами на глазах себе под нос тихонько скулю я. Так горько сознавать, что десять лет потратила не на того человека. И ведь ничего не предвещало беды — дома всегда чисто, муж вкусно накормленный, сексуально убаженный. Да, из-за разных графиков работы нечасто удается сходить куда-то вдвоем приятно провести вечер. Но ведь многие же пары так живут?

«И те же самые пары разводятся по причине измен» — шепчет мне мой внутренний голос. Ну что ему не хватало? Ведь, если посмотреть, то не такая я уж и толстая. Все такая же упругая грудь, стройные ноги, без признаков целлюлита (спасибо бесчисленным скрабам для тела, украшающим полшкафчика ванной!), талия есть, по бокам ничего не висит... Да, десять лет супружества спустя я стала покупать одежду на два размера больше, чем до свадьбы, но ведь это не повод считать себя толстой? Может и правда записаться в фитнес-клуб, подтянуть фигуру, чтоб не расплылась к сорока годам? С чем черт не шутит!

— Маш, — перебивает мои мысли подруга, видя, что я сейчас совсем расклеюсь, — а зачем тебе тот, кто только молодых перебирает? Мужики ведь тоже не молодеют. А без должного ухода заботливой женской рукой совсем запускают себя и становятся теми самыми «с пивным пузиком, с залысинами и с бегающим оценивающим взглядом», — цитирует меня подруга. — Тебе нужен постоянный спутник жизни, который ценит истинную женскую красоту, добрый покладистый характер, хозяйственность. Тот, с кем можно встретить старость.

— Я еще молодая встречать старость.

— Воооот! — Желка поднимает указательный палец вверх. — И не слишком старого — тебе еще детей рожать.

— А если он не захочет детей?

— Захочет, — вошла в пьяный раж подруга. — Давай посмотрим, кто это у нас такой? — Анжелка вперилась взглядом в экран. — Михаил... Тридцать восемь лет... Сойдет... Рост 186 см... — Желка прищурившись смотрит на меня. — Каблуки обуешь.

— Зачем?

— Чтоб с табуреткой за ним не ходить.

— А табуретка зачем?

— Чтоб шея при поцелуях не затекала. Так дальше... Вдовец... Тоже ничего... Владелец автомойки... Значит при бабках! Дети... Ага! Дочь, 15 лет. То, что надо! — уверенно восклицает подруга. — Ты как раз старшеклассников обучаешь, значит и к дочери подход найдешь. Давай пиши ему, — толкает клавиатуру ко мне.

— А что писать? — растерялась я.

Анжелка Анжелка задумчиво возводит глаза к потолку и интригующим тоном произносит:

— Пиши: "Одинокая Машенька ищет Медведя"...

2. Лизонька

У всех проблем одно начало — сидела женщина, скучала (продолжение).

— А может не надо было писать, что у него есть дочь? — неуверенно тянет моя подруга Ритка.

— Надо! Пусть знает, на что подписывается! — уверенно стучу по клавиатуре.

— Ты же не будешь ей пакостить? — подозрительно прищуривается Ирка.

— Я не для того ищу себе мачеху, чтобы она сбежала в ужасе от моего отца. Мне скоро в другой город на учебу уезжать, а он как тут один останется? Кто за ним присмотрит? Ему нужна заботливая женская рука.

— Можно соседку попросить...

— Ту, у которой муж и трое вечно визжащих детей? Или ту, которая перетаскала к себе половину мужиков этого города? — хмыкаю я. — Остались тут бабульки одни. Нет, мне нужна добрая, заботливая, хозяйственная... Желательно младше отца, чтоб малышка могла родить. Ему же нужно чем-то заниматься в мое отсутствие, но не сильно молодую, чтоб мозги в голове присутствовали.

— А как ты определишь наличие мозга по фотографии? — повезло мне, блин, с подругами! Бабушкины валенки в кладовке и то мудрее.

— Погадаю по фотографии онлайн, — огрызаюсь я.

— Лиза, — постучав и не дожидаясь ответа, отец входит в комнату.

— Пап! А если бы я переодевалась? — кричу я, успев захлопнуть крышку ноутбука. Если отец узнает, чем я занимаюсь — орать будет так, что штукатурка с потолка посыплется.

— Закрывать надо, — бухтит отец. — А у вас пижамная вечеринка? — окидывает взглядом моих подруг, которые расположились на кровати, скрестив ноги.

— Ага. Типа того.

— Лиза, ты же знаешь правила... — начинает отец эти вечные нотации.

— Никакого алкоголя, сигарет, наркотиков и парней, — восклицаю, перебивая отца. — У нас только газировка, чипсы и молодой Орландо Блум по телеку.

— Вы ужинали?

— Да, пап. Мы пиццу заказали.

— Хорошо, вздыхает отец. — Я поехал на работу, там очередное ЧП. Без меня не разберутся. Скоро буду.

— Хорошо, пап. Пока. Люблю.

— И я тебя, солнышко, — отец подходит ко мне, наклоняется и целует в лоб. — До свидания, — обращается к моим подругам.

— Спокойной ночи, — тянут нестройный хор Ирка и Ритка.

— Ты сказала ему, что его Марьянна вызывает? — осторожно интересуется Ирка, когда за папой захлопывается входная дверь квартиры.

— Нет еще. Удачного случая не представилось.

— Лиза, он ведь в понедельник должен в школу прийти. А если не придет, то тебя на педсовет вызовут и поставят вопрос о твоём исключении.

— Похлопаю глазками как обычно, может прокатит, — отмахиваюсь я.

— А если не прокатит?

— Тогда меня будет отчитывать Марьянна, и мои уши не пострадают от ора отца.

— А почему ты мать похоронила? — заглядывая в уже открытый ноутбук Ирка задаёт вопрос, на который я привыкла отводить глаза и безразлично пожимать плечами.

— А где эта кукушка? В Германии с новым мужем и ребенком, а о первенце даже не спрашивает, — скулы сводит от безразличной улыбки.

— А почему ты написала, что твой отец владелец автомойки? — теперь Ритка лезет в ноут и решает сменить болезненную для меня тему.

— А что мне нужно было писать? Что он майор полиции? — стучу указательным пальцем по лбу, намекая, что моя подруга совсем ку-ку. — Ты понимаешь, какой шум поднимется?

— А с поступлением что будешь делать? — Ирка не унимается.

— Разберусь как-нибудь, — отмахиваюсь от подруг. — Сейчас есть дело поважнее. О! Новое сообщение! «Одинокая Машенька ищет Медведя».

— Покажи, кто там, — подруги прилипают к экрану. — И все? Даже фотки нормальной нет — лица не видно. Вдруг она страшная?

— Некрасивых женщин не бывает, — мудро изрекаю я. — Бывает мало косметики.

3. Машенька

3. Машенька

На следующий день.

— Ну че, как там твой Медведь? — наваливаясь пышной грудью на стол учительской пытается меня подруга. Вчера Анжелка тихо ушла на том моменте, когда я, увлеченная беседой с Михаилом рассказывала о себе. Так вкратце. Школа — дом, увлечения.

— Он не мой.

— Не говорит, что ли? Не беда. Главное, чтобы язык был в рабочем состоянии. А так представь: дома тишина, никто не выносит мозг по поводу немытой посуды... Красота.

— Не мой, в смысле мне не принадлежит, — останавливаю разошедшуюся Анжелку.

— Ааа. Ну это пока. Так Медведь, или не Медведь?

— Ну что ты прицепилась с этим медведем? Почему Медведь? — удивляюсь я, вспоминая свое первое сообщение.

— А ты сама не понимаешь? Ну ты же как Маша из мультика. Только не такая проказница. И тебе нужен защитник, как тот самый Медведь. Чтоб защищал, потому что ты вечно влипаешь в ситуации...

— Анжел, тот медведь — няня для маленькой девочки. А мне мужчина для жизни нужен.

— Ооо, — хохоча тянет подруга. — Значит всё-таки нужен!

— Да ну тебя, — психую я. Это точно не про меня и тем более Михаила, — возражаю я.

— Че это? — Анжела приподнимает одну бровь, строго глядя мне в глаза.

— Он не такой... Он милый, добрый, симпатичный. Воспитывает дочь. Мама ребенка уехала давно. Он справляется как может.

— А ты и рада помочь...

— Мне не трудно. Тем более ты сама сказала, у меня опыт общения с подростками.

— Ну и о чем вы договорились? — поигрывая бровями выдает Анжелка. — Интимными фотками обменялись?

— Ты что! Мы просто договорились встретиться сегодня. Пойдешь со мной? — с надеждой в голосе поднимаю взгляд на нее.

— Куда? — любуясь маникюром выдает Анжелка.

— В клуб «Фараон».

— Ммм. Дорогое местечко.

— Пожалуйста, — сложив руки под грудью в молитвенном жесте умоляю подругу. — Мне одной страшно. А вдруг он маньяк?

— Маньяк? Да еще и сексуальный. Точно Медведь. А если у вас общения не выйдет, то хоть оторвешься.

— Как это?

— Из скорлупы своей вылезай. Ты красивая, сексуальная, свободная! Зачем еще девушки ходят на свидание?

— Чтобы узнать предполагаемого партнера получше, — тоном заучки как по учебнику выдаю я.

— А как же страсть?

— А что с ней?

— Искорки, феерверки... — Анжелка щелкает пальцами перед моим носом.

— Не понимаю, о чем ты, — убираю ее руки и раскладываю необходимые предметы для проведения урока. Через несколько минут прозвенит звонок. Журнал, методичка, футляр для очков, пенал с ручками...

— Знаешь, что, подруга? Если ты не увидишь в нем мужа номер два, а внешне он тебе понравится, то хоть в койку его затащи.

— Зачем?

— Растрясти тебя надо.

— Не надо меня трясти, — пугаюсь я, поправляя прическу.

— Надо-надо. Да так, чтоб кровать сломалась. Чтоб не было стыдно за бесцельно прожитые годы, — смеется Анжелка.

— У тебя давно не было что ли? — приподнимаю брови, строго глядя на нее. — Иначе зачем эти разговоры вокруг да около?

— А у тебя будто бурная личная жизнь. Завязывай с монашеским образом, раскрепощайся. С этим у тебя беда. Может поэтому Вадик загулял? Пресный суп надоел, а там хоть борщ повеселей.

— Следи за собой! — восклицаю я, собирая бумаги со стола и поднимаясь на ноги. — Глядишь и замуж позовут, — изрекаю я уже у двери учительской, громко хлопая ею.

Сказанное Анжелкой обидно скребет грудную клетку изнутри. Я не ханжа, готова к экспериментам.

Но в чужих кроватях искать любовь не собираюсь!

***

Я не люблю конфликтных ситуаций, поэтому через два урока решаю помириться с единственной в своей жизни подругой. Она ведь не желает мне зла, а подстегнуть хочет. Анжела во многом права, только моя гордость не позволяет мне это признать.

Я серая бледная мышь, и моему мужу со мной стало скучно. Огонька захотелось.

Гашу боль обиды на мужа и иду в магазин за шоколадкой и пачкой фруктового чая.

— Давай, давай мириться, — голосом Маши из мультика кладу на стол подруги купленные в магазине вкусняшки.

Анжелка поднимает голову, и по ее взгляду я вижу, что она раскаивается за свои грубые слова.

— Машк, прости меня, — бросается подруга с объятиями. — Я не знаю, что на меня нашло. Вадим мудака и козел, а ты самая лучшая.

— Грхм, — в дверях кабинета появляется завуч нашей школы Виталина Андреевна Полоцкая.

Двадцатилетняя жгучая блондинка вызывающей внешности появилась в нашей школе два года назад на замену ушедшей в декрет учительницы химии. Через год молодая амбициозная карьеристка убедила нашего директора Ярослава Семёновича, что место ушедшей на пенсию завуча должно достаться ей. С тех проявилась и ее заносчивость.

— Вы в школе вообще-то, — разрезает повисшую в кабинете тишину ее хриплый низкий голос. — Свои шуры-муры оставьте за стенами этого заведения. В приличном обществе это не приветствуется.

— Что не приветствуется? — отлипает от меня Анжела и становится в позу. Ноги на ширине плеч, кулаки упёрлись в стройные бока подруги. В глазах воинственный блеск.

— Воронцова, я теперь понимаю почему вас муж бросил, — режет по живому новую

жертву эта стерва, — лесбийская натура проявляется не сразу, но вы бы предупредили мужчину сразу, чтобы не питал надежд, глядишь, не оказались бы в таком положении.

— Я теперь Смирнова, — захлебываюсь воздухом от обиды и ярости.

— А вы по опыту знаете о лесбийских наклонностях? — медленно надвигается Анжелка на Виталину. — Мы с Машей подруги, а вы и этим похвастаться не можете. Одинокая старая дева!

— Виталина Андреевна, а вы в кабинет свой шли? Вот и проходите. Мимо, — хватаю подругу за локоть, готовую броситься в атаку, как в кабинет забегает мой ученик Володин, невольно толкая завуча вперед.

— МарьВанна! Анжелика Владимировна! — верещит он на весь кабинет. — Там Медведеву снова бьют!

Как по команде мы с Анжелкой бросаемся на выручку бедной девушки, забывая напрочь про завуча.

Разняв дерущихся кошек, мы заводим их в учительскую.

— МарьВанна, я не виновата! — Тычет пальцем в Медведеву ее соперница. Юбка Лизы разорвана по шву, лацкан блузки висит на груди. Под глазом наливается синяк. Видок другой пострадавшей тоже оставляет желать лучшего. — Она первая начала.

— Молчать! — появляется из своего кабинета завуч Виталина. — Ты, — указывает пальцем на ябедницу, — приведи себя в порядок и на урок шагом марш! — Девушка, понутив голову, выходит за дверь. — А ты, Медведева...

— Что я сразу? Если что-то случается, так виновата сразу Медведева! — прорывается на истерику девушка.

— А кто зачинщик всех твоих бед? — наклоняет голову набок Виталина и прищуривается.

— Я не виновата ни в чем! Она сама на меня набросилась.

— Значит ты ее спровоцировала! — не унимается завуч.

— Давайте все обсудим спокойно! — встаю на защиту девушки я. Уверена на сто процентов, что как раз Лизу спровоцировали и она ответила. И именно ее как обычно дерзкий ответ и привел к драке. Девушка никому не позволяет дать себя в обиду.

— На педсовете обсудим, — сияют убийственным блеском глаза Виталина. — Ты когда сдашь деньги на ремонт школы?

— Когда эти самые деньги будут идти на ремонт школы, а не вашего кабинета!

— Ты что себе позволяешь? — взрывается Виталина.

— Позволяю напомнить вам, что мой отец майор полиции, и в его компетенции посадить вас в тюрьму за вымогательство и растрату государственных денег.

— Вооон!!! — крик завуча оглушает.

— А вы идите нахрен! — ничуть не встревоженная, а скорее рассерженная Лиза пулей вылетает из кабинета.

4. Михаил

4. Михаил

Дождь льет как из ведра, разбиваясь мелкими каплями об лобовое стекло. Погода дрянь! Можно подумать, что снова наступила осень, хотя на календаре март. Снег только растаял, как на небо напоззли тучи и смыло дождем все весеннее настроение.

Чем еще заняться майору полиции пятничным вечером в ненастную погоду? Правильно — ловить особо опасных преступниц. А все почему? Потому что сыночек высокопоставленной особы стал жертвой симпатичной клофелинщицы. Проснулся наутро — а в доме ничего ценного не осталось. И вот удивительно — на камерах, которыми напичкан весь дом, ни разу не всплыло лицо подозреваемой. Со слов облапошенного сыночка мы знаем, что она молода, привлекательна. А вот черты лица в памяти молодого ловеласа не осталось. По камерам видно, что это стройная блондинка. На этом все.

Начальство песочило меня вдоль и поперек, когда выяснилось, что это не единичный случай. А результатов по делу расследования — ноль целых, ноль десятых. Знаем, что орудует эта девушка в клубе «Фараон», возле которого и припаркована моя машина, откуда я веду операцию по внедрению нашего сотрудника.

— Тополь, тополь, я сосна. Как слышно? Прием? — ржет Митя в наушнике.

— Сейчас так соснешь, что на всю жизнь запомнится. — Отвечаю в наушник шутнику. — Свети смазливой мордахой, дорогими часами и выискивай потенциальную преступницу.

— Ох, шеф, тут такие потенциальные... — Тянет Митя. — Можно я после операции... того?..

— Кого того? — не въезжаю я.

— Ну это... — мнется шутник. — Организм молодой, требовательный.

— Ох ты ж. Митя! Если ты мне найдешь эту девку, я тебя в отпуск отправлю. Оплачиваемый! Работай давай!

— Есть шеф! Только тут это...

— Что еще? — взрываюсь я. Нелегкое это дело сидеть в вагончике микроавтобуса. С моим ростом ноги вытянуть некуда, а сидеть, скрючившись — эти самые ноги затекают. Размяться негде. Кошмар какой-то!

— Тут дочь ваша... — хрипит Митя в наушник.

— Что? — подскакиваю с места и больно ударившись головой об потолок нервно вскрикиваю. Только Лизки тут не хватало!

— Елизавета Михайловна с подружками, — развеивает мои сомнения Митя.

Мою Лизку знает каждая собака в отделе. Дочь часто приходит «навестить отца, который сгорает заживо на работе (на вот подкормлю тебя вкусеньким пирогом)».

Пироги у нее получаются что надо, а вот с мозгами беда. Нет, она умненькая. Лучшая в учебе, спорте. Только с поведением крах полный. С тех пор как умерла ее бабка год назад, Лиза совсем слетела с катушек. Звонки на работу из школы с просьбой прийти сыпятся как из рога изобилия. Ну не могу я пока! Начальство дрючит и подкидывает новую работу.

Вхожу в клуб, на секунду зажмурился от громкой музыки, басов и танцующего света.

Митя проходит мимо меня, стреляя глазами в нужном направлении. Проследив за его взглядом, утыкаюсь в мою Лизоньку. Вот же она — красавица моя. В коротком серебристом

платье, фейс разукрашен как у клоуна, сияет как новогодняя елочка. И подружки, ее одноклассницы тут же. Сидят потягивают коктейли, вечело щебечут и обсуждают кого-то. Лиза наталкивается взглядом на мой хмурый вид и маска веселости вмиг слетает с ее лица. Ставит оранжевый коктейль на столик и вытягивается, как струна. Побледнела даже кажется. Подруги, уловив ее телодвижения оборачиваются и следуют примеру моей дочери. Неспеша подхожу к ним.

— Папа, я все объясню, — кричит дочь.

— Объяснишь. Дома, — не могу перекричать громкую музыку, но мне это и не требуется. Дочь понимает все без слов и достает телефон, вызывая такси в приложении. Оплачиваю их счет, хорошо, хоть коктейли безалкогольные. Ну достанется от меня секьюрити за то, что не проверяют паспорта, прежде чем впустить в клуб!

Терпеливо жду, пока девочки гуськом пройдут в гардеробную, помогаю одеться и провожаю до такси.

— Чтоб отзвонились мне все, как дома будете.

— Пап, ты же знаешь, что все будет пучком! — лопочет дочь.

— С тобой дома отдельно поговорим.

— Домашний арест? — смиренно спрашивает Лизка.

— До конца жизни, радость моя, — обещаю, захлопывая дверь автомобиля. Внутренне ржу с испуганного взгляда дочери. Она знает, что, если я ору, то это можно спокойно переждать, виновато хлопая глазками. Но если я спокоен, как удав, или не дай Бог шучу, то все. Хана ёжику.

— Шеф, тут это... — хрипит в наушнике голос моего помощника.

— Что еще? — срываюсь на крик.

— Митька нажрался и зажимается с какой-то рыжулей.

— И что?

— Она под возраст потенциальной преступницы не подходит. Дамочке лет тридцать, а клофелинице по словам Егорова, — 22.

— Бл*ть! — В сердцах бросаю я и снова иду в клуб.

5. Михаил

5. Михаил

Тупая боль в затылке затмевает чувство злости на своих долбоящеров сотрудников, один из которых, не будем его называть (это раздолбай Митя!) действительно ужрался в зюю и отбыл с рыжей девицей в неизвестном направлении. Связь отключил. Операция, судя по всему, завершена. Устало зажимаю переносицу пальцами и даю отбой пацанам. Завтра продолжим.

Как приятно вытянуть ноги в своей огромной машине. Многие ржут, мол, чем больше машина у мужчины, тем меньше его ...

В защиту владельцев Ренж Роверов скажу: не в миникупере же ездить с моим ростом. А там у меня все в порядке. Никто не жаловался.

Завожу машину и подъезжаю ко входу клуба, торможу на светофоре. Дождь уже прекратился, однако на улице было сыро и холодно. Краем глаза замечаю невысокого роста девушку в пальто. Подслеповато шурясь и сверяя номер моей машины с написанным в телефоне, девушка подходит к моей машине, открывает дверь, присаживается на переднее сиденье и облегченно выдыхает.

— Добровольского 8, пожалуйста.

От такой наглости я знатно офигеваю. Кажется, меня приняли за таксиста. Ну как можно перепутать огромный черный внедорожник с серебристым Хюндаем, на которых зачастую работают таксисты?

Сделав глубокий вдох, медленно выдыхаю. Добровольского, так Добровольского. Все же лучше, чем ехать в таком состоянии домой. Мне несложно подвезти симпатичную девушку домой, тем более что в моем доме созревает угроза того, что дочкина жопка вспомнит, что такое батин ремень.

Ввожу в телефоне адрес и слушаю приятный голос навигатора.

Мигает зеленый цвет светофора, жму на газ, машина трогается. Пробок в это время суток на дороге нет, но я все равно не спешу, стараюсь растянуть удовольствие от поездки. Наслаждаюсь приятным цветочным запахом, исходящим от девушки. А она ничего такая... глазами кошусь на нее. Длинные волнистые каштановые волосы, маленький курносый носик, большие глаза, обрамленные длинными пушистыми ресницами. И хлопает она ими часто-часто. Чего же ты испугалась, маленькая? Не съем я тебя.

На худых коленках, которые не в состоянии прикрыть короткое черное платье, пристроилась маленькая бежевая сумочка, в которую эта маленькая милая леди вцепилась до побелевших костяшек пальцев одной рукой. Другой она судорожно что-то набирает в телефоне.

— Да чтоб тебя, Анжелка! — восклицает девушка.

— Вам чем-то помочь? — скорее из любопытства интересуюсь.

— Подруга свалила, оставив меня одну.

Знакомая песня. Я сегодня тоже таким же образом лишился главного звена операции.

— Может с парнем ушла?

— В том-то и дело, что да!

— А в чем проблема?

— А вдруг он маньяк?

— Маньяки не орудут в клубе и там, где большое скопление людей в принципе.

— А где они орудут? — девушка переводит недоумевающий взгляд на меня. Губы у нее такие... чувственные, покрашены ярко-красной помадой. Интересно, какие они на вкус? Что-то не в ту степь понесло тебя, товарищ майор. С трудом отлепляю взгляд от ее губ на дорогу.

— В основном в парках, темных подъездах, переулках.

— А вы в этом разбираетесь? — нет, ее губы, как магнит для моих глаз. Невозможно оторваться.

— Я разбираюсь в их поимке.

— Интересное нынче хобби у таксистов, — девушка задумчиво смотрит на дорогу. Сжалась, словно заяц перед ружьем двустволки.

Подавляю смешок. Еще рано указывать ей на ее ошибку.

Телефон девушки звонит.

— Да?.. Кто ждет?.. Я уже еду, — растерянно в трубку. — Как куда? Домой! Девушка, я сижу в такси, не знаю, куда там ваш автомобиль приехал и кого ждет. Выясните. Всего доброго. — Отбивает звонок и с подозрением косится на меня.

— А что плохого в маньяках? — увожу девушку от размышлений о том, каким образом получилась путаница с машинами. Она и так натянута, как струна, еще выскочит с перепугу из машины. На трассе никого, кроме нас нет, но не хочется, чтобы она ушиблась. Двери не блокирую по той же причине. Мне еще истерики не хватало.

— Ну как? Они же это... Насилуют...

— А если жертве это нравится?

— Может кому-то и нравится, но мне точно нет!

Ух ты ж какой цветочек нежный нам попался! Нам ухаживания, цветы и серенады под балконом подавай.

Телефон девушки снова взрывается звонкой трелью.

— Алло! Вадик! Что тебе надо? Да не твое дело, где я! Вали к своей ненаглядной! Пусть борщом тебя кормит! ... Обыкновенным! — снова отбивает звонок. Устало прикрывает глаза и падает головой на подголовник. Вытягивает стройные ножки вперед.

Ну как тут не залюбоваться такой аппетитной картинкой? Вот я и люблюсь краем глаза.

— Что вам мужикам не хватает? — устало произносит девушка. Скорее разговаривает сама с собой. — Борщи, супы, белье, стирают для вас, готовят, убажуют... А вы все... — хлопает носом.

— Муж изменил?

— У меня это на лбу написано?

— А может хрен с ним? Мужчин мало что ли?

— Мне подруга тоже самое говорит, — смеется сквозь слезы.

— Могу тоже самое сказать о женщинах. Дом — полная чаша. Ребенок — маленькое чудо, денег вдоволь, квартира удобная. И все есть, ан-нет. Чего-то не хватает. Нужно свалить, бросив все.

— Жена ушла?

— Ушла... — вздыхаю горько. Боль уже не ощущается так остро. Горечь и обида за дочку разъедает горло каждый раз, когда Лизка пренебрежительно отзывается о матери. — Бросила не только меня, но и дочь.

— Как это? — девушка подсказывает на сиденье. — Как можно бросить своего ребенка?

- Наверное устала от детских истерик, — боль немного отпускает. Как хорошо когда есть с кем разделить свое горе. А вот Лизке больше не с кем.
- И она не объявлялась?
- Объявлялась. Полгода назад. О дочке даже не вспомнила.
- Как же вы справляетесь?
- Раньше свекровь помогала. Но она умерла год назад. Да и дочка уже выросла.
- Выпускной класс.
- Какой кошмар! — восклицает девушка.
- Приехали!
- Сколько я вам должна? — лезет в сумочку.
- Нисколько! — настало время развеять иллюзию ее безопасности.
- В смысле?
- А я не таксист! — тоном волка из «Красной Шапочки» шутливо рычу и поворачиваюсь к ней. Но реакция девушки сбивает с меня шутливый настрой.
- Я что, снова перепутала? — грустненько так смотрит на телефон, зажатый в руке.
- С вами это часто случается? — опешил я.
- Я просто без очков сегодня, а линзы порвались. У вас номер 686?
- Нет, 868.
- Вот блин... Простите. Давайте я вам заплачу.
- Не нужно. Номер оставь, — глазами показываю на телефон.
- Зачем?
- На свидание тебя пригласить хочу.
- Хватит с меня свиданий! — восклицает девушка огорченно и выходит из машины.
- Ну что опять не так-то?!

6. Михаил

6. Михаил

Закрыв за собой входную дверь, разуваюсь и бросаю связку ключей на тумбочку.

В кухне горит свет. Направляюсь туда.

Мое чадо, переодевшись в домашнюю пижамку и смыв косметику, с виноватым видом сидит за кухонным столом, свесив одну ногу со стула, а другую поставив на сиденье коленом вверх и положив на него подбородок. Греет руки кружкой чая.

— Пап, не ругайся пожалуйста, — виноватым голосом лопочет дочь.

Присаживаюсь за противоположной стороной стола. Развалившись на стуле и вытянув вперед ноги, молча смотрю в глаза дочери.

Мы играем в эту игру уже много лет. Дочь давно раскусила все правила ведения допроса, и теперь только подыгрывает.

Правильно подыгрывает, я бы сказал. Нижняя губка прикушена, взгляд из-под ресниц глубокий, виноватый.

— Пап, мы там по делу были.

— По какому? — стараюсь выровнять дыхание и не сорваться на крик.

— Я хочу мачеху.

— Кого? — вскакиваю со стула, падаю ладонями на стол.

— Ну я уеду скоро на учебу, а ты один тут останешься, — испуганно лопочет дочь.

— И что с того?

— Ну там... Варить борщи тебе надо, вещи стирать.

— С этим отлично справится мультиварка и стиралка. Лизка, ты совсем ополоумела?

— Папочка, ну ты у меня такой молодец, а одинокий, как волк. — Дочка встает со стула, обходит стол и прижимается к моему боку, обнимает меня руками за туловище. Выпрямляюсь и приобнимаю дочь.

— Медведь. — Недовольно скорее для вида ворчу.

— Чо? — из-под мышки высовывается Лизка, хлопает на меня удивленный сонный взгляд. Все, гроза миновала, можно расслабиться и не бояться.

— Ну я же Медведев.

— Аааа, — смеется дочь, а в моей груди разливается тепло. Моя дочь. Гордость моя и первые седые волосы от ее проделок. Но такая умница. Правда, остался нерешенным еще один вопрос. Обнимаю ее, присаживаясь на кухонный стул и усаживая ее, как маленькую на колени.

— И вы ничего умнее не придумали, чем поискать мне женщину в клубе, куда несовершеннолетних не должны пускать в принципе.

— Ну это не совсем так... — Лизка убирает прядь волос, упавшую на лицо, заводит ее за ухо. Глазками стреляет куда-то в сторону. — Я зарегистрировала тебя на сайте знакомств.

— Че?

— Папочка, не злись! — Лизка прижимается своей щекой к моей, пытаюсь погасить взрыв.

— Лизка. Ты с ума сошла?

— Я твою фотку не выставяла. И данные поменяла. А в клуб мы ее с девчонками пригласили только для того, чтоб посмотреть на нее и потом вас познакомить, если она нам

понравится.

— То есть вы смотрите, а мне смириться с вашим выбором?

— Ну мы симпатичную присматриваем...

— Так... — улыбаюсь в сторону.

— Чтоб хозяйственная, умная. Готовить умела, — перечисляет дочь.

— Ясно. — Дочь у меня одна и мозги ей вправлять это моя родительская обязанность. — Чтоб самостоятельностью больше не занималась. Поняла? — смотрю ей в глаза. — Можно на кого угодно нарваться. Маньяков в городе полно, — вспоминаю пугливую девушку, которую подвозил домой, — а я не всегда могу быть рядом, чтобы тебя защитить.

— Ты не злишься?

— Логин и пароль мне на стол, удаляй сайт из компьютера и спать иди.

— Ты обещаешь задуматься над этим, пап?

— Я разберусь.

7. Машенька

Меня будит пронизывающий звук дрели, будто сверлит прямо в висок. Пытаюсь открыть глаза, и у меня это получается после нескольких минут попыток. Это не мой мозг звенит, а всего лишь сосед делает ремонт. В субботу! Беру телефон с тумбочки. В восемь утра! Он там с ума сошел что-ли? Подрываюсь на кровати с намерением пойти прочистить мозг соседу и со стоном падаю на подушку обратно. Перед глазами все плывет, на корень языка давит тошнота. Вот это гульнула вчера!

Анжелка напилась коктейлей и повисла на каком-то слащавом хлыще, который таким же мутным взглядом поедал мою подругу, лапал за задницу, а она притворно убирала его руку и хихикала ему на ухо. "Машуль, прости, — невинно хлопала она глазками. — У меня тут матримониальный вопрос... Жизни и смерти". Я только махнула рукой, мол иди. Ну что я ещё могла ответить? Мой ухажёр не пришел, оставил короткое сообщение на сайте: "Сегодня не смогу. Прости. Занят". И чтобы не куковать в том клубе в одиночестве, я вызвала такси и поехала домой.

Дальше как в тумане.

Проверяю входящие и самое главное — исходящие на телефоне и с удивлением обнаруживаю, что звонил мой бывший муж. В память судорожно пробивается мирное покачивание автомобиля, уютное кожаное сиденье, уличные фонари вдоль дороги... Разговор о маньяках...

Я же всего три коктейля выпила, почему меня так развезло?

Снова беру телефон в руки, решая вопрос с бывшим мужем отодвинуть до лучших времён. Пока не прийду в себя и не обрету душевное спокойствие.

Пока набираю Анжелку и слушаю длинные гудки в трубке, аккуратно, стараясь не растряссти подташнивающий желудок, встаю с постели и направляюсь в кухню. Гудки в трубке прекращаются, сигнализируя о том, что абонент не слышит или попросту забил на волнения и тревоги подруги.

Упорно нажимаю вызов снова, беру стакан с полки и наливаю в него воду из кулера.

Живительная прохлада вливается в горло, наполняет взбаламученный желудок, убирая тошноту. Эх, как хорошо.

С пятой попытки абонент наконец-то решает ответить на звонок.

— Алло, — раздается в трубке недовольное кряхтение.

— Ты живая?

— Местами.

— Это как?

— У меня все болит. Даже то, что не должно болеть в принципе.

— Давай без подробностей!

— Хорошо, — в трубке что-то шебуршит, слышу скрип. — Ушел засранец.

— Кто?

— Митя!

— Это тот, с кем ты вчера ушла, оставив меня в одиночестве? — голос мой звенит от возмущения. Я между прочим волновалась.

— О! Прикинь, записку оставил, — игнорируя мои претензии восклицает Анжелка. — "Ты лучшая!" И номер телефона. Вот наглец.

— Почему наглец?

— Он реально думает, что я ему позвоню?

— А почему бы и нет?

— Машк, аллэ! Мне 32, а ему 26. Старовата я для отношений.

— Для секса не старовата, а для отношений старовата.

— Ты не понимаешь. Это другое.

— Ты мне вчера говорила про матримониальный планы.

— Это он мне на уши напел, — снова отмахивается подруга.

— А ты бы задумалась.

— Я задумаюсь, — произносит Анжелка в трубку таким тоном, что я понимаю — ни черта она меня не послушает. — Как там твой Медведь? — переводит тему.

— Он не пришел. Написал, что занят. Зря ты меня втянула в эту авантюру, — краем глаза улавливаю маленький рыжий пушистый комок, который подойдя к своей пустой миске и не обнаружив там завтрак, начинает тереться об мои ноги.

— Мне надоели твои стенания по Вадиму. Он мудака и козел. А ты умница и красавица. Подумаешь к другой ушел. Пусть катится, — в сотый раз, словно мантру, повторяет мне подруга.

— Мне обидно, — чешу малыша за ушком и насыпаю ему корм в миску. Малыш радостной припрыжкой кидается к миске.

— Мань, да ну хрен с ним. Чё ты зацикливаешься на этом мудаке? Мужиков полно, — эту песню я тоже слышала от нее не раз.

— Меня даже виртуальный прокатил, — неуверенно возражаю я.

— Ну на нем же тоже свет клином не сошелся. Продолжай в том же духе, найдешь ещё своего принца.

— Я подумаю, — говорю таким же тоном, как и Анжелка недавно. Ни черта я не подумаю. На пьяную голову я поддалась на уговоры Анжелки, которая утверждала, что клин клином вышибают, и мне срочно необходимо найти мужчину, чтобы поднять самооценку. В ходе размышлений и переписок с Михаилом я решила а почему бы и нет. Но видимо не судьба. Куковать мне до конца моих дней в одиночестве. Хотя нет, не в одиночестве. У меня теперь кот есть. А знакомств мне больше не нужно. Я больше не готова к такого рода экспериментам.

8. Машенька

Стараясь избегать бывшего мужа я не учла одного — он знает, где я живу, ведь я так и не переехала из нашей квартиры после развода.

Выхожу из душа, надев короткий лиловый халат и замотав голову полотенцем. После контрастного душа мне немного полегчало. С неудовольствием рассматриваю себя в зеркальную дверь шкафа-купе, стоящего в коридоре. Лицо землистого цвета, под глазами синяки. М-да. Красавица. И халат еще этот дурацкий. Я его купила четыре месяца назад, чтобы порадовать Вадима, но он “обрадовал” меня своими собранными чемоданами и заявлением на развод. Ну и пошел он...

Гордо вскидываю подбородок и направляюсь в кухню, как слышу какую-то возню за дверью квартиры. Тело мгновенно холодеет, и я застываю как вкопанная. Сердце бьётся испуганной птичкой. В полицию позвонить? А если замок взломают раньше, чем они приедут? Медленно пячусь назад, схватив себя за горло. Что мне делать?

Натыкаюсь на закрытую дверь в спальню, и медленно закрадываюсь в комнату. Выхватив из шкафа домашние штаны и футболку, быстро переодеваюсь и выхожу в коридор. Возня за дверью не прекратилась.

Пульс зашкаливает, отдаваясь эхом в ушах. Медленно подхожу к двери и задаю самый глупый вопрос в моей жизни:

— Кто там? — голос охрипший, дрожащий.

— Машк, ты че замки сменила? — раздается за дверью раздраженный голос бывшего мужа.

С облегчением выдыхаю и открываю замок.

— Ты че купалась? — потеснив меня у двери, бывший муж разувается и вразвалочку проходит в кухню, оценивающе осматривая ее, как свои владения.

— Да, душ принимала. — Моя рука взлетает к волосам, стараясь пригладить мокрые пряди.

— А я звоню-звоню. Думал что-то случилось. — Вадим присаживается на стуле и похлопывает по соседнему. — Садись, че встала как не родная. Разговор есть.

Я присаживаюсь рядом и с трепетом рассматриваю его, впитывая образ некогда любимого мужчины. Взгляд скользит по каштановым волосам. Длинная челка больше не спадает на широкий лоб, а зачесана высоко назад. Густые брови нависают над ярко-голубыми глазами. Мимические морщинки убегающие от уголков глаз не портят его нисколько. Тонкие губы приветливо растянуты в широкой улыбке. Все такой же красавец. И улыбается так же обаятельно, приветливо. А пахнет по-другому. Что-то терпкое, густое. Я всегда покупала свежий аромат, который ему так идет.

Сердце сжимается, словно по нему полоснули острым ножом.

Я не могу больше любоваться им каждый день. Готовить кофе, ждать с работы, когда он задерживается. Теперь понятно, где он постоянно задерживался в последнее время перед разводом. Эта мысль отрезвляет.

— Зачем ты пришел, Вадим? — выпрямляю спину и скрещиваю руки под грудью.

— Я что не могу зайти в гости к бывшей жене? — прищуривается Вадим.

— Нет. Ты можешь пойти к своей... — ищу синоним слова, крутящегося на кончике языка, но цензурного не нахожу.

— О! Ты котика завела? — отвлекаюсь на секунду, взглядом выхватывая пушистый рыжий комочек, который взъерошил шерсть и недовольным взглядом буравит моего бывшего. Пытаюсь подавить улыбку, кривлю губы и выравниваю дыхание. Пельмеш не любит чужих.

— Зачем ты пришел, Вадим? — повторяю свой вопрос.

— Моя девушка беременна, — сверлит меня внимательным взглядом муж.

— Поздравляю. — Спазм перехватывает горло и я встаю со стула, чтобы плеснуть себе водички в стакан, стоящий на полке.

— Мы живем в коммуналке, а это сама понимаешь неподходящие условия для ребенка, — чувствую спиной внимательный взгляд Вадима.

— А я тут при чем? — небольшой глоток воды заставляет утихнуть спазм в горле и ко мне снова возвращается голос. Ставлю стакан в мойку, разворачиваюсь и наваливаюсь поясницей на столешницу, опираясь руками по бокам.

— А при том, Машенька, что я хочу поделить наше с тобой имущество.

Внутри меня все холодеет. Не ожидала.

— Какое имущество? Квартиру купил мне отец за два года до нашего брака, — обвожу рукой комнату.

— А ремонт, как ты помнишь, оплачивал я. У меня даже щеки сохранились.

— Какой ты предприимчивый, — хмыкаю я. — Уже тогда все спланировал?

— Маш, ты взрослая женщина, и должна понимать, что люди часто расходятся, а жить где-то надо, — вкрадчивым тоном произносит Вадим. — О тебе папа подумал, а обо мне думать некому.

— Вот пусть о тебе твоя... — я наконец подбираю нужное слово, — ... девушка думает.

— Маша, давай не будем доводить дело до суда, — Вадим встает со стула и медленно приближается ко мне, давля своей аурой и заставляя вжиматься в стол. — Эту двушку можно продать. Квартира просторная, уютная. — Он прижимается пахом к моему животу, а рукой нежно проводит по волосам. — А деньги поделим поровну.

— А мне где жить? — веду головой в сторону, стараясь убрать его руку.

— купишь однушку в другом районе. Я так и быть возьму свою часть деньгами.

— Ну ты и сволочь! — отталкиваю его от себя. Вадим, размахивая руками, делает два больших шага назад и падает на стул. Маленький пушистик, испугавшись громкого звука, тихонько пищит и убегает прочь из комнаты.

Возмущение топит меня, а обида придает силы к сопротивлению. Как я прожила десять лет (!) с этим...

Ох!

Замечаю, что взгляд Вадима изменился. Режет меня стальным блеском глаз. Острым. Холодным. Приветливая маска простодушного дурачка слетела, и я словно вижу его впервые. Этого мужчину я не знаю. Не узнаю. И эта трансформация меня пугает.

Обхватываю себя руками, словно пытаюсь защититься. Вадим тем временем расслабляется, наваливается спиной на спинку стула. На его губы снова ползет приветливая улыбка, только глаза все-равно холодны, как лед.

— Маш, ну зачем тебе такая большая квартира? Или надеешься сюда нового мужа привести? Ммм? — ловит мой взгляд и не отпускает. — Детишек нарожать? А сможешь ли?

— Прекрати, — прерывая зрительный контакт, тихим шепотом выдыхаю в сторону.

— Неблагодарная ты, Маш. Я тебя из такой грязи вытащил. Любил всем сердцем несмотря на этот... эпизод, — по живому режет бывший муж обидными словами.

— Уходи, пожалуйста.

— Ты даже ребенка моего не смогла выносить.

— Прекрати! — закрываю лицо руками, с удивлением замечая, что ладоням мокро.

— А моя девушка сможет. И родит. А ребенку нужны условия, Маш, — насаждает Вадим.

Нарастающий гул в ушах мгновенно прекращается щелчком. Вот и основная цель его визита. Убираю руки от лица и смотрю на него. Стараюсь вложить в свой взгляд всю свою ненависть.

— Вот и катись к своей беременной, — руками опираюсь на столешницу, иначе чувствую, что упаду. Обида и боль бурлят во мне гремучим коктейлем, комок слез разъедает горло. — Я устала тебе доказывать, что я ни в чем не виновата!

— Ты не захотела еще раз попробовать.

— Мы пробовали! — Срываюсь я. — Два года пробовали! А ты!.. Заделал... какой-то... — Рыдания душат, не позволяя выразить свои чувства. — Вали к ней! — делаю взмах рукой в сторону двери. — Убирайся вон из моей квартиры! — срываюсь на крик. — Из моей жизни вали!

— Смелая такая стала? Ммм? — Вадим поднимается со стула и медленно приближается ко мне, словно тигр к своей добыче. Вжимаю голову в плечи, ожидая удара, но его нет. Красивые глаза Вадима сужаются в опасном прищуре. Он в ярости. — Я хотел по-хорошему, а ты как всегда...

Выставляю руки вперед, останавливая его приближение. Мне страшно. Действительно страшно. Он никогда не поднимал на меня руку, даже в пылу ссоры, но таким я его вижу впервые.

— По-хорошему уходи, иначе... — мой голос срывается. Я не знаю, какие привести аргументы. Что я, слабая и маленькая, могу ему сделать? Он выше и сильнее меня. Мощнее намного. Тем временем Вадим вжимается грудной клеткой в мою выставленную вперед руку, больно хватает за запястье, и эта боль срывает все мои тормоза. Пытаюсь вывернуть руку, но он вцепился крепко. Бью его ногой в колено и вырываюсь из захвата. Вадим сгибается пополам.

— Ах ты!.. — шипение вырывается из его горла.

Хватаю стул и заносу над плечом. Руки сводит от напряжения. Точно в тренажерный записаться надо — силы и выносливости у меня, как у воробушка.

Вадим разгибается, бросается ко мне, вцепляется в ножки стула и делает рывок на себя, разворачивая меня спиной к окну. Вцепившись в стул, как в спасательный круг, я не отдаю. Сделает еще один рывок и я огребу стулом по голове. Поэтому, на следующее движение Вадима разжимаю пальцы и бывший муж, потеряв точку опоры летит на пол. Стул с громкий звуком приземляется рядом. На лице Вадима написано недоумение, которое тут же сменяется злостью. Пячусь назад, пока не упираюсь попой в подоконник. Вадим поднимается с пола и надвигается на меня. Замерев, словно пойманный заяц, сжимаюсь в комок. Ну все. Мне конец. Мамочки!..

Громкий звонок и стук в дверь отвлекает Вадима, заставляя его замереть и обернуться. Уловив момент, я проскакиваю под его рукой и, спотыкаясь об стул, бросаюсь к двери. Вадим налетает на меня, навалившись грудью на мою спину, но отталкиваю его спиной, успевая щелкнуть замок и распахнуть дверь.

На пороге стоит потрепанная Анжелка с бутылкой шампанского.

— А вы тут чо это... — Недоуменно смотрит на стоящего позади меня бывшего мужа.

Его горячее дыхание обжигает мою шею, поэтому спиной отталкиваю его назад.

— А мы тут в салочки играли, — задыхаюсь, словно пробежала стометровку. — Вадим уже уходит, — это Анжелке.

— Мы не договорили, — пытается возражать бывший муж.

— Своей залетной привет передавай, — хватаю куртку Вадима с крючка и припечатываю ему в грудь.

Надевая куртку и быстро обуваясь, Вадим боком выходит мимо оторопевшей Анжелки.

— Поогрызайся еще у меня, — скалится за ее спиной.

— Не у тебя! — восклицает Анжелка, быстренько придя в себя и захлопывая за ним дверь, забыв закрыть ее на замок.

— Машка, что здесь произошло? — Анжелка вручает мне бутылку и разувается, снимает пальто и вешает на крючок в прихожей. На тот же, где висела куртка Вадима, замечаю с содроганием. Здесь напоминает о нем. Ремонт что-ли сделать?

Вхожу в кухню и ставлю бутылку на стол, наклоняюсь, чтобы вернуть стул в прежнее положение. Анжелка входит следом.

От адреналина меня колотит так, что зубы стучат друг об друга. Обхватываю себя руками, стараясь сдержать тремор.

— Ооо, подруга, — улавливая мое состояние, Анжелка усаживает меня на стул, и склоняясь надо мной, внимательно всматривается в мое лицо. — Я сейчас, — шепчет она.

Смотрю прямо перед собой, пытаюсь сфокусироваться на светло-бежевых обоях, которые пять лет назад так скрупулезно выбирала в магазине. Анжелка разлепляет мои руки и всовывает в них стакан.

Приятная прохлада пробирается сквозь стекло в дрожащие руки. Поднимаю голову и смотрю на Анжелку. Ее глаза расширены от ужаса, словно она паука увидела.

— Пей давай, — пальцами подталкивает стакан за доньшко к моим губам. Делаю глоток, и меня прорывает. Слезы текут горячими ручьями по щекам, всхлипы душат горло.

— Ну ты чего, Мань? — Анжелка становится на колени возле моих ног и обнимает меня, успокаивающе гладит по влажным волосам. А я не могу остановиться плакать. От истерики сотрясается грудная клетка, из которой вырывается горестный вой.

— Зашла, блин, похмелить тебя после вчерашнего, — приговаривает Анжелка, пока я рыдаю.

— Его девушка, — выплевываю ядом это слово, — беременна! — Кричу сквозь рыдания.

— Ну и хрен с ней! От тебя он что хотел?

— К-квартиру, — истерика прекратилась, оставляя после себя лишь легкие всхлипы.

— Нафига она ему? — удивляется подруга.

— Его ребенку нужны условия, — ошалело шепчу я. Только сейчас до меня доходит, какая же я никчемная. У Вадима уже есть любимая женщина, скоро будет ребенок. У него полноценная семья. А я одна! Одинокая и никому не нужная.

— А ты тут при чем? — Анжелка отстраняется от меня и присаживается на другой стул. — Сам заделал, пусть обеспечивает.

— Он не отстанет, — выдыхаю я. Не могу объяснить, но в его облике сегодня мелькнуло что-то такое... Упорство. Раньше меня это в нем восхищало, но я чувствую, что сейчас он пойдет на принцип, одолевая меня. Злость движет им. Направляет.

— Мань, мы ж его раскатаем в суде, — ободряюще произносит подруга. Мне бы ее уверенность.

— У него чеки есть.

— Какие чеки?

— За ремонт.

— Вот пусть и подотрется ими. Не переживай, Маш. Квартиру отвоюем.

— Как я могу воевать с невинным ребенком?

— Не ребенок с тобой воюет, а его мамаша.

— Какая мамаша?

— Которая подстрекает Вадима. Я его таким злым никогда не видела.

— Я тоже.

— А с виду таким милым был. Добрым. Всем помогал.

— Анжел, — умоляюще прошу. — Я хочу побыть одна.

— Машк, ты не в адеквате. Я боюсь за тебя, — отвечает подруга, вкрадчиво вглядываясь в мое лицо. Признаки шизофрении что-ли ищет?

— Анжел. Мне нужно подумать. Обо всем.

Подруга вздыхает, окидывает меня неуверенным взглядом. Твердо смотрю ей в глаза. Она лишь встаёт со стула, поджав губы, одевается в прихожей и уходит. Закрываю замок на двери и сползаю по ней на пол. Сил нет. Не осталось ни капельки. Я разбита.

9. Машенька

Звонок мобильного телефона выводит меня из сна, в котором я сидела привязанная к стулу, а надо мной склонился мой бывший муж. В ушах так и звенит его крик: "Отдай! Отдай! Отдай". А вокруг меня скачет кто-то, наворачивает круги, вселяя дикий ужас.

Открываю глаза и спросонья принимаю звонок.

— Машк, ты спишь? — истерично хлопает голос подруги в телефоне.

— Да, — тяну недовольным тоном, прижимая руку ко лбу в надежде развеять морок сна. Приснится же такое!

— Машк, мне помощь нужна!

— Что опять случилось?

— Маш, я ему позвонила.

— Кому?

— Мите!

— Это тот, который тебя всю ночь "укатывал"?

— Машк, дело серьезное!

— Ладно, — сажусь на кровати, рассеянно хлопая глазами. Пытаюсь сфокусировать взгляд, и натываюсь взглядом на рыжика, мирно спящего в углу кровати. — Рассказывай.

— В общем, я ему позвонила. Он ответил, что занят.

— Может действительно занят? — знаю я свою подругу и особенность ее мышления — надумать то, чего нет в помине.

— Маш, он в клубе развлекался.

— Ааа, — сонно тяну и смотрю на часы, стоящие на тумбочке. Час ночи! Ну даёт Анжелка! — И что?

— Я приехала в тот клуб, где мы вчера были, помнишь? — голос Анжелки срывается на всхлипы.

— Помню. А он что? — рывком встаю с кровати и кидаюсь к шкафу, пытаюсь найти наощупь одежду потеплее и поудобней.

— А он с другой телкой! Целуются!

— Вот козел! — восклицаю в сердцах. И ведь пел Анжелке про любовь, про свадьбу. Подруга, хоть и прикидывается крепким орешком, но в глубине души поверила ему. Такая уж она... Доверчивая. Надеется встретить принца на белом коне, который влюбится в нее с первого взгляда, сделает предложение и увезет в закат делать детей и жить долго и счастливо. Желательно богато.

Прыгаю на одной ноге, зажав ухо телефоном. Узкая штанина джинсов никак не надевается, время идёт, я психую. Зная Анжелку, стараюсь побыстрее собраться, ведь она снова встряла в какую-то з...

— Они уехали. Вместе. — Всхлипы прекращаются, а я так и замираю с телефоном, прижатым к уху, стоящая на одной ноге. Падаю попой на кровать. Рыжик, подскочив на одеяле, с диким визгом улепетывает в сторону кухни. Можно подумать, это не кот, а маленький поросенок, которого режут разделочным ножом.

— Анжел, ты где сейчас? — по телу проползает холодок нехорошего предчувствия и волнения за подругу.

— У них. Под окнами. — Обречённо шепчет Анжелка.

— Адрес мне скажи и стой, жди меня. Я скоро.

— Хорошо, Машк, — снова всхлип.

— Ничего не делай! Просто стой! — кричу в трубку, — я скоро.

— Спасибо, — снова шепот.

***

Так быстро я никогда не одевалась. Наконец застегнув на себе джинсы, вызываю такси, засовываю телефон в карман, хватаю ветровку с крючка в прихожей, обуваю кроссовки и пулей вылетаю из квартиры, не забыв закрыть дверь на замок.

Дорога в Суворовский кажется мне вечностью. Район новый, ещё недостроенный, но судя по отзывам в интернете, условия для проживания там аховские. Новые многоэтажки с качественным ремонтом, школа и детский сад уже работают. Магазин, судя по всему, круглосуточный, мелькает в окне автомобиля, когда такси проезжает мимо и паркуется через два дома.

Мартовская луна освещает темный уютный двор. Клумбы с ещё не расцвевшими цветами, три машины, припаркованных на специальной стоянке, а не на проходной части, как в моем дворе. Может просто потому что жильцов меньше и машин соответственно?

Сунув деньги таксисту, быстро выбираюсь из машины и шуря глаза в темноте, пытаюсь найти подругу. Время уже очень позднее, в окнах не горит свет, все давно спят, фонари отключили час назад. Только моя несчастная подруга, пригорюнившись, одиноко сидит на лавочке возле подъезда.

— Анжел, — аккуратно тормошу ее за плечо. Подруга поднимает на меня заплаканные глаза, а у меня в груди все обрывается. Больно за нее. Анжелка бросается мне на шею, тело ее сотрясается от рыданий. Глажу ее по голове, успокаивая. — Ну зачем ты сюда приехала?

— Я думала у нас все серьезно... Он мне такие вещи говорил... Мне никто такого не говорил... И двоих детей... Обещал...

— И домик у моря, — подхватываю я. Старая песня.

— Квартира в центре, — отрывается Анжелка от моего плеча.

— Она тебе нужна?

— Я любви хочу-у-у-у, — снова воет подруга.

Прижимаю ее голову к своему плечу.

— Может ну его? Считай это одноразовой акцией.

— Машк, а как же я? — шепчет подруга и снова поднимает голову, смотрит на меня. — Я не могу так.

— Как так?

— Лапши навешал и свалил в закат! Зачем тогда номер оставил? — истеричный тон подруги эхом отскакивает от домов.

— Тише ты! — шикаю на нее. — Всех соседей разбудишь.

— Я сейчас всех перебужу, — уверенный настрой подруги лишает меня попыток возражать. Ее слезы пересыхают как по мановению волшебной палочки. Анжелка отстраняется от меня и твёрдо топает в сторону подъездной двери.

— Ты куда? — Бросаюсь за ней следом.

— Щас устрою этой сладкой парочке! — набирает код на домофоне.

— Откуда ты номер квартиры знаешь? — удивлённо спрашиваю.

— Да? — В динамике домофона раздаётся сонный недовольный голос.

— Помогите, пожалуйста, — жалобным тоном ноет подруга, — я ключи от дома

забыла, мама будет ругать, откройте, пожалуйста. — голос как у малолетки, но этот номер прокатывает и спикер гудит звуком открывающегося замка. Анжелика с тихим вскриком хватается за ручку двери. — Спасибо большое.

— Больше не гуляй так поздно, — шаркает недовольный голос в домофоне и отключается.

Анжелка забегает в подъезд и нажимает кнопку вызова лифта.

— Ты хоть знаешь в какой они квартире? — шепчу я.

— Примерно. — Анжела смотрит вперёд расфокусированным взглядом. Скулы ее заострились, челюсти плотно сжаты. — Я видела в каком окне загорелся свет через три минуты после того, как они вошли в подъезд, — наконец отмирает подруга.

Двери лифта расходятся, мы заходим внутрь и Анжела нажимает кнопку с номером "9".

— А если ты ошиблась?

— Надеюсь что нет.

Лифт медленно везёт нас вверх, а я молюсь всем богам, чтобы Анжелка успокоилась и не натворила дел. Я здесь для того, чтобы поддержать морально и уберечь ее от беды. Она расстроена, я понимаю. Но так же я прекрасно знаю, на что подруга способна в период отчаяния. По сути она хочет вломиться в чужую квартиру и устроить дебош. Ее уныние быстро сменилось боевым настроением, глаза так и блещут в поисках расправы и кары за обиду. Но ведь ни та девушка, ни Митя ни в чем не виноваты. Один навешал лапши на уши, "отлюбил" по обоюдному согласию, и свалил в закат, чтобы найти новую "любимую". И сейчас эту сладкую парочку ждут большие неприятности в виде дракона по имени Анжела. Ох, что будет!

Двери лифта открываются и мы выходим на лестничную площадку. Тут чистенько, уютно, даже пальма в горшке стоит в углу коридора.

Анжелка нажимает кнопку дверного звонка и за ней раздаётся звонкая трель.

10. Машенька

Трель звонка прекращается оглушающей тишиной. Анжелика не унимается и снова жмёт на кнопку. Затем, не в силах справиться с эмоциями, с яростью стучит в дверь кулаками.

— Че надо? — раздаётся из-за двери приглушённый немного испуганный женский голос.

— Вы меня топите! — восклицает Анжелка.

— Вы на время смотрели? Идите спать.

— Да как я пойду, миленькая? Вы ж мне всю кухню залили! Я сейчас управляющему позвоню. Квартира новая, свежий ремонт, обои сама выбирала. Думала соседи нормальные. Вы мне все испортили! — актерскому таланту моей подруги можно позавидовать, и я невольно восхищаюсь ей. Можно подумать, что она не школьный учитель, а известная актриса Московского театра.

— Валите отсюда, женщина, — женский голос за дверью сквозит усталостью.

— Я те щас свалю! — возмущается подруга и колотит в дверь двумя кулаками. — Открывай давай, или я в полицию позвоню.

— Не надо никуда звонить, сейчас открою.

Услышав щелчок замка, Анжелка хватается за ручку двери и рывком распахивает ее, врывается в квартиру и отпихивает девушку с такой силой, что та летит в сторону и глухо ударяется об стену. Я успеваю заметить лишь то, что она хрупкая блондинка.

— Ты чё творишь, дибилка? — вопит она, уже сидя на полу и схватившись за голову.

— Я ещё не начинала! Где Митя?

— Какой Митя?

Не слушая воплей девушки, Анжела с громким топаньем направляется по коридору вглубь квартиры.

Девушка тут же вскакивает с пола и берет свои сапоги на тонком каблуке. Она вся наряжена и кажется встревожена, пытается засунуть ногу в сапог.

— Митя, Митенька- раздаётся встревоженный крик в глубине квартиры. — Ты чё с ним сделала, тварь?

Почувяв неладное, я хватаю девушку за руку, не позволяя ей уйти из квартиры. Девушка пытается вывернуть локоть из моего захвата, но я, приложив все усилия, держу крепко. Через секунду Анжелка появляется перед нами и хватает испуганную девушку за волосы, вырывая ее из моего хвата. Разжимаю руки и вжимаюсь в стену в прихожей, зажмурил глаза. С детства боюсь драк, всегда стараюсь уладить спор мирным путем. И такая агрессия меня пугает.

До моих ушей долетает звук возни, приглушённые крики. Выдохнув, открываю глаза, вдруг подруге нужна моя помощь. Но взору предстает совсем другая картина, далёкая от моих ожиданий. Белокурая девушка лежит на полу, прижав ладони к лицу, по которому хлещет пощёчины Анжелка, сидя на ней сверху, придавливая своим весом к полу и не позволяя вывернуться.

Мощный удар в спину сбивает меня с ног и я лечу вперед. Аккурат на подругу и почти забитую девушку.

— Лежать смирно. Вы арестованы по подозрению в применении сильнодействующих

наркотических веществ, а так же по подозрению в хищении чужого имущества, согласно статьям 234 и 161 Уголовного Кодекса Российской Федерации.

— Мы ничего такого не делали, — оглушенная громким голосом и внезапностью появления в квартире мужчин в полицейской форме, пытаюсь оправдаться я.

— Разбираться будем в отделе, — басит громкий голос уже над моим ухом. По моей спине холодной змеёй ползет страх. — Наденьте на них наручники и везите в отдел.

Ну вот и все. Допрыгались.

11. Михаил

"Какой чудесный день! Какой чудесный пень! Какой чудесный я и песенка моя!" (Слова песни из мультика)

С раздражением рассматриваю трёх девиц сидящих передо мной за столом в комнате для допросов. Одна из них — блондинка двадцати двух лет — и есть та самая клофелинщица, на поимку которой были брошены силы всего отдела по борьбе с преступностью. Одета при параде. Ярко-красные сапоги на высоком тонком каблуке стройнят длинные ножки девушки, короткое блестящее серебристое платье плотно обтягивает стройную фигурку, не скрывая выдающихся прелестей девушки в виде упругой на вид груди третьего размера и такой же аппетитной попки.

Только волосы ее всклокочены в беспорядке, тушь потекла, на щеках алеет нездоровый румянец, а глаза лихорадочно блестят, нервно зыря по сторонам. Подозреваю, что вид взъерошенного птенца ей придала рыжая дамочка постарше, сидящая рядом, и которая сорвала мне вчера операцию, умыкнув моего лейтенанта, сладко дрыхнувшего сейчас в своем кабинете и зная не знающего, к каким последствиям привели его безответственность и недисциплинированность.

Однако меня больше интересует тихая мышка, притаившаяся на третьем стуле. Голову вжала в плечи, обхватила себя руками. Светло-серые глаза-блюдца так и хлопают тревогой. Боится девушка. Странно все это...

Что-то в ее облике мне кажется знакомым. Аккуратный прямой носик, темно-каштановые в тон волосам на голове брови вразлет, манящие пухлые четко-очерченные губки... Где-то я ее уже видел, причем совсем недавно, а вот где — вспомнить не могу.

Она красивая. Не той вызывающей красотой разодетой блондинки, а другой — теплой, искренней. Распахивающей свои любящие объятия, когда приходишь уставший с работы и проклинаешь весь белый свет. А она садится на твои колени, прижимается так доверчиво, вызывая томление в груди, и развеивает все печали одним своим ласковым взглядом. Против воли замечаю, что сердце начинает стучать чуть быстрее и раздражаюсь ещё больше. Тахикардии из-за преступницы мне ещё не хватало! Хотя какая она преступница...

Блондинка, рыжая и брюнетка... Вокально-инструментальный ансамбль "Бл*".

Свой концерт начали ещё в полицейском УАЗике. Пришлось цыкнуть на них и пригрозить обезьянником. Теперь каждая из них тянет свое соло.

Пока капитан Мирошников записывает показания девушек, они ведут себя тихо, смиренно. Блондинка познакомилась с лейтенантом Ломовицким (он же мирно посапывающий Митя) в клубе "Фараон", согласилась поехать к нему домой для приятного продолжения знакомства. Выпили вина, Митя отрубился. Потом ворвались рыжая и брюнетка и напали на "бедную пострадавшую".

Сама "пострадавшая" ведёт себя спокойно, говорит слаженно, уверенно. Руки сложены на коленях, спина прямая, в глазах невинность.

— Мне нужен адвокат, — , презрительно выплевывает "потерпевшая", пока я обмозговываю ситуацию.

— Будет тебе адвокат.

— Я требую телефонный звонок. Мне по закону положен, — продолжает играть на моем терпении блондинка.

— Требуй, — прищуриваю глаза и склоняюсь над столом, ловя немного испуганный взгляд девушки. — Ты подозреваешься минимум по двум статьям уголовного кодекса, тебе светит до пяти лет тюрьмы.

— Если докажете, — обретает в себе уверенность блондинка.

Только в самой глубине глаз плещется страх. Девушка попалась, это понятно.

Клофелинщица ничего вынести из квартиры не успела, хоть мы ее обставляли разными дорогими финтифлюшками, взятыми из склада вещдоков. Теперь и не предъявить ничего толком. Факт грабежа не зафиксирован — все вещи на своих местах, хранение наркотиков тоже не предъявить — девушка избавилась от улики, выкинув пакет, в котором носила клофелин, в окно. Где теперь этот вещдок искать? При хорошем адвокате отмажется. Очная ставка с предыдущим потерпевшим ничего не даст. "Пальчиков" на месте преступления не обнаружили, на камерах лица не видно, девушка хорошо постаралась. Никаких связующих с тем преступлением нет. Даже если мажорчик ее узнает. Придется нам ее отпустить, и она это прекрасно понимает. Осталось выяснить работает она сама или под чьим-то руководством. Короче, есть ли у нее "крыша".

На счёт рыжей мне все предельно ясно. Влюбилась дурочка в Митяя по уши, поехала устраивать головомойку бедному Ромео, но обнаружила лишь бессознательное тело, испугалась за любимого, проявила агрессию к "потерпевшей".

А брюнетка приехала "спасать" рыжую бедовую подругу.

Голова раскалывается от напряжения и шерудящих мыслей. Кручу паспорт рыжей в руках. Королькова Анжелика Валерьевна, 32 года, не замужем, детей нет.

И что мне с этим трио теперь делать?

Только у рыжей есть с собой паспорт, брюнетка забыла дома, а блондинка принципиально в клуб его не брала. Ну что за ё..!

— Блондинку до выяснения обстоятельств в обезьянник, брюнетку тоже, рыжая — домой, — командуя капитану, на что получаю протестующий ропот брюнетки. Подобралась вся, смотрит сердитым воробушком.

— Я не могу в обезьянник, — с брезгливостью выплевывает последнее слово.

— Чё так? — развожу руки в стороны, поднимаясь со стула. — Мама не велит?

— Мне нужно контрольные проверить на понедельник, а сегодня уже воскресенье, — тянет мне тонкое запястье, на котором блестят золотистым блеском красивые наручные часы.

Йопт! Она ещё и училка!

От борзоты и невинного тона девушки теряю дар речи. На секунду.

— Добудешь паспорт и свободна.

— Я могу его привезти! — поднимает вверх руку как в школе рыжая.

— Вези, — пожимаю плечами.

— Только в обезьянник ее не сажайте, — умоляющим тоном, сложив руки под грудью, молит рыжая.

— А куда я ее дену? — мозг взрывается новой головной болью. Мне ещё кучу бумажек заполнять. Что за день-то такой!

— А можно я у вас в кабинете посижу? — тоненьким жалобным голоском мямлит брюнетка. — Пожалуйста, товарищ полицейский. — Руки так же, как и подруга, сложила под грудью в молитвенном жесте. С удивлением замечаю, что лифчика на брюнетке нет, полы куртки распахнулись, являя миру заострившиеся соски, виднеющиеся под тонкой

тканью футболки. Сглатываю подступившую слюну. Кто ж в таком виде среди ночи выходит на улицу, а?

— Здесь не дом терпимости, а полицейский участок. Я действую по протоколу, — осипшим от волнения голосом ворчу сквозь зубы. Почему я перед ней оправдываюсь?

— Пожалуйста. — Шепчет брюнетка, глазами, в которых застыл ужас, стреляя в блондинку. — Я тихонечко посижу в сторонке. Да хоть здесь меня оставьте, только не за решетку.

— Хорошо. За мной, — жестом показываю ей на дверь. — А ты поторопись с паспортом, — киваю рыжей.

— Анжел, — брюнетка достает из кармана ключи, — в прихожей. В сумке.

— Я поняла, — торопится рыжая. — Что с Митей? — обращается ко мне.

— Все в порядке с твоим Митей. Проспится и домой пойдет.

— А я? — подает голос блондинка и тянет руку вверх, как недавно рыжая. То есть Анжела.

— А ты жди своего адвоката, — ухмыляюсь я. — Пусть везёт твой паспорт.

12. Михаил

12. Михаил

Добренький дядя Миша... Нахрена позволил себя уговорить? Даешь слабину, товарищ майор. Окопавшись в куче бумаг, пытаюсь сосредоточиться на деталях дела, но ничего не получается. А причина этому — тихая мышка, мирно сидящая в углу моего просторного кабинета. Замерла, словно статуя, сложив руки на коленях. Она хоть дышит?

Встаю со стула, подхожу к невысокой тумбочке, стоящей у окна и щелкаю кнопку электрического чайника.

— Кофе будешь? — нарушаю тишину в кабинете.

Мышка, словно в прострации, продолжает гипнотизировать стену моего кабинета. Подхожу к ней ближе. В нос ударяет легкий запах цветочных духов, мой рот наполняется слюной. Да что с тобой такое, Медведев? Обыкновенная Мышка, а ведешь себя, как первобытный человек, утащивший женщину в свою пещеру. Она вся трясется от страха, даже с другой женщиной боится в одной камере сидеть, а тебя пугается, и это видно невооруженным глазом.

Слишком я добрый и мягкий с женщинами. Но и быть строгим с ними не могу. А вот держать в страхе — не мужское это дело. Воевать с женщиной — это дно.

Наклоняюсь над ней и щелкаю пальцами перед ее лицом.

— Хьюстон, Земля вызывает!

— А? — наконец отмирает девушка и переводит свой расфокусированный взгляд на меня. Наконец-то!

Глаза у нее светло-серые, мелькает мысль в голове. Зачем мне эта информация?

— Кофе будешь? — голос меня подводит. Выпрямляюсь и направляюсь к тумбочке, где храню кружки, кофе, сахар. Выполняю все необходимые манипуляции, пока девушка разглядывает меня. Не выдержав пристального взгляда, поворачиваюсь к ней.

— У меня на спине что-то написано?

— Н-нет, — тихий заикающийся голос девушки поднимает волосы на моей коже. Что ж тебя от нее так ведет, товарищ майор?

Кабинет у меня большой, как и положено начальнику. Когда я вступил в должность начальника МВД, приказал сделать ремонт и мастера постарались на славу.

Ненавязчивый светло-серый цвет стен навевает сосредоточенность. Вишневого цвета деревянные двери и столы придают строгому стилю некую пикантность. Два кожаных дивана черного цвета для негласных переговоров и моего отдыха притаились в углу кабинета. В одном из них и замерла мышка-училка, что вызывает у меня тахикардию каждый раз, когда я смотрю на нее.

К моему рабочему столу перпендикулярно приставлен еще один. Для совещаний. Вдоль этого стола выстроились в ряд не менее удобные стулья с низкой спинкой, обитые черной кожей.

— Не зажимайся так, я тебя не съем, — приглашающим жестом указываю на один из стульев. Хочу, чтобы девушка оказалась ближе, и я смог рассмотреть ее внимательней. Приглушенный свет настольной лампы способствует этому, но не распространяет свой свет до диванов.

— Н-нет, спасибо. Я здесь тихонечко посижу.

Делаю глубокий вдох. Что ж так сложно-то?

Заливаю кипятком в кружки и несу к диванам. Ставлю одну на журнальный столик, стоящий перед Мышкой. Занимаю другой диван, грея руки горячей кружкой. Лизка мне их подарила на день рождения. Обе белые, тяжелые и большие. Как я люблю. А одной из них надпись: «Не спорь с начальником», а на другой «Cool Major»*. Дочка у меня с чувством юмора. Обожаю ее

Указываю на кружку глазами.

— Пей.

— Я подожду, пока остынет. Спасибо.

— Точно.

В кабинете повисает неловкая тишина.

Нервно постукиваю пальцами по своей кружке, пытаюсь придумать тему беседы.

— И часто ты попадаешь в такую ситуацию? — разрезает тишину мой гулкий голос.

— Первый раз, — сухой лаконичный ответ. — И мы с вами на «ты» не переходили.

— О! Строгая училка! — внезапно веселюсь я. Хоть какая-то эмоция прорвалась в обороне девушки. Пусть даже дерзость. Мне нравится.

— Вы имеете что-то против учителей? — поднимает свою голову девушка.

— Нет. Хочу понять. Ты не похожа на искательницу легких путей. И тем не менее чуть не оказалась за решеткой в одной камере с клофелинщицей и воровкой.

— Это случайность.

— Не спорю. Это не место для таких девушек, как ты, — голос мой теплеет.

— А где мое место? — вскидывает голову девушка и впивается в меня пытливым взглядом, под которым я начинаю чувствовать себя неудобно. Чувствую себя не майором полиции, а нашкодившим первоклашкой, которого отчитывает строгий классный руководитель.

Не знаю, что ответить, поэтому молчу. И она молчит. Так и сидим, думаем каждый о своем. Серый свет от окна освещает хрупкую фигурку девушки, ее напряженную позу.

За окном занимается рассвет. Судя по всему, время уже шесть утра. Вот и новый день настал. А мне ещё разбираться с клофелинщицей, вызывать потерпевших, заполнять кучу бумаг...

Тишину в кабинете прерывает звук открывающейся двери.

— Можно? Я привезла паспорт, — в дверях стоит запыхавшаяся рыжуля.

— Давайте, — встаю с дивана, оставляя кружку на столике. — Присаживайтесь, — взмахом руки указываю на диван.

Пока я делаю копии паспортов девушек и проверяю их в базе данных, девушки шушукаются в углу кабинета, и я невольно прислушиваюсь к их разговору.

Я не любитель влезать в чужие дела, но скромная пугливая мышка с прекрасным именем Мария вызывает во мне совсем нескромный интерес, и я хочу хоть немного приоткрыть завесу ее жизни.

Ознакомившись с данными в паспорте, я выясняю, что ей 30 лет, недавно развелась, детей нет.

— Прости меня, Машк, — долетают до меня слова рыжули.

— Все в порядке, Анжел, — голос Марии уставший, будто все горести мира свалились на нее.

— Я так больше не буду, — продолжает утешать подругу рыжуля.

— Надеюсь, — снова тихий вздох, от которого кровь по моим венам начинает течь быстрее. Да что ж такое-то?

— Может быть свободны, — кладу на стол их паспорта. — Распишитесь в протоколе, оставьте номера телефонов и ждите звонка.

— Какого звонка?

— Вы свидетели по делу об отравлении наркотическими веществами моего сотрудника, — как ребенку объясняю рыжале. — Вас вызовут в суд для свидетельствования.

“Если он будет”, - добавляю про себя.

Как только девушки выходят за дверь, меня одолевают грустные мысли.

И как потом ловить эту горе-клофелинщицу? Отпустить придется — это факт. Будет ли она заниматься дальше этим делом? Я не хочу вдаваться в подробности, почему бедная девушка ступила на этот скользкий путь: родители алкаши, тотальная нищета, нужда или что то другое. Она преступница. И меня бесит тот факт, что я не могу отправить ее за решетку. Я поступил в школу полиции для того, чтобы ловить преступников и защищать мирное население от бандитов. Но романтические мечты о благородной профессии разбиваются в прах, после увиденных картин реальных преступлений. Кровь, насилие, голодные избитые дети, изнасилованные молодые девушки. Все это отбивает желание быть снисходительным к преступникам, которые по глупости или в силу обстоятельств стали на скользкую дорожку. Малое преступление, оставшееся безнаказанным порождает насилие и беспредел. Теперь сердце болит лишь за непутевую дочь, которая постоянно влипает в дурацкие ситуации. Хорошо, хоть я знаю, что сейчас она дома. В безопасности.

*Cool Major — Крутой Майор (перев. с английского)

13. Машенька

Суббота вымотала меня окончательно. Сначала Вадим с его намерениями выгнать меня на улицу, затем Анжелка, потом арест. До сих пор не могу прийти в себя.

Все воскресенье я отсыпалась, чтобы потом полночи проверять тетради с контрольными работами. Из-за этого утром понедельника, проспав будильник, я поспешно оделась, насыпала в миску Пельмяшу сухого корма, и, словив его укоризненный взгляд, спешной походкой выпорхнула из дома.

Школа находится в двух кварталах от моего дома, это всего 10 минут пути. Старые сапоги неприятно жмут ноги, но меня греет мысль, что в шкафу учительской меня ждут очень удобные туфли на устойчивом каблуке, в которых я могу ходить весь день, не чувствуя усталости. Покупать новые сапоги не имеет смысла — весна в нашем городе очень коротка, и из зимних сапог я сразу переобуюсь в новые босоножки, которые я купила в прошлом году. Может этим летом на море съездить?

На работу иду как на каторгу. Мне кажется вся школа гудит как улей. К ногам будто гири привязаны, каждый шаг даётся с трудом. Каждый громкий звук заставляет встрепнуться, и пускает сердце вскачь. Я будто оплеванная. Опустив голову стараюсь быстро промелькнуть в учительскую. “Смотрите, какая Цаца!” Звучит над ухом. Я резко дёргаюсь и поднимаю голову.

Возле ворот школы я замечаю мужскую фигуру в знакомом плаще. Высокий фигуристый мужчина подает руку, выходящей из машины Виталины Андреевны, а когда он поворачивается, смерив презрительным взглядом школу, мое сердце заходится в диком танце от изумления и волнения.

Возле ворот школы я замечаю мужскую фигуру в знакомом плаще. Высокий фигуристый мужчина подает руку, выходящей из машины Виталины Андреевны, а когда он поворачивается, смерив презрительным взглядом школу, мое сердце заходится в диком танце от изумления и волнения.

Мой бывший муж. Вадим. Помогает выйти из машины моей начальнице, которая, увидев меня, прижимается всем телом к моему бывшему мужу и целует его в щеку. Вадим, не сводя с меня виноватого взгляда, поморщившись вытирает со щеки след губной помады.

Замерев на месте, не могу отойти от шока. Чувствую легкий толчок в бок. Поворачиваюсь, и срисовываю взглядом так же, как и я замершую в немом удивлении Анжелку.

— Мааань, — тянет она меня за рукав в сторону дверей школы, но моя злость требует выхода, поэтому твердой походкой направляюсь к машине моего бывшего мужа.

— Здравствуй милый, — задрав голову приветствую лицемерного гавнюка, который сменив выражение лица из удивленно-шокированного в ядовито-приветственный. — Машинку новую купил? Поздравляю! А откуда же деньги, которых так не хватает на новую квартиру? — задыхаюсь от ярости, стараясь не вцепиться ногтями в его красивое лицо.

— Вит, иди на работу, — Вадим целует завуча в щеку и легонько подталкивает ее в направлении здания школы.

— Но... — пытается протестовать она, бросая на меня высокомерный взгляд.

— Я разберусь, иди-иди, — снова легонько подталкивает ее.

— Ты же встретишь меня после работы? — играя бровями, нараспев произносит моя

начальница, указывая мне на машину коварным взглядом.

— Посмотрим. Пока, Вит, — цедит Вадим сквозь зубы, и, проводив ее взглядом, обращается ко мне: — Чего ты хочешь, Маш?

— Хочу знать, какого хрена ты ноешь мне о том, что у тебя нет денег, и покупаешь новую машину? Вам с ребенком негде жить? Живите в машине! — кричу на всю улицу, не сдерживая возмущения и обиды на бывшего мужа. Вадим больно хватает меня за локоть и уводит на два шага в сторону от ворот школы.

— Какого хрена ты творишь? — вырываю локоть из его крепкого хвата. Рядом с нами оказывается Анжелка.

— Анжел, оставь нас.

— Ага, щас. Я свидетель покушения.

— Какого покушения? — Вадим прикладывает указательные пальцы к вискам.

— Покушения на убийство подруги.

— Анжел, я тебя умоляю, отойди от греха подальше. Я ничего не сделаю Маше. Мы просто поговорим.

Дождавшись моего кивка, Анжела уходит к воротам школы, бросив за плечо: "Я тебя в учительской жду".

***

Он так красив, что слепит глаза. Или это подступающие слезы? Он что-то говорит, но я не слышу. В голове стоит оглушающий рев. Боль разрывает меня на мелкие кусочки, тело начинает дрожать. Кажется только сейчас до меня дошло, что моему браку конец. Я все ещё надеялась, что это ошибка, когда Вадим с участливым выражением лица рассказывал мне о том, как влюбился в другую, как все закрутилось. И о том, что у них все серьезно. Я тогда спросила: "А как же я?"

А вот теперь я понимаю. Как же я. Никак. Мешающее их счастью препятствие, которое Вадим обошел. Выкинул меня из своей жизни, собрав вещи и оставив меня разбитую и безутешную. Как я рыдала, когда увидела на тумбочке ксерокопию заявления о разводе! Тогда рядом была Анжелка. Поила меня всем, что горит. А я путала день с ночью, взяла на работе отпуск, чем вызвала раздражение завуча.

Той сучки, к которой ушел мой муж!

Боль накатывает с новой силой, я отворачиваюсь, стараясь незаметно смахнуть слезы рукой.

Вадим цепляет пальцами мой подбородок, и всматривается в мое лицо.

— Машуль, не плачь. Я же о тебе забочусь. Ну зачем тебе одной такие хоромы? Там все напоминает обо мне, неужели ты не понимаешь, что это ненормально? Ты слишком тяжело переживаешь наш развод. Тебе нужно отдохнуть, сменить обстановку. Я так уж и быть подожду до летних каникул, а потом продадим нашу квартиру? Хочешь, помогу тебе найти новую? Я-то как никто другой знаю твои вкусы, — ухмыляется этот подонок, а для меня этот звук как отрезвляющая пощёчина. Заботится он обо мне, а как же! Квартира ему нужна или деньги с ее продажи. А на меня ему плевать с высокой колокольни!

— Знаешь, Вадим. Я рада, что ты ушел. — Собрав всю силу воли говорю как можно безразличнее. Бывший муж отстраняется и недоуменным взглядом скользит по моему лицу. Не знаю откуда у меня берется смелость, но я произношу: — Гавно уплыло от моего берега. Будь счастлив.

Отталкиваю ошарашенного Вадима и ухожу прочь. Зализывать раны в кабинке

школьного туалета, чтобы потом нарисовать лицо, там где ему положено быть, натянуть безразличную улыбку и всем своим видом показывать, что мне все равно.

14. Машенька

— Ну а ты чё? — задаёт вопрос подруга, выгребая из тарелки последнюю ложку макарон с подливой.

А мне кусок в горло не лезет. Смыв слезы в женском туалете на втором этаже, и умывшись холодной водой в надежде снять припухлость век, я тайком, пока идут уроки и все преподаватели на занятиях пробралась в учительскую, благо у меня "окно" и есть свободное время привести себя в порядок.

Нанесла косметику, нарисовалась ярче обычного. Глаза подвела черным карандашом, бордовая помада оттенила синяки под глазами, которые не смог скрыть даже супердорогой лореалевский тональный крем.

Увиделись мы с Анжелкой только на большой перемене, когда дружно приползли из своих классов и так же дружно направились в сторону столовой.

— А я послала нахрен, — уныло отвечаю подруге.

— Молодец! — как всегда с энтузиазмом похвалила подруга. — Ну и дела! — склонившись над столом и перейдя на шепот, Анжела не может скрыть своего удивления. — Вот значит с кем он спутался, козел рогатый.

— Это я рогатая, а он просто козел.

— А чё он от тебя хотел? — не унимается подруга.

— Квартира. Типа обо мне заботится, типа для меня невыносимо там жить, где все напоминает о "счастливых" годах брака.

— Вот сука! — восклицает Анжела слишком громко, и я цыкаю на нее, оборачиваясь по сторонам.

— Здесь же дети!

— Да эти дети знают побольше нашего.

— Воркуете, девчонки? — к нам за столик присаживается Виталина Андреевна.

Мы с Анжелой не сговариваясь делаем "покерфейс", утыкаясь взглядами в свои тарелки.

— Машуль, я слышала, ты переезжаешь, — не стала ходить вокруг да около, а перешла сразу к сути Виталина. Мы не то, чтобы с ней подруги... Скажем так: если бы ее сбила машина, я бы принесла на ее могилу цветы. Засохший гербарий. Это было до того, как я узнала, что эта сучка увела моего мужа. А сейчас...

На моём лице расплывается довольная улыбка, когда я представляю, как обхватываю ее тонкую бледную шею руками и...

Меня трясет от злости. Видимо, я переступила тот порог, когда поддаешься эмоциям, плывешь по течению, говоришь глупости. Сейчас в моей голове произошел щелчок. Организм устал от сильных эмоций и решил расслабиться. В дело вступает мозг и чувство юмора. Видимо это защитная реакция. Резерв сил.

— У вас неверная информация, Виталина Андреевна. Я остаюсь. Работать здесь и жить в своей квартире, — с нажимом на последней фразе, откидываясь на спинку стула, закидываю ногу на ногу.

— Но как же, мне Вадим сказал, что ты решила съехать и продать квартиру, — растерянно говорит Виталина. Видимо не ожидала, что я дам отпор их с Вадимом фантазиям отсудить у меня квартиру.

— Я ничего такого не решала.

— Ну ты вспомни, вы ведь с Вадимом разговаривали на эту тему.

— Да? — настойчивость Виталины начинает меня утомлять. Теперь я понимаю, на какой почве сошлись эти двое. Каким именно образом, я не хочу даже представлять — слишком больно.

— Да. Я даже могу тебе помочь с переездом, — утвердительно кивает головой завуч.

— Чем же? Вещи перевезти? Вам же нельзя поднимать тяжести. Вы же беременны, — повышаю интонацию на последнем предложении, добиваясь нужного эффекта — на нас оборачиваются ученики.

— Ты что! Не ори так. Ещё никто не знает, — шикает на меня Виталина, посылая испепеляющий взгляд на всех, обернувшихся в нашу сторону. Но дело сделано. Ученики, хоть и отвернулись каждый к своим тарелкам, но спины их напряжены и за столами царит тишина. Значит ушки свои наострили в нашу сторону.

— Я могу тебе помочь, — голос Виталины становится тише. — Могу предложить тебе поменяться квартирами. Ты переедешь в мою, а мы с Вадимом заселимся в твою. В вашу, — исправляется она. — Моя квартира по стоимости как раз покрывает твой долг перед Вадимом. Как тебе идея?

Перевожу обалдевший взгляд на внезапно начавшую кашлять Анжелку.

Как я не заржала как конь в лицо этой... — диву даюсь.

— Виталина Андреевна, — сделав глубокий вдох, пытаюсь как можно мягче и понятней донести до нее информацию, но меня прерывает предварительный звонок, оповещающий, что большая перемена закончилась, и пора идти на урок.

Мы с Анжелкой встаём со своих мест, прихватив подносы с тарелками и молча передвигаемся в сторону приема грязной посуды. Так же молча выходим из столовой.

Бросаю взгляд за наш столик. Виталина все так же сидит, не шелохнувшись и сверлит меня гневным взглядом.

Как же я устала от всего этого!

От автора: Дорогие читатели! Я вижу, что книга вас заинтересовала, и вы добавляете ее в свою библиотеку. Я очень рада, что книга нашла отклик, но хотелось бы получить обратную связь в виде лайков, комментариев, а так же подписки на автора. Спасибо

15. Михаил

Понедельник день тяжёлый. Если учесть, что начался он еще в четверг. Поимка "особо опасной преступницы" затянулась до субботы, а потом всю операцию сорвали взбалмошные девицы, приехавшие спасать "бедного Митеньку". Нагоняя этот олух получил, как только проснулся. И сразу же получил пару выходных, чтобы вывести из организма клофелин.

Встреча с адвокатом клофелинщицы Анны Пологиной двадцати двух лет от роду, проживающей в далёком Урюпинске и не имеющей местной регистрации не принесла результатов. Ни для него, ни для нее. Блондинка осталась за решеткой до выяснения обстоятельств, которые привели к отравлению моего сотрудника. Во вторник была назначена очная ставка этой девушки и сыночка высокопоставленной особы.

Ранним утром невыспавшегося и злого меня "обрадовала" любимая дочурка, которая написала записку перед уходом в школу.

"Папуль, ты только не сердись. Тебя просят прийти в школу для беседы. Если не придешь — меня выгонят" — гласила бумага, расписанная мелким корявым почерком. Хорошо, хоть без ошибок написана. Не зря малая ходит в эту самую школу. И предчувствуя головомойку в дистанционном режиме, раз уж поговорить с глазу на глаз не удалось, Лизка отключила мобильный телефон.

Молодец, дочурка! Вот как нужно ставить папу перед фактом своих шалостей. Черкнула писульку и смылась!

И теперь раздраженный и злой в понедельник вечером я захожу в школу, где учится моя дочь для того, чтобы получить головомойку от классного руководителя за проделки, в которых я не виноват.

Охранник на входе подсказал, где находится учительская.

— Грхм, здравствуйте, — постучав в открытую дверь обращаю внимание на знакомый силуэт возле одного из деревянных столов. Мария нацепила на нос очки в роговой оправе, которые придают ей строгости. Хрупкая фигурка, облаченная в черный костюм, оперлась попой на столешницу, опущенная голова внимательным взглядом скользит по странице тетради, которую Мария читает, помечая что-то карандашом.

Приталенный пиджак не скрывает, что талия у его обладательницы есть. Да еще какая! Упругая аппетитная грудь — двоечка выделяется под тонкой тканью светло-голубой блузки. Юбка обтягивает манящие крутые бедра девушки, вызывая у меня приступ слюноотделения. Скромная учительница моей дочери настоящая секс-бомба, как бы не пыталась скрыть это под маской тихой Мышки.

На лицо невольно лезет улыбка, а в груди разливается какое-то теплое чувство, которое я не могу объяснить.

— О! Товарищ майор, — влетевшая в учительскую следом за мной рыжуля узнала меня сразу, а вот поднявшей голову на звук наших голосов Марии на осмысление потребовалась пара секунд. Затем недоумение в ее глазах сменилось страхом и настороженностью, что вызвало во мне приступ неконтролируемого раздражения.

— Я отец Лизы Медведевой, — прохожу вглубь просторного светлого кабинета, заставленного одинаковыми столами и, приставив стул поближе к Марии усаживаюсь на него, закинув ногу на ногу.

— Так Я это... — собирает тетради и папки со своего стола рыжуля, — ...пойду я. Вы

тут сами. До свидания, товарищ майор.

— До свиданья, Анжела. Мите привет передайте и пожелания скорейшего выздоровления.

Мария тем временем меняет место дислокации и легким движением поворачивается ко мне спиной, невольно позволяя заценить ее упругую попу под обтягивающей черной юбкой-карандаш, и плавно опускается на стул.

— А откуда вы знаете, что Митя...

— Ну а где ж ему ещё быть? — хмыкаю я. — Я так понимаю, вы его лекарь на ближайšie два дня.

— Так точно, — растерянно рапортует рыжуля.

— Не нужно официоза. Мы не в армии. До свидания, Анжела.

— Ага. До свидания. Пока, Маш, — машет рукой уже у порога.

— Пока.

"Позвони мне" жестом Анжела прикладывает к уху кулак, выставив указательный палец и мизинец.

Мария в ответ лишь раз кивает, косясь на меня, не заметил ли я их переглядок.

Я, естественно, заметил, но виду не подаю.

— Вы классный руководитель моей дочери, Мария?

— Д-да. И если бы вы пришли раньше, то знали бы об этом. Я звонила за прошедший семестр бесчисленное количество раз! — вот и укоризненный тон. Головомойка началась.

***

— Лиза — милая добрая девушка. — начинает жалобы на мою дочь классный руководитель. — Но... — Мария Ивановна тяжело вздыхает, собираясь с мыслями и продолжает. — Наш класс на прошлой неделе дежурил по школе, я поставила Лизу дежурить на этаже младших классов. Она очень любит детей. Развлекает их на переменах, водит хороводы, песенки с ними поет. Она отличница, заместитель старосты, по сути она моя помощница. Во всех мероприятиях школы участвует. Но девушки нашего класса ей завидуют и подбивают парней... Ее подстрекают в общем. Провоцируют. В прошлом году было множество драк с ее участием. В этом учебном году, она из конца успевающих по физкультуре перешла в тройку лидеров. — Голос Марии то взлетает, то падает по мере продолжения рассказа.

— Она ходит на секцию волейбола в соседнюю школу. Четыре тренировки в неделю по два часа, — объясняю взлет статистических данных в журнале успеваемости.

— Ого. Впечатляет. Тогда понятно... — пряча улыбку хмыкает Мария.

Склоняюсь над столом, и как токсикоман впитываю тонкий запах цветочных духов.

Да что с тобой происходит, товарищ майор?!

Ведёт тебя от этой женщины, вот что!

— Что? — впиваюсь взглядом в лицо смущенной девушки.

— В четверг был инцидент... — Мария исподлобья смотрит на меня и поправляет выбившуюся из строгой прически прядь волос. Мне не нравится, что свои шикарные длинные волосы эта женщина скрутила в скучный пучок на затылке. Волосы — женская сила, которую нужно демонстрировать всем и каждому. Но видимо таков устав школы... — Одна девушка нашего класса толкнула Лизу к шкафу так сильно, что Лиза ударилась. А потом вспылила и отшвырнула ту девушку через весь класс. Та девушка, Катя, она упала спиной на стул.

— И? — внутри меня все холодеет от нехорошего предчувствия.

— Все обошлось, — поспешно добавляет Мария. — С Катей все в порядке, отделалась лёгким испугом. Но вы понимаете к каким последствиям это могло привести?

— Да уж понимаю, — задумчиво хмыкаю, откидываясь на спинку стула.

— Катя могла сломать позвоночник и стать инвалидом.

— Твою мать! — не могу сдержать эмоций.

— Не выражайтесь пожалуйста, — голос девушки становится выразительней, интимней что ли. — Это ещё не всё. Мария Ивановна берет мои руки, сцепленные в замок на столе в свои, и мои мозги напрочь отключаются. Все мое внимание сосредоточено в ее теплых руках.

— Она взяла под опеку одного мальчика из неблагополучной семьи. Первоклассника.

— То есть как это — взяла под опеку?

— Помогает ему на продленке с уроками, провожает домой и защищает от нападок одноклассников.

— Так... — поглаживания тонких нежных пальчиков по моей огрубевшей коже вызывают томление в груди. Я готов урчать, как довольный кот, объевшийся сметаны. А эта женщина — настоящая ведьма! Знает, как парой легких движений спустить мою злость на нет.

— В начале учебного года, на нее поступила жалоба от мамы ученика нашей школы. Тот мальчик... Из неблагополучной семьи... Его зовут Артем. Он ударил ногой в живот одноклассника.

— А моя дочь тут при чем? — нет, она точно ведьма. Хоть в паспорте специальный штамп ставь: "Укротительница рассерженных дядь".

— Мама пострадавшего мальчика провожала Артема домой, а Лиза подросла к тому моменту, когда они уже дошли до подъезда.

— И? — интересно, часто ли эта застенчивая мышка пользуется этим приемом?

— В общем Лиза заступилась за Артема и пригрозила маме его одноклассника полицией.

— В смысле? — мои брови взлетают вверх.

— Понимаете, произошло недоразумение. Артем попросил одноклассника посторожить вещи, пока сам сбегает в класс за курткой. А когда вернулся, того мальчика нет. Артем испугался, искал по всей школе и нашел Кирилла (так зовут пострадавшего) во дворе школы. Артем подумал, что Кирилл решил подшутить, разозлился и ударил ногой в живот.

— У вас тут школа или зверинец? — вырываю руки из теплого плена и вскакиваю со стула.

— У нас учебное учреждение! — ведьма медленно поднимается со стула, опираясь руками об стол.

— Дальше что? — мы стоим в одинаковых позах, склонившись над столом и гневно дышим в лицо друг другу. От интимности момента, мои тормоза может сорвать все, что угодно, но дочка превыше всего. Поэтому сосредотачиваюсь на разговоре, а не на шикарной сексуальной женщине, которая так взволнованно ласкает своим горячим взглядом мое лицо.

— Мама Кирилла шла за Артёмом до самого дома и читала нотации Артёму, а Лиза за него заступилась.

— Каким образом? — словно на ринге мы отступаем и падаем каждый на свой стул.

— В уголовном кодексе Российской Федерации нет статьи про преследование и угрозы,

но Лиза засыпала женщину цифрами и названиями других статей.

— Ох...

— Я знаю, что Лиза хочет поступить учиться в юридический университет, и готовится к этому. Но ее внутренний борец за добро и справедливость конфликтует с окружающими ее людьми. Из-за этого она влипает во всякие неприятности.

— Из-за этого не хотят отчислить?

— Не из-за этого, — Мария приподнимает плечи, словно готовится к забегу, подбирается вся. — Не так давно она послала нахрен завуча школы.

Брови мои взлетают вверх.

— Это как?

— Лиза отказалась участвовать в “поборах”, так она выразилась.

— Что за поборы?

— Ученики нашей школы, точнее их родители ежемесячно вносят некоторую сумму в фонд школы. Эти деньги идут на ремонт, обустройство общих классов.

— А государство не выделяет школе средств на эти цели?

— Понимаете, этих денег, которые выделяет государство, не хватает. И родители учеников в добровольном порядке, — интонацией подчеркивает последнюю фразу, — помогают нашей школе.

— Лиза не помогает что-ли? Она просит деньги в школу, я ей в этом не отказываю, но она уверяла меня, что проблем с этим нет.

— В фонд класса она сдает... Но в фонд школы нет.

— Из-за этого сыр-бор?

— Пока это все, — пожимает учительница плечами.

— Будем разбираться.

— Вас ждет завуч по воспитательной работе для беседы, — вводит в ступор последнее заявление мышки.

— Зачем это?

— От ее решения зависит, продолжит ли Лиза обучение в нашей школе или... — пожимает плечами Мария.

Ярость накатывает словно тайфун. До выпуска два месяца, я не найду место в другой школе в столь короткие сроки! Придётся дочке выпускной отмечать в следующем году.

Ну уж нет!

— Идемте, — выдыхаю, с трудом сдерживая гнев.

Мария встает со своего стула и направляется к противоположной от входа стене, в которой прорисовывается дубовая лакированная дверь.

16. Михаил

После тихого стука в дверь и громкого ответа: «Войдите!», Мария распахивает эту самую дверь, и мы входим в просторный кабинет заведующей.

Шикарная молодая блондинка сидит за огромным тяжелым столом цвета ореха, стучит своим ярко-красным маникюрчиком по кнопкам клавиатуры.

Кабинет немного похож на мой, только стены светло-бежевого цвета, а столы тяжелые дубовые. Перпендикулярно к ее столу стоит еще один, по бокам которого выстроились в ряд дешевые офисные стулья. Очень удобные. Но сидеть на одном из них дольше получаса нереально — жопа болит так, будто просидел десять часов на твердой скамье.

Очень эффектная женщина эта завуч. Светлые волосы уложены в сексуальную прическу, которая сгодилась бы для клуба, но никак для школьного кабинета. Крутые локоны лежат на ну очень аппетитной груди, виднеющуюся в глубоком декольте. Тонкую шейку очерчивает широкий золотой ошейник. Акула. В офисе какой-нибудь фирмы ей не было бы равных. В роли секретарши. Украшающей своим хищным видом стол начальника. Поэтому удивительно, что она делает в обычной государственной школе.

— Виталина Андреевна, — подает тихий голос Мышка, точнее Мария Ивановна. — Это папа Лизы Медведевой. Михаил... — она ищет взглядом ответа.

— Просто Михаил.

— Ммм. Надо же какие люди, — блондинка эффектно встает из-за стола, сексуально крутанув бедрами, подходит ко мне и протягивает руку для приветствия. Я легко пожимаю теплую нежную ладонь завуча. Духи у этой женщины приторные, тяжелые. Чувствую, как в затылке начинает пульсировать боль усталости. Мне бы на свежий воздух, но еще предстоит выдержать экзекуцию. — Приятно познакомиться, — тихим грудным голосом говорит Виталина Андреевна.

— Вы хотели со мной поговорить об успеваемости дочери, — решил не продлевать церемониал обмена приветствиями, тем более из-за пламенных взглядов Виталины Андреевны, которые та бросала на меня, понял, что разговор может затянуться.

— С успеваемостью у Лизоньки все хорошо, — Виталина Андреевна проскользнула обратно на свое рабочее место, указав жестом на два стула возле стола.

Мы с Мышкой... Тыфу ты, Марией Ивановной занимаем предложенные места.

Теперь я понимаю, что чувствуют мои сотрудники, когда я вызываю их на совещание.

Тяжелая атмосфера нависает над нами, Виталина Андреевна концентрирует свое внимание на мне.

— Вы в курсе, что вытворяет ваша дочь в стенах школы и за ее пределами? — голос завуча из томного превращается в жесткий, со стальными нотками.

— Да, Мария Ивановна просветила меня на счет поведения Лизы, но я не нахожу ничего предосудительного в том, что она защищает себя от нападков сверстников. Насколько я понимаю, вы завуч по воспитательной работе, тогда почему вы не можете наладить дисциплину в отдельно взятом классе? — парирую холодным тоном.

— Вы знаете, сколько классов на моем попечении? — холодно чеканит Виталина Андреевна. — В мои обязанности не входит разнимать драки, этим занимаются классные руководители, — зыркает в сторону Марии Ивановны. Та сводит вперед плечи, инстинктивно пытаюсь прикрыться от злобных уколов завуча. — Им за это зарплату платят,

между прочим.

— Я делаю все, что могу, — тихо пищит она со своего стула. — Разнимаю, беседую. Вызываю родителей, но те не всегда приходят на собрание, — это уже укол в мою сторону.

— Я занят на работе! — оправдываюсь я.

— А дети страдают, — продолжает констатировать тем же холодным тоном Виталина Андреевна.

— Насколько я понимаю, Лиза всего лишь защищается.

— Она дерзит и хамит преподавателям!

— Виталина Андреевна, — подает голос Мария, — она дерзит только вам и по вполне понятной причине, от остальных преподавателей жалоб на Лизавету не поступало. Все отзываются о ней хорошо, исключительно хвалебно.

Спасибо, Мышка!

— Она послала меня матом, — жалобно шипит мне завуч.

— Ну кто в их возрасте не употребляет матерные слова? — притворно улыбаюсь я, стараясь сгладить обстановку.

— Такое поведение недопустимо в стенах школы! — завуч приподнимается и склоняется над столом. Тяжелая грудь натягивает вырез короткого черного платья. Зрелище, конечно, поистине волнующее. Только слишком наиграно все. К чему этот цирк? — Еще один инцидент, и я обращусь в попечительский совет и поставлю вопрос об исключении Лизы из нашей школы.

— Но ведь до экзаменов остается два месяца! — взрываюсь я. — Где я найду школу так срочно? Или ей придется потерять год из-за того, что она не хочет сдавать деньги на ремонт школы?

— Я могу помочь Лизе, — остужает накалившуюся обстановку тихий голос Мышки... Тьфу ты, Марии Ивановны.

— Каким это образом? — хмыкает завуч, садится обратно на свой стул и вопросительно смотрит на классного руководителя моей дочери.

— Я буду ее наставницей. С разрешения Михаила, разумеется, — она бросает короткий взгляд на меня в поисках поддержки и обращается к Виталине Андреевне, пытаюсь убедить в собственных словах. — Я буду проводить с ней время вне школы, объясню, как нужно вести себя в конфликтных ситуациях. Лиза — хорошая девушка, но она еще ребенок, который должен нести ответственность за свои решения и действия. Но в силу неопытности, Лиза не может просчитать последствий своих действий, а из-за своей горячности, она сначала делает, а потом думает. До выпускных экзаменов осталось совсем немного... — делает паузу Мария Ивановна, собираясь с духом. — Под мою ответственность, — твердо выдерживает изумленный взгляд Виталины Андреевны.

— Я не знаю, как попечительский совет отреагирует на ваше предложение, — подняв брови вверх, завуч ищет причины отказать, но Мышка... Тьфу ты, Мария Ивановна, не сдастся.

— Лиза мне доверяет, прислушивается к моим советам. В течение последнего года, я много беседовала с ней, и наше общение пошло ей на пользу. Она стала немного спокойнее. Перестала ввязываться в споры и драки. Я на хорошем счету у коллег, думаю, они меня поддержат.

— Я не имею таких полномочий, — вяло протестует завуч. Мария не выдерживает, вскакивает со своего стула, падает ладонями на стол и тихо произносит:

— Интересно, как попечительский совет отреагирует на аморальное поведение сотрудников нашей школы, которое приводит к разрушению крепкой счастливой семьи. Такое поведение не является образцом для подражания, — с вызовом смотрит на завуча. — Вы, как я понимаю, скоро уйдете в декретный отпуск. А когда вернетесь, останетесь ли на своей должности? — Завуч идет пятнами, вскидывает подбородок и шипит сквозь зубы:

— Сучка!

На моих глазах происходит какая-то борьба, нюансов которой я не понимаю, и это приводит меня в смятение.

— Я понимаю, вы в положении, — голос Марии Ивановны тянется тягучей патокой, но своего напора она не убирает, — беременность влияет на гормональный фон, но давайте не будем переходить на личности. Мне тоже есть на что перейти, — голос Мышки крепнет, в нем прорезаются стальные нотки.

“А она, оказывается, твердый орешек, — думаю я с восхищением. — Так защищает мою дочь!”

Завуч в беспомощности смотрит на меня.

— Вы не возражаете?

— Я? Нет.

Что мне еще ответить. Моей дочери грозит потерять год в обучении. Предложенный вариант — меньшее из зол.

— Вот и отлично, — подводит итог встречи Мышка... Тьфу ты, Мария Ивановна, и уходит из кабинета.

Попрощавшись с притихшей завучем и не получив ответа, так же выхожу за дверь. Марии уже нет в учительской. Как же быстро она упорхнула! В армии так быстро не собираются.

***

Сев за руль своего Ренж Ровера, выезжаю за ворота школы и взглядом срисовываю одинокую женскую фигуру в черном пальто. Женщина, сгорбившись и пытаясь защитить себя от еще холодного весеннего ветра, медленно идет вдоль дороги. Притормаживаю рядом, и понимаю, что это Мария Ивановна собственной персоной. Мне необходимо наладить с ней отношения, все-таки видеться мы теперь будем часто.

— Садитесь, подвезу, — открываю окно и зову классного руководителя моей дочери.

Она удивленно оглядывается, потом переводит ошарашенный взгляд на кузов моей машины. Что не так?

— Мне не далеко, спасибо, — протестует она.

— Нам нужно поговорить, — с нажимом в голосе упорствую я.

Мышка... Тьфу ты, Мария Ивановна тяжело вздыхает, открывает дверь моей машины и усаживается на переднее сиденье.

Устало откидывается на сиденье, называет адрес и меня как будто обухом по голове огрели! Это же та самая девушка, которую я подвозил из “Фараона” домой. Теперь понятно, почему меня так вело от нее на допросе. Девушка мне понравилась раньше, а тело просто реагировало на ее близость. По ее насмешливому взгляду понимаю, что и она меня вспомнила.

— Будем знакомы, Мария Ивановна. Мария, девушка из клуба, — бросаю ей и выкруливаю на дорогу.

Вместо приветливой и благодарственной улыбки я получаю осторожный прищуренный

взгляд из-под черных пушистых ресниц, что мгновенно приводит меня в ярость.

То есть маньяков она боится, а садиться в машину к полужнакомым дяденькам — нет!

17. Машенька

В салоне машины тепло и уютно. Пахнет кожей, чем-то свежим с нотками хвои. Под зеркалом заднего вида в такт движения машины раскачивается брелок в виде небольших наручников. Забавно.

— Зачем ты в это ввязалась? — нарушает тишину в салоне раздраженный голос Михаила.

— Во что именно? — сжимаюсь от неожиданности. Михаил прет, как танк.

— Хочешь помочь моей дочери? Зачем?

— Лиза — хорошая девушка, только ей не хватает материнского внимания.

— Ты в мамочку решила поиграть? У самой дети-то есть?

— Нет. — Боль острым ножом режет по сердцу.

— Вот и не суйся к моей дочери.

— Я не причиню ей вреда.

— У тебя опыта в воспитании ребенка ноль целых, ноль десятых и ты решила угомонить свой вопящий материнский инстинкт?

— Я просто помочь хотела, — соплю обиженно и отворачиваюсь к окну.

На минуту в машине зависает тишина.

— Прости, — Михаил пошел на попятную.

— Я педагог с опытом, к Лизе и к другим детям отношусь очень хорошо. А матерью я не стала, потому что три года назад у меня был выкидыш.

Не знаю, зачем я делюсь столь личным, но хочется ошарашить наглого хама, чтоб он больше не кололся обидными словами.

— Прости. Я не хотел тебя обидеть. Просто... Навалилось все, — грустненько так улыбается Михаил.

— Это не повод срывать свою злость на мне. Я понимаю, что вы делаете для дочери все, что в ваших силах. И это идет ей на благо. Но методы решения проблем у нее... Слишком мужские. Дерзкие, резкие.

— Она владелица автомойки, — удивляет меня Михаил.

— Как это?

— Ее мать подарила ей автомойку пять лет назад. Руководила ею моя свекровь, пока не умерла. Два года назад Лиза хотела поступить в техникум, учиться на бухгалтера, чтобы после совершеннолетия вступить в свои права и руководить автомойкой самостоятельно. Но моя теща убедила Лизу, чтобы та доучилась в школе, а после уроков помогала администратору. Это и опыт и ответственность. Контингент там... Ребята работают неофициально. В основном все из мест не столь отдаленных. Я лично руковожу персоналом. Они сидели за мелкие провинности, но я хочу дать им шанс адаптироваться к внешнему миру, очиститься так сказать от своих прегрешений. Но отсидка в тюрьме оставляет свой отпечаток на каждом. Это и матерщина, и нечестный образ жизни. Пацаны живут “по понятиям”, а Лизка перенимает их опыт.

— Она часто там бывает?

— Конечно! Моет машины наравне со всеми. Просто помогает... В общем не то это место, чтобы молодая девушка проводила там свое свободное время. Я протестовал как мог, но Лизка слишком упертая. И они вдвоем с бабушкой убедили меня, что дочери пора

принимать бразды правления. Херовый это подарок для дочери. Бывшая жена удружила, конечно. Я поддерживаю там порядок, перевожу часть прибыли на счёт Лизы, но...

— Дареному коню в зубы не смотрят, протестую я.

— Ты бы подарила своей дочери бизнес, с которым может справиться только бывший гестаповец?

— Ну хоть что-то. Захочет — продаст и купит что-то другое.

— Тоже верно.

Мы подъехали к моему дому.

— А откуда вы?.. — тычу пальцем в свой подъезд.

— Я же в прошлый раз тебя подвозил. Адрес остался в памяти навигатора. Помнишь?

— Точно, — снимаю с себя ремень безопасности и беру в руки сумочку, поворачиваюсь к двери, чтобы выйти из машины.

— Маш.

— Ммм.

— Что ты делала в "Фараоне"?

— Ходила на свидание, — признаюсь со вздохом разочарования.

— И как?

— Он не пришел.

— Ясно, — дав Михаилу секунд тридцать на обдумывание ответа, вспоминаю, что в тот раз он звал меня на свидание, а я грубо отказала. Слишком расстроена была долгими сборами в клуб, и что мои старания никто не оценил. Краска стыда приливает к щекам. Берусь за ручку двери, намереваясь выйти из машины, но тихий оклик Михаила задерживает меня: — Маш.

— Что? — поворачиваюсь к нему. Свет уличного фонаря освещает его лицо, на котором играет смущенная улыбка.

— Я не против, чтобы ты помогала Лизе.

— Я прошла тест? — смотрю на Михаила с прищуром. Уголки его рта приподнимаются выше, лучики морщин разбегаются от карих глаз к вискам.

— Да, — громко смеется он.

— До свидания.

— До встречи, Машунь.

18. Михаил

— Где же ты спряталась, радость моя, — вхожу в просторную квартиру, включая свет в каждой комнате. Это не похоже на мою дочь — прятаться. Я знаю, она прекрасно понимает, что сейчас ей предстоит выдержать разбор полетов. Уверен — дочь заготовила пламенную речь и множество аргументов. Вот только бы найти ее. — “И за шкафом нет, и под шкафом тоже нет”, - цитирую строки детского стихотворения себе под нос.

Только в детском стишке маленькая Маша, собираясь в садик не может найти свои вещи, а я потерял дочь в большой трехкомнатной квартире. Лизка же знает, что она под домашним арестом, куда она подевалась? Телефон пиликает о входящем смс.

О! Моя дочь соизволила появиться на радарах и больше не прячется от папенькиного гнева. Следом приходит еще одна смс. «Я на баскетболе. Ремень спрятала».

Молодец, доця! Все предусмотрела. Жаль пороть ее уже поздно. Взрослая слишком. И сообразительная.

На кухонном столе оставлена еще одна записка. Только вместо текста в ней какие-то цифры и буквы.

Что за пароли и явки, доченька?

Достаю из холодильника приготовленное вчера ризотто, вываливаю в тарелку одну порцию, и разогреваю свой ужин в микроволновке. Пока за прозрачной дверцей гудящей машины крутится мой ужин, я же кручу в руках оставленную Лизой записку, пытаюсь разобраться что именно там написано, и как эти знания применить. Но пока ничего не выходит. Может дожидаться Лизку и спросить напрямую?

Пока ужинаю, мой взгляд то и дело соскальзывает на клочок бумаги, теперь лежащий на столе.

Вот я взрослый дядя и разобраться не смогу? Буду ждать помощи, как маленький беспомощный мальчишка?

Да ну нафиг!

Я б спросил у ясеня где моя любимая, но только я знаю другого дядю, который выдаст мне ответ на любой мой вопрос. Хорошая штука — интернет. Введя в поисковую строку первое слово в Лизкиной записке, как Гугл выдает мне ссылку на ... Сайт знакомств? Лизка совсем обалдела что ли?

Теперь мне стало интересно — это она жениха себе так ищет? Не рановато ли? Семнадцать лет всего ребенку.

Подставив логин и пароль, указанные Лизой в записке, я открываю главную страницу, оформленную в розовом цвете и увенчанную сердечками и вензелями. Смотрится аляповато. Посоветовать что ли разработчикам сайта знакомого дизайнера сайтов?

А анкета-то не Лызына, а... моя?! И фото в ней четырнадцатилетней давности. Я помню, как Лёля, мама Лизы фотографировала нас на свой старенький телефон-раскладушку. На тот момент телефон был совсем новым, а я тогда ходил в звании старшего лейтенанта, но очень стремился получить звезду капитана. По ночам подрабатывал грузчиком на складе, чтобы обеспечивать семью. “Дети — это очень дорогое удовольствие”, - сказали нам с Лёлей, когда мы забирали ребенка из перинатального центра домой. Но я тогда не представлял, насколько. Зарплата в полиции оставляла желать лучшего, денег катастрофически не хватало, Леля сидела дома по уходу за ребенком, пособий нам не

полагалось. Жена столько раз просила уволиться из полиции и найти нормальную высокооплачиваемую работу. Но не понимала, что для высокооплачиваемой работы нужны высшее образование и опыт работы. А все, что я умел — это ловить преступников.

Именно подработка в небольшом супермаркете позволила мне сделать жене столь дорогой подарок на день рождения. Когда Леля уезжала, оставив бумаги на развод с отказом от родительских прав, и забрав с собой все свои вещи, ее телефон-раскладушка затерялся под нашей кроватью, где я его и нашел. А потом он потерялся снова. Я и думать о нем забыл. А вот видимо Лизка нашла. И хранила столько лет! И молчала.

Тянущей болью стучит сердце в груди, в висках набатом долбит усталость. Я столько лет гасил в себе обиду на Лелю за то, что она бросила нас с дочерью. Свыкся со статусом отца-одиночки. Перестал защищать мать-кукушку на родительских собраниях. И прекратил ждать её звонка.

Лиза никогда не говорит о матери, лишь молча смыкает губы, стараясь сдержать матерные слова в ее адрес. В нашей семье имя Алены — табу. Лишь теща, уложив спать внучку, изредка доставала детские фото своей дочери и рассматривала альбом, сидя в кресле и попивая домашнее вино из хрустального бокала.

Встаю из-за кухонного стола, куда я принес ноутбук, и завариваю себе чай, стараясь справиться с накатывающей злостью на бывшую жену.

Я пережил эту боль, свыкся с ней. Затем стал относиться к своей ситуации философски — ну с кем не бывает. Но вот страданий дочери я Леле никогда не прощу!

И моя умница дочь, моя помощница, мое счастье, моя радость, решила найти папе новую жену.

“Я уеду скоро на учебу, а ты один тут останешься”, - вспыхивают в сознании слова Лизы. “Я хочу мачеху”... “В клуб мы ее с девчонками пригласили только для того, чтоб посмотреть на нее и потом вас познакомить, если она нам понравится”.

“То есть вы смотрите, а мне смириться с вашим выбором”, - ответил я тогда Лизе.

Снова сажусь за стол, поставив на него большую кружку в черным крепким чаем и захожу в сообщения.

Лиза от моего имени переписывалась только с одной женщиной.

“Одинокая Машенька ищет Медведя”, - пробирает меня на смех первое сообщение от потенциальной жены номер два.

Прочитав их переписку и допив чай я откидываюсь на спинку стула, вытянув вперед ноги и задумываюсь над шальной идеей моей дочери. Зачем ей это нужно? Надоело свои вещи самой стирать? Или ужин готовить? Раньше с этим справлялась моя теща, но я настаивал на том, чтобы прививать дочери самостоятельность. Если нас с бабушкой не станет, как малая сможет выжить, ничего не умея? Поэтому, когда я проснулся в свой день рождения в квартире полной дыма, я не стал ругаться на дочь, которая решила в праздник сделать папе подарок и приготовить мне гренки. С рецептом она разобралась сразу, а вот добавить на сковородку масла забыла. Как только мы проветрили всю квартиру, я научил дочь жарить гренки, драники, варить суп и резать салат. Лизе тогда было восемь лет...

Вот хитрая лиса! И настойчивая. Я же тогда отмахнулся обещанием разобраться в этом деле, а потом переключился на операцию по поиску клофелинщицы. А потом мне все планы спутали взбалмошные девицы, приехавшие спасти раздолбая Митю.

Кстати о птичках...

“Что ты делала в "Фараоне"? — задал я сегодня вопрос одной милой девушке, которая

по странному стечению обстоятельств оказалась Машей. Как и выбранная Лизой невеста и приглашенная в тот самый клуб. “ Ходила на свидание”, - ответила мне девушка и грустно так улыбнулась.

“Он не пришел”, - звучит в голове тихий голос Марии Ивановны — классного руководителя моей дочери.

“Сегодня не смогу. Прости. Занят” — гласит последнее отправленное сообщение той девушке моей дочерью.

А что если?..

Ну а вдруг?

Бывает же такое совпадение.

Если девушка с сайта знакомств и есть та самая Мышка... Тьфу ты, Мария Ивановна, то получается, судьба сталкивает нас в третий раз.

Первый — когда я отвозил ее домой.

Второй — когда пришлось задержать ее и рыжую подругу Анжелу на месте несостоявшегося преступления.

И третий — когда эта милая девушка оказалась классным руководителем моей дочери.

Усмехаюсь своей догадке. Вот как бы проверить эту теорию?

"Дорогой Дедушка Мороз! — складываю руки на груди в молитвенном жесте, прищурившись одним глазом, другим скептически смотрю в потолок. — Я понимаю, что еще только март месяц и до Нового Года далеко, да и я уже взрослый мальчик, но обещаю вести себя хорошо. Слушаться начальство и поменьше орать на дочь. Подари моей Лизке хорошую мачеху. Она так этого хочет. Я обещаю любить эту женщину, холить, лелеять и всячески оберегать. Спасибо"

Может письмо отправить? Куда? Вот я олень!

Нужно продумать более действенный план.

Классный руководитель Мария Ивановна меня опасается или боится. Как на мужчину на меня совсем не смотрит. Это бы задело мое мужское эго, но классного руководителя своей дочери я не расценивал как свою потенциальную жену. Да и возможности не было. Попробую сблизиться с ней, раз уж она вызвалась опекать мою дочь, следовательно, будет часто бывать у нас дома.

А вот с “Машенькой” с сайта знакомств я пока пообщаюсь. Женщины редко забывают обиды на мужчин, которые не пришли на свидание, даже если у этих мужчин стотыщицот уважительных причин.

Но я попробую...

19. Машенька

Войдя в свою квартиру и бросив сумочку на тумбочку в прихожей, я прислонилась спиной к входной двери и с облегчением выдохнула.

Сбежать из учительской с такой скоростью, будто за мной гнались все демоны ада получилось. Подальше от Виталины и постоянного напоминания, что эту шикарную холеную женщину теперь трахает мой муж. Что именно она подарит ему столь желанного мною ребенка.

Подальше от отца Лизы, с которым нас уже трижды столкнула судьба.

Когда он появился в дверях учительской, я первым делом подумала, что он пришел меня арестовать. А когда представился отцом моей ученицы, то я испугалась, что он пожалуется в попечительский совет на “внеклассную” деятельность классного руководителя своей дочери. Но я же оказалась в его отделении совершенно случайно и не виновата в произошедшем!

Но Михаил оказался адекватным мужчиной. На его месте я бы разгневалась на учеников этой школы, которые третируют замечательную девушку Лизу, на заведующую учебной работой, которая собирает деньги с учеников и тратит их в своих целях. Лиза поступила правильно, послав эту стерву куда подальше. Мне очень хочется повторить чужой подвиг, но силы духа хватило только на шантаж.

Сама не знаю, что на меня нашло, когда я гладила руки Михаила в надежде успокоить разгневанного мужчину. Я прибегала к этому методу, когда у Вадима на работе были проблемы, и он приходил домой в совершенно неадекватном состоянии. Тогда я заваривала любимому зеленый успокаивающий чай, обнимала мужа и пока он рассказывал о том, какие недалекие сотрудники работают в его офисе, я брала руки мужа в свои и делала легкий массаж, глядя ему в глаза. Иногда помогало. Чаще — нет. Но именно это “чаще” приводило к успокоительным процедурам в горизонтальной плоскости, а точнее в кровати, куда Вадим меня утягивал и отрывался на всю.

Кровь приливает к щекам и я прикладываю к ним трясущиеся холодные руки.

Что обо мне подумает Михаил? Я делала это на автомате, стараясь донести до него, что проделки его дочери на самом деле — цепь случайных обстоятельств, и девушка ни в чем не виновата.

Руки Михаила теплые, кожа нежная, что удивительно для мужчины. Как он на меня смотрел! Боже мой!

В груди трепетало от голодного взгляда, которым он скользил по моему телу. И в тех местах, где задерживался его взгляд, кожа горела огнем.

Я чувствовала себя совершенно голой, и даже разделяющий нас стол не помог избавиться от тянущего томления внизу живота.

Я так расчувствовалась, что сбежала домой, на пути схватив с вешалки свое пальто и надевая его, почти бежала по коридорам школы. Даже переобуться забыла!

А он подвез меня домой.

Именно тот человек, который пугает меня так, что ноги подкашиваются от слабости встречается в моей жизни в третий раз, и нам предстоит видеться еще чаще, ведь я навязалась его дочери в няньки!

Сама не понимаю, зачем я это сделала, и как теперь выкручиваться из этой ситуации. Как говорила Скарлетт О'Хара: “Я подумаю об этом завтра”.

Точно.

Завтра.

На трезвую спокойную голову.

А пока зеленый успокаивающий чай, чтобы восстановить убитые сегодня нервные клетки.

Вхожу в кухню, ловлю укоризненный взгляд кота, включаю электрический чайник и ставлю кастрюльку с водой на включенную печку, чтоб сварить этому засранцу единственную еду в мире, которую он ест без выпендрежа — пельмени. Благо, в морозильнике их лежит аж целых шесть пачек! Специально для проглота купила!

Пока я переодеваюсь в домашний спортивный костюм, кормлю кота, делаю домашние дела, мыслями все равно возвращаюсь к программе воспитания одной импульсивной юной особы.

Я решаю сопровождать ее после уроков на занятия по баскетболу (Михаил упоминал о них), помогать с подготовкой к экзаменам, познакомиться с сотрудниками автомойки, где Лиза проводит немало времени.

Да, скучновато, но я не развлекать Лизу собралась, а вызвалась участвовать в ее жизни, наставлять так сказать на путь истинный.

А с развлекательной программой по ходу дела разберемся.

Вспоминаю о просьбе Анжелы позвонить, и пока слушаю в трубке длинные гудки, сомневаюсь в том, что это стоит делать. Она всё-таки с любовником. Вдруг это неуместно?

— Не помешала?

— Нет пока. У нас перерыв, — подруга тяжело дышит в трубку, а я чувствую как краска стыда приливает к щекам. — Как прошла встреча с товарищем майором?

— Нормально. Я вызвалась нянчиться с Лизой до конца семестра.

— Ого! Тебе так товарищ майор понравился?

— Да при чем тут он? — психую я. — Виталина вцепилась в эту идею выгнать Лизу из школы, а куда девчонка пойдет? Конец года же!

— А чё умаслить Виталину не получилось?

— После того, как Лиза ее послала?

— Тоже верно, — соглашается подруга. — Виталина обид не прощает. И тебе не простит.

— Ты о квартире?

— О ней самой. Сходи к юристу. Поговори с Медведевым. Он в этой сфере крутится, пусть посоветует толкового, раз уж ты за его дочь впрягаешься.

— Я не буду пользоваться доверием отца Лизы. Найти толкового юриста — не проблема.

— Толкового нет, а вот — хорошего!..

— Как там твой Митя? — меняю тему разговора, потому что разговор о Михаиле меня смущает.

— Отдыхает, — хрюкает от смеха в трубку Анжела. — Прикинь, он преступницу ловил, а мы, то есть я, сорвали ему операцию. Дважды.

— Ого. Так вот что он в клубе делал.

— А мне теперь приходится заглаживать свою вину, потому что после моего появления в его жизни повышения ему не видать, как своих ушей. Он так к этому стремится, — тяжело вздыхает подруга.

— Так ее же вроде поймали, — протестую я.

— Поймать поймали, а доказательств нет.

— Вот блин. И что теперь делать?

— Нам ничего, а то снова в отдел загремим. А вот товарищу майору думать надо. Кстати как он тебе?

— Никак! Анжел, прекращай меня с ним сводить. Не мой он. Тяжёлый по характеру и на внешность... ну не ахти.

— Тебе, милая барышня, не угодишь. Ты, кстати, тот сайт давно открывала?

— Какой? — туплю я.

— Тот, на котором мы тебе Медведя искали. Почту смотрела? Может твоя анкета приглянулась кому.

— Нет. Не до этого было.

— А ты зайди, посмотри.

— Зайду, посмотрю, — заверяю подругу, интонацией сворачивая разговор.

— О! Митька из душа вышел. Я занята. Пока-пока.

Прощаюсь с подругой, стараясь не завидовать ей. Хоть у кого-то личная жизнь бьёт ключом. А у меня тишь да гладь. Только разборки с бывшим мужем и его любовницей.

Через полчаса бестолкового хождения по квартире и попыток найти себе занятие, решаюсь зайти на тот самый сайт знакомств. Может найду новую анкету.

Может мужчина моей мечты (обязательно миллионер!) придет ко мне под балкон с огромным букетом цветов с предложением выйти за него замуж. Однако при попытке представить себе этого мужчину, в голову лезет образ высокого бородатого майора, сидящего в огромной черной машине и поджигающего мою кровь одним своим пылким взглядом. Эх, фантазия моя разыгралась по полной.

К сожалению, он не Ричард Гир, а я не проститутка, которую сыграла Джулия Робертс. Да и не похожа я на нее ни капельки. От чего там пылать взгляду майора?

На иконке с письмом виднеется цифра сообщений, оставленных мне. Я ведь не заходила на сайт несколько дней.

"Привет, малышка. Познакомимся?" — пишет Арсен.

"Не против побыть властной Госпожой?" — предлагает Вячеслав.

"Ты самый красивый девушка на сайт. Мечтать о любви с тобой" — сообщение от некоего Мухаммеда вызывает то же отвращение, как и все остальные.

Прокручиваю сообщения вниз и с тоской смотрю на переписку с Михаилом, который не пришел на свидание.

А я так старалась! Непослушные волосы завилала в красивые локоны, потратила остатки лака для волос, чтобы эта копна не выглядела, как стог сена. Короткое платье, в котором так холодно на улице, неудобные сапоги на шпильке, в которых трудно даже сидеть, не то, чтобы стоять в них или зажигать всю ночь на танцполе — все пошло в ход, чтобы понравиться мужчине... который оказался занят. Чем или кем — я не хочу знать. После неудавшегося свидания он ни разу не написал. Значит не судьба.

Иконка анкеты мигает зелёным, значит он на сайте. Мне не пишет. Значит я ему не понравилась.

Мне думается, что он увидел меня в клубе и решил не встречаться со мной, раз отделался сухим сообщением о том, что занят.

Многие мужчины да и женщины так поступают. Это проверенный способ оценить

потенциального партнёра и остаться инкогнито, лишь бы не тратить свое время на скучного или несимпатичного собеседника.

Обидно до слез. Из всех просмотренных анкет, он казался мне самым подходящим мужчиной.

Захлопываю крышку ноутбука, беру кружку с чаем и подхожу к окну.

В свете уличных фонарей асфальт бликует мокрыми лужами, оставленными позавчерашним дождем. В полисаднике соседнего дома одинокая мужская фигура медленно бредет, ведя на поводке большую собаку. Кто такого зверя в квартире держит? Это просто издевательство над животным. Ему бы порезвиться во дворе частного дома, а не ютиться в бетонной коробке в ожидании хозяина с работы.

Во двор моего дома заезжает соседская Тойота. Вот это свинство просто! Завтра, чтобы обойти припаркованную на проходной части машину, придется прыгать через лужи. Бесит такой пофигизм соседей. Через три дома есть специальная парковка, правда платная. Или можно купить гараж, один из множества, виднеющихся из окна моей квартиры.

Но за это же нужно деньги платить, а тут совсем бесплатно. Экономщики, блин.

Звук входящего сообщения на ноутбуке разносится волной дрожи по моей спине.

Очередной Арсен с предложением ночи любви?

Ставлю кружку с чаем на стол и открываю крышку ноутбука.

Сердце замирает на миг, а затем пускается вскачь.

Сообщение от продинамившего меня Михаила.

“Современная женщина, современная женщина!

Суетою замотана, но, как прежде божественна!

Пусть немного усталая, но, как прежде, прекрасная!

До конца непонятная, никому не подвластная!

Современная женщина, современная женщина!

То грустна и задумчива, то светла и торжественна!

Доказать ее слабости, побороть ее в дерзости,

Зря мужчины стараются, понапрасну надеются!

Не бахвалится силою, но на ней, тем не менее,

И заботы служебные, и заботы семейные!

Все на свете познавшая, все невзгоды прошедшая,

Остается загадкой современная Женщина!”

Улыбка ползёт на лицо от такого милого знака внимания, а также оригинальности сообщения. Не каждый знает стихотворение Роберта Рождественского "Монолог женщины, которого нет в школьной программе литературы.

Заморочился значит, чтобы сделать мне приятно. Или списал из интернета. Все равно приятно.

После противных эротических посланий от других собеседников, этот отрывок из стихотворения навевает романтическое и игривое настроение.

Если прочитать стихотворение целиком, то чувствуешь все отчаяние одинокой женщины, которая устала жить одна. Собирается на свидание, придумывает образ пригласившего ее мужчины, и пока ждет его, испытывает весь спектр эмоций от восторга до отчаяние. Свою нерастраченную нежность она обещает любому, кто хоть «немножечко полюбит». Мне боязно стать такой. Поэтому не думаю о контексте присланного отрывка.

"Что ты делаешь?"

"Я думал о тебе все эти дни, но не смог написать, потому что был занят на работе. Хочу реабилитироваться" — приходит ответ.

20. Переписка

Михаил: “Хочу реабилитироваться”

Мария: “А нужно?”

Михаил: “Конечно!”

Мария: “К чему этот энтузиазм?”

Михаил: “А твой сарказм?”

Мария: “Туше”

Михаил: “Мне бы хотелось с тобой встретиться.”

Мария: “Не так скоро. Мне непросто было решиться на первую встречу.”

Михаил: “Зачем тогда согласилась?”

Мария: “Подруга настояла.”

Михаил: “Ты всегда делаешь то, что тебе велят?”

Мария: “Ну... почти.”

Михаил: “Не надоело быть послушной, хорошая девочка?”

Мария: “Намекаешь на комплекс отличницы?”

Михаил: “Нет. Хочу знать чего ты действительно хочешь.”

Мария: “Хочу найти спутника жизни.”

Михаил: “Зачем?”

Мария: “Хочу чтобы меня любили.”

Михаил: “Ты думаешь на сайте знакомств ты найдешь любовь?”

Мария: “Мне бы хотелось в это верить. А чего хочешь ты?”

Михаил: “Женщину, которая меня не бросит.”

Мария: “Думаешь, найдешь ее здесь?”

Михаил: “Моя дочь создала анкету.”

Мария: “Зачем?”

Михаил: “Хочет себе мачеху.”

Мария: “А чего хочешь ты?”

Михаил: “Того же, что и ты — любви.”

Михаил: “Так что на счет встречи? Дай мне шанс”.

Мария: “Я не уверена”.

Михаил: “В чем?”

Мария: “В том, что действительно могу тебе понравиться”.

Михаил: “Дай-ка угадаю... Ты страшная?”

Мария: “Нет”

Михаил: “Толстая?”

Мария: “Ну в дверной проем прохожу))”

Михаил: “Тогда не понимаю в чем причина твоего сомнения. У тебя шрам на лице?”

Мария: “Скорее на сердце”.

Михаил: “Я его вылечу”.

Мария: “Не гони лошадей, ковбой. Я так не могу”.

Михаил: “Тогда давай так... Встретимся в ресторане “Фантом”. Знаешь такой?”

Мария: “Впервые слышу”.

Михаил: “Вся фишка в том, что это ресторан в темноте”.

Мария: “Это как?”

Михаил: “Каждый столик располагается в отдельной комнате, тебе на глаза надевают специальный прибор ночного видения, чтобы было удобно есть. Но собеседника ты не видишь. Как и он тебя. Поболтаем, покушаем, расслабишься, а потом решишь — показываться ли мне”.

Мария: “А вдруг ты мне не понравишься?”

Михаил: “Тогда это идеальный вариант — уйдешь, а я даже не буду знать как ты выглядишь. И если я встречу тебя на улице, то не узнаю. Ты ничем не рискуешь”.

Мария: “Это наверно дорогое место”.

Михаил: “На ужин денег хватит. Я угощаю, ведь это свидание”.

Михаил: “Я пока бронирую столик на завтрашний вечер. Ты не против?”

Мария: “А если я откажусь?”

Михаил: “Подумай до завтра. А там решим”.

Мария: “Бронируй. Если я откажусь, тогда сходишь на свидание с менее закомплексованной женщиной”.

Михаил: “Я пока не горю желанием знакомиться с кем-то ещё. Хочу узнать тебя лучше. Ты не против общения?”

Мария: “Не против”.

Михаил: “Дашь свой номер?”

Мария: “Зачем?”

Михаил: “Так проще общаться.”

Мария: “Я пока не могу.”

Михаил: “Хорошо. Тогда скажешь, в какой ты школе работаешь?”

Мария: “Зачем?”

Михаил: “Хочу сделать тебе сюрприз. Обещаю не приходить. Просто маленький подарок”.

Мария: “Только не дорогой. Не люблю быть обязанной”.

Михаил: “Окей. Как скажешь. И кстати, я не из тех мелочных мужчин, которые забирают свои подарки обратно”.

Мария: “30”.

Михаил: “Ты там единственная Мария?”

Мария: “Да”.

Михаил: “Окей. Тогда до завтра, Машунь”.

Мария: “Спокойной ночи”.

Михаил: “Сладких снов”.

21. Машенька

На работу я снова опоздала. Вчера под впечатлением от переписки с Михаилом забыла поставить будильник. На работу собиралась как обычно впопыхах. Разогрела вчерашние пельмени для кота, во вторую миску насыпала сухого корма. Влезла в свои осенние сапоги на высоком каблуке, ведь зимние оставила вчера на работе. Начищенные с вечера туфли закинула пакет, захлопнула за собой входную дверь.

Я не учла одного: за ночь температура упала на пару градусов и еще не высохшие лужи покрылись тонкой корочкой льда.

Балансируя на высоких неустойчивых каблуках, я кое-как добежала до здания школы как раз в тот момент, когда прозвенел звонок. Не заходя в учительскую, отправилась на урок.

Материалов для ведения урока в класс я не взяла, потому что сегодня провожу контрольную, о чем предупредила учеников на прошлом уроке.

Под подчеркнуто-несчастные вздохи учеников раздавала листочки с заданиями и предалась своим мечтам, сидя за учительским столом и отвернувшись к окну, чтобы дать возможность неподготовленным ученикам воспользоваться шаргалками. Я не слишком строга к своим ученикам. Уровень знаний каждого знаю. Вместить такое огромное количество материала в перегруженный подготовкой к ЕГЭ мозг практически нереально. Тот, кто подзабыл пару формул сможет списать, но защитит контрольную до каждой запятой. А вот кто совсем не готов... Что ж. Не всем Эйнштейнами быть, правда? Зато есть шанс вытянуть нужную оценку для поступления в институт.

Вытянув ноги под столом позволяю себе немного расслабиться. Еще бы кружечку горячего кофе и жизнь не кажется такой дерьмовой.

Что делать с Вадимом и Виталиной не знаю. Времени проконсультироваться с юристом у меня пока нет. Квартира им нужна очень сильно. А я отдавать свое жилище не собираюсь. Прийдётся воевать.

Когда прозвенел звонок, на моем столе оказалась стопка листочков с ответами на контрольную. Собрав бумаги, я выхожу из кабинета и направляюсь в учительскую. Вот тут-то меня и ловит Анжела. Глаза ее блестят от восторга, рот приоткрыт в немом крике.

— От кого веник?

— Какой веник? Анжел, ты о чем? — морщусь от боли в ноге. Неудобный сапог всё-таки натёр ногу, и теперь каждый мой шаг сопровождается неприятными ощущениями. — У тебя лейкопластырь есть?

— Есть, идем-идем, — тянет меня подруга в сторону учительской. Кое-как дохромав до нужного кабинета, замираю на пороге.

На моем столе в старой неказистой вазе, которой пользуются учителя, стоит шикарный букет алых роз. Штук пятнадцать — не меньше. Словно загипнотизированная подхожу к своему столу, склоняюсь над ним и вдыхаю тонкий аромат красивых цветов.

Запах роз навеивает воспоминания о бабушке. На даче среди грядок с посаженными перцем, баклажанами и огурцами она выращивала куст прекрасных чайных роз, и никому не позволяла их срезать. Для букета на школьную линейку имелась целая клумба различных по цвету пионов. Но розы — бабушкина гордость и труд, ведь вырастить такую красоту дорогого стоит.

Запах букета переносит меня мыслями в беззаботное детство, наполняет меня

восторгом, счастьем.

Что за чудо! Как давно мне дарили цветы без повода? Да никогда! Тем более таких красивых!

— Утром курьер принес. Там ещё записка есть, — врывается в мои мысли Анжела.

Точно, на крафтовой бумаге раскачивается прикрепленный к ней за ленточку степлером маленький кусочек картона, сложенный пополам. Аккуратно отрываю открытку.

"Машеньке от Медведя. Желаю приятного дня. Надеюсь на встречу" — написано в ней.

Неконтролируемый восторг наполняет грудную клетку.

— Виталина чуть от зависти не умерла, — доверительно шепчет подруга.

— Ну и пусть, — блаженно выдыхаю, прижав открытку к груди. Ловлю заинтересованные взгляды коллег и отворачиваюсь к подруге.

— Она ничего не говорила? — шепчу подруге.

— Нет. Только хмыкнула и гордо продефилировала в свой кабинет. Ты пойдешь на свидание? — пригвождает меня к месту своим вопросом.

— Я пока колеблюсь.

— Ну и зря. Представь, как вытянется лицо Виталины, когда она увидит тебя под руку с высоким красавцем!

— И закустится на счёт квартиры ещё больше, — выдаю с горечью в голосе.

— Она не имеет на нее никаких прав.

— Зато Вадим имеет.

— Он только Виталину имеет, больше ему не светит.

Мы прыскаем в ладошки, пытаюсь сдержать рвущийся наружу хохот. С Анжелкой всегда так — можно посмеяться от души и порыдать в жилетку. Она всегда поддержит и даст напутствие.

— Ну машину же он купил! — переведя дыхание возражаю я.

— На какие шиши? Кредит если только взял.

— А если он ее купил, пока мы в браке были? — кровь леденеет в жилах от мысли, что придется отдавать огромную сумму денег.

— Тогда и будем думать, а пока... — Анжела достает из своей сумочки визитку и протягивает мне. — На третьем уроке у тебя "окно", я записала тебя на консультацию.

Переворачиваю визитку и вглядываюсь в фиолетовые витиеватые буквы.

"Борзых Надежда Евгеньевна. Адвокат, юрист". Номер телефона и адрес.

Поднимаю голову на Анжелку, и с благодарностью смотрю на нее.

— Спасибо.

— Не за что. Ты сама сто лет собираться будешь.

— Ежик птица гордая...

— ... Не пнешь — не полетит, — подхватывает подруга. — Кстати тут коробка с конфетами была, никто не видел? — Обращается ко всем присутствующим Анжела.

Кто-то безразлично пожимает плечами, кто-то отводит глаза.

— Ее Виталина Андреевна забрала, — сдает со всеми потрохами завуча наш физрук. — Сказала, что вам она без надобности.

Кровь закипает в венах от наглости этой... женщины.

Только рука подруги на моем плече охлаждает пыл и предотвращает катастрофу.

— Машунь, пусть подавится. Ей нужнее, — шепчет на ухо, но добрая половина присутствующих здесь учителей все слышит и весело хмыкает, стреляя в нас одобрительным

взглядами.

Виталину здесь никто не любит. В силу своей завистливой и пакостливой природы она не приобрела здесь друзей. Остальные учителя соблюдают субординацию, но предпочитают в споры с Виталиной не вступать.

— Жалко, — тяну я.

— Пусть наедает свое беременное пузо. Растолстеет, и Вадим ее бросит, — злобно шипит подруга.

— Да кто ж беременную женщину бросает?

— Все кто угодно, Мань, — ободряюще хлопает меня по плечу Анжела и грустно вздыхает.

За дверь учительской слышится громкий звонок, мы спохватываемся и собираемся на следующий урок.

Я быстро переобуваюсь, собираю нужные материалы, и, напоследок вдохнув нежный запах роз и зарядившись хорошим настроением, иду проводить ещё одну контрольную.

22. Машенька

На уроке, пока все заняты списыванием, я достаю телефон, опустив его под стол и захожу на сайт знакомств. Пишу Михаилу слова благодарности за цветы и конфеты.

Мысли то и дело перескакивают на вчерашнюю переписку. Мне нравится общаться с Михаилом. Решение пойти на свидание толком не пообщавшись, не узнав о нем ничего было опрометчивым. Он не давит, даёт право выбора и принимает мое решение. Мне нравится эта черта в его характере. Михаил рассудительный. Его отношение ко мне, его ухаживания — это подкупает. Чаша весов склонилась в пользу встречи. Но как сказать об этом Михаилу? Он может подумать, что я готова на эту встречу из-за цветов. А к чему меня можно склонить после ужина, оплаченного им?

Нет, Михаил не такой. Я так думаю.

Он же не станет склонять меня к сексу на первом свидании?

С другой стороны, большинство мужчин зависают на сайте знакомств ради одноразовых встреч или с целью найти постоянную любовницу.

Обитель любви давным давно превратилась в клоаку. И как мне выудить оттуда бриллиант в виде порядочного мужчины, с которым бы я могла создать семью?

По правилам школы, пользоваться мобильным телефоном в классе запрещено, поэтому я тихонько выхожу за дверь, чтобы написать Михаилу. Соглашусь на встречу, а там будь что будет.

Услышав звонкий стук тонких каблучков, отрываю взгляд от телефона и ловлю заинтересованный Виталины.

— Мария Ивановна, вы не на уроке?

— Вышла на минуту ответить на звонок.

— Свои личные дела решайте за пределами школы. Здесь учебное заведение, а не дом свиданий.

— Кстати о доме свиданий, как вам мои конфеты?

— Очень вкусные, Маш, — взглядом Виталины можно резать колбасу.

— Их МНЕ присылали, — как бы между прочим замечаю я.

— Ох, Маш, прости, не удержалась. Сыночек потребовал сладенького, — Виталина гладит свой плоский живот. — Ты знаешь, беременность так влияет на гормональный фон.

Да уж, знаю. Ком застревает в горле. Виталина добила своего — я чувствую, будто меня заживо вспороли и вывернули наизнанку. Боль и отвращение к самой себе накрывают меня с головой, окутывают все тело. К горлу подкатывает тошнота.

— В коробке осталась пара конфет, я могу тебя угостить, если хочешь, — прерывает нависшую над нами паузу Виталина.

— Нет, спасибо. Вам нужнее.

Прижимаю телефон к груди, впиваюсь в него пальцами, как в спасательный круг.

Завуч, проследив за моими движениями, только довольно хмыкает и поворачивается корпусом в сторону лестницы.

— Не оставляйте учеников одних, Мария Ивановна, — восторженный голос разлетается по коридору школы. — Они ведь все что угодно могут натворить.

И уходит прочь, цокая своими высокими тонкими каблучками по паркету коридора.

Стараюсь унять дрожь в руках, смотрю в сообщения на сайте.

"Рад, что тебе понравилось" — в отправленном мне сообщении сквозит нежность и забота, от которых щемит в сердце.

"Я согласна на встречу" — пишу ответ.

Михаил: "Это замечательно. Сейчас пришлю адрес и меню ресторана. Ты какую кухню любишь?"

Мария: "Вкусную))"

Михаил: "Может есть предпочтения? Японская, итальянская, мексиканская? В ресторане готовят национальные блюда многих стран".

Мария: "А ты не раз там бывал?"

Михаил: "Я только слышал о нем из отзывов и видел рекламу на сайте".

Мария: "Пришли мне ссылку".

Михаил: "Ок. До встречи, Машуль"

Отвечаю Михаилу, блокирую телефон и дёргаю ручку двери.

Зайдя в класс слышу шорох бумаги, а когда окидываю взглядом учеников, все сидят на своих местах и с умным видом что-то пишут в своих листочках.

23. Михаил

— Лизок! — кричу на всю квартиру, окликая дочь. Через минуту мое чудо появляется в дверях. Светлые волосы собраны на затылке в художественном беспорядке, на шею наушники, в руках чернильная ручка синего цвета.

— Ты сегодня коротаешь вечер в одиночестве, — веду расчёской по волосам в надежде пригладить взъерошенные волосы. На стрижку что-ли записаться? Давно пора.

— А ты куда собрался? — в отражении зеркала ловлю заинтересованный взгляд дочери.

— По делам.

— Опять? Оу, новый свитер, подаренный бабушкой, наконец-то джинсы в твоём луке появились, — Лизка придирчиво рассматривает меня с головы до ног.

— Луке? — расческа висит над головой.

— Образ. Учи английский.

— На сколько я помню из школьной программы, это слово означает "смотреть". Или за двадцать лет программа поменялась?

— На сленге значит "образ", — упорствует дочь. — А ты чё так вертишься перед зеркалом? На свидание собрался? — глаза так и светятся от восторга.

— Лиз, — смущаюсь.

— Аааа. Подожди-подожди. — Убегает из комнаты.

Провожу расчёской по бороде, стараясь привести ее в порядок.

Да, ухаживать за ней то ещё искусство. А без бороды я выгляжу как пацан переросток. Негоже майору полиции выглядеть молодо и зелено. Подчиненные должны начальство бояться и уважать, а не ржать за глаза. Да и у дамочек трусы мокреют от моего брутального вида.

"Глаза у тебя добрые, Миша, — говорила мне теща. (Хорошая была женщина, Царствие ей Небесное.) — Молодой задор в них сбивает с толку. Вот мозгов бы ещё в твою голову цены бы тебе не было", — добавляла она со смехом.

С тещей мне повезло. Не знаю, как бы я вывез развод, побег Лели, работу, и уход за малолетней дочерью.

— Вот, — вбегает Лизка в мою комнату и протягивает мне светло-голубую коробочку.

— Это чё? — беру коробку в руку и кручу, рассматривая со всех сторон, ищу знакомые буквы, чтобы определить назначение этого предмета.

— Я тебе туалетную воду купила. Запах бомбический. Твоя дама не устоит. Можешь даже привести ее к нам, — Лизка вырывает коробку из моих рук, достает маленький стеклянный флакон, открывает и опрыскивает меня со всех сторон.

— Тьфу ты! — Чихаю от нового запаха. — Лизка! Я не собираюсь вести ее к нам домой! — Восклицаю я.

— Если тебя смущает мое присутствие, я тихо посижу в своей комнате. Даже наушники надену.

— Лиз!

— Ладно-ладно. Это та женщина с сайта знакомств? — дочь прислоняется плечом к лудке двери.

— Лиз!

— Ну чё ты смущается? Я за тебя порадоваться хочу. А она красивая?

— Лиза!!!

— Все-все молчу, — отталкивается корпусом от двери и выставляет ладони перед собой в жесте капитуляции. — На вот ещё, достает что-то из кармана домашних штанов и кладет мне в руки.

Раскрываю ладони и вижу пачку презервативов. Что?!

— Лизка?! — ахаю я.

— Что? — пожимает плечами эта зараза. — Тебе нужнее.

— Лизка, а ты зачем покупала?

— Тебе, — словно слабоумному объясняет. И добавляет с равнодушием в голосе: — Я не пользуюсь.

— Хорошо, — выдыхаю и отворачиваюсь к зеркалу. Стоп, что?

Поворачиваюсь обратно.

— В смысле не пользуешься?

Малая, срисовав мою реакцию понимает, что ее слова можно интерпретировать двузначно.

— Пап, я ещё девочка, ясно? И пока не планирую, — краснеет как помидорка.

— Вот и не планируй. Пока, — ворчу как старый пень. Ну а как ещё реагировать на желание дочери вести половую жизнь? Чувствую, ещё один волосок на моей голове меняет окрас на седой.

— Можно я тогда подруг домой позову, раз уж я под домашним арестом, кстати когда он закончится? Я и так под конвоем хожу, — меняет тему мой ребенок.

— А что тебе не нравится? Могу своих архаровцев прислать в помощь твоей Марии Ивановне.

— Ой, не. Они нам всю малину испортят.

— Она тебе не нравится? — спрашиваю на пути к выходу. Стараюсь держать безразличный тон, чтоб дочь не поняла моего интереса к ее классному руководителю. Подколок от дочурки мне пока хватает.

— Она хорошая. Добрая. Но какая-то... Зажатая сильно.

— Ничего. Скоро раскрепостится, — обуваюсь и беру ключи с гвоздика в прихожей. — Все я пошел.

— Ни пуха — кричит вдогонку дочь.

— К черту, — стучу по деревянной лудке двери.

Хорошие мальчики не заставляют девушек ждать, поэтому в ресторан приезжаю на полчаса раньше положенного. И все эти полчаса сижу в машине, настраиваясь на нужный лад.

У меня свиданий не было лет восемнадцать, и сейчас я очень волнуюсь. Как себя вести, как не попасть в глупое положение. Как понравиться девушке, которая не видит во мне мужчину от слова "совсем"?

Все эти мысли роем пролетают в голове.

Сердце колотится о ребра, как сумасшедшее.

В том, что в ресторан придет Мария Ивановна — классный руководитель моей дочери я не сомневаюсь.

Цветы и конфеты для ухаживания — это банально. Но действительно. Не только расположил к свиданию прекрасную принцессу, но и убил дракона, то есть выяснил, кто она на самом деле.

Вот как теперь не спалиться, что я тот самый ворчун, грозный майор полиции, — не имею ни малейшего понятия.

24. Машенька

Звуки шагов скрадывает ковер, расстилающийся вдоль длинного темного коридора.

На ресепшн милая девушка выдала мне прибор ночного видения, показала как он работает и указала на темный коридор, где в кабинете номер 13 меня уже ожидают.

Интересный ресторан... Скорее похож на офис. В коридоре свет приглушен, чтобы переход от яркого света в тьму кабинета не был болезненным для глаз и позволял ориентироваться в пространстве.

Сердце колотится, пульс зашкаливает. Вытираю мокрую ладонь об ткань неяркого красного платья. Я даже на первом свидании с Вадимом так не волновалась. За дверью меня ожидает мужчина, которого я не знаю. И это так волнительно. И страшно. Радует то, что здесь много людей, и если меня будут убивать или насиловать можно позвать на помощь.

Господи, о чем я думаю?!

Надеваю прибор ночного видения, стучу в дверь, которая тут же распахивается. От удивления не могу устоять на ногах, заваливаюсь куда-то вперед, в темноту, и меня тут же подхватывают крепкие сильные руки.

— Машуль, ты в порядке? — от бархатного баритона раздавшегося над моим ухом по спине идут мурашки. Рецепторы носа улавливают запах морского бриза с нотками хвои.

Ноги, словно ватные! Что со мной творится?

— Д-да, я просто...

— Просто оступилась — тихо, но не злобно посмеивается Михаил и ведёт меня за локоть куда-то вперед. — Я тоже волнуюсь, — доверительным тоном шепчет мне на ухо.

Сделав несколько шагов, Михаил останавливается, а я выставив свободную руку вперед нащупываю лакированную спинку деревянного тяжелого стула. Михаил помогает мне сесть за стол.

Тут же слышится звук открываемой двери, и на сколько я понимаю, официант вкатывает в кабинет металлическую тележку.

— Я заказал на свой вкус, если ты не против. Ты так и не ответила на мое сообщение.

— Да, я забыла, прости. У меня подопечная... Первый день... — Оправдываюсь я. — Совсем забыла. Время помню, место тоже, а все остальное из головы вылетело, — нервно смеюсь, стараясь сгладить свою забывчивость. Ведь собиралась же! Проводив Лизу из школы домой, я поторопилась домой прихорашиваться перед свиданием. Лиза заверила меня, что из дома ни ногой, и я со спокойной душой могу идти по своим делам.

Официант ставит передо мной тарелки, от которых доносится аппетитный аромат.

— Тальятелле Алла Болоньезе, — передо мной появляется тарелка с ароматным запахом, от которого во рту скапливается слюна, — салат с куриной печенью и грушей, — перечисляет молодой человек, выставляя тарелки на стол.

— Десерт будет позже. — Тихим тоном извиняется официант. — Шеф готовит его по особому рецепту, на который требуется время. Как только будете готовы, нажмите кнопку, — холодной ладонью официант тянет мою руку в центр стола, чтобы я могла нащупать ту самую кнопку.

— Спасибо.

Официант тихой поступью удаляется, выкатывая перед собой тележку и закрывая за собой дверь.

Мы остаёмся с Михаилом наедине.

Под дурацкой маской чешется нос. Обзор этой самой маски не позволяет видеть собеседника, ее свет распространяется только на тарелку, в которой еда приобретает зеленый призрачный цвет.

— Любишь итальянскую кухню? — интересуется Михаил.

— Я ни разу не пробовала, если честно.

Миша довольно хмыкает и этот звук разносится током по моим нервам.

— Ммм. Как вкусно! — попробовав блюдо, не могу оторваться.

— Здесь вкусно готовят, — отвечает Михаил.

Следующие минуты между нами зависает тишина, разбавляемая только негромким звуком столовых приборов о тарелки.

— Вина? — предлагает Михаил, и я слышу звук наливаемого в бокал напитка.

— Только немного. Я быстро пьянею, — почему-то смущаюсь своего признания.

— Один бокал, — передает мне в руку стеклянный сосуд. — До такси дойдешь? Я могу понести тебя на руках, — весело заявляет Михаил.

— Я справлюсь, спасибо. Я просто плохо переношу алкоголь.

— Я не собираюсь пользоваться твоим уязвимым положением. Не хочешь вина, можем заказать сок.

— Бокала вина достаточно.

— Окей. Дава й за нас. За эту встречу. Чтоб это было не последнее свидание.

Звон бокалов отдается вибрацией в теле, посылая легкие импульсы удовольствия.

Пригубляю вино и с удивлением обнаруживаю, что это мое любимое. “Белый мускат красного камня”.

С тех пор, как мне исполнилось 18 лет, отец на каждый мой день рождения дарил мне бутылку этого прекрасного напитка.

Давно я так приятно не проводила время. Михаил просто волшебник!

Из динамиков, которые не видны в темноте, льется приятная музыка. Как все предусмотрительно! Я готова хлопать в ладоши от восторга, у меня никогда не было такого потрясающего свидания.

Все, на что сподобился мой бывший муж в период ухаживаний — это пиво и шаурма на набережной. Но время он выбрал неудачное. Или место. Тогда на улице был промозглый дождь, и мы сидели под зонтом, пили пиво и ели шаурму, купленную в ларьке неподалеку. Зябкий холод пробирался под легкую куртку. После этого свидания я свалилась на три недели с пневмонией. От накотившей ностальгии сводит скулы. Вадим старался, как мог. Был таким милым и романтичным. Приходил ко мне в больницу каждый день и приносил еду, приготовленную его бабушкой.

Молча допиваю вино в надежде, что алкоголь унесет мою нервозность.

Моей руки внезапно касается теплая ладонь Михаила.

— Потанцуем? — Михаил легким движением тянет меня за руку, вынуждая встать со стула. после того как он аккуратно снимает с меня прибор ночного видения, я потираю переносицу свободной рукой.

— Здесь и танцпол есть? — саркастически хмыкаю и интуитивно ловлю лукавую улыбку Михаила.

— До стены большое расстояние. В этой комнате вся мебель расставлена так, чтобы гостям было удобно, — ведет он меня куда-то влево, а затем, остановившись, обхватывает

мою талию. Жар его ладони вызывает покалывание в пояснице, я неосознанно поддаюсь вперед, стараясь снять давление на спину, но невольно впечатываюсь лицом в твердую грудь Михаила.

Запах морского бриза с нотками хвои окутывает меня, создавая упоительную комбинацию, смешиваясь с мужским терпким запахом Михаила. Я теряюсь в ощущениях, плыву в них, словно по волнам.

Михаил лишь прижимает меня к себе крепче. Не больно. Но ощутимо.

Мелодия саксофона словно течет по венам, вино расслабляет, а запах этого крепкого и сильного мужчины пробирается через нос и ударяет по рецепторам острой волной предвкушения.

Впервые в жизни меня так сильно волнует близость мужчины. Не в том смысле, что мне страшно. Отнюдь. Мне кажется, что я испытываю возбуждение, но не могу сказать точно. Все ощущения очень острые, на грани запретного.

Кожу лба щекочет что-то...

— Миш, — шепчу тихо.

— Ммм?

— У тебя борода?

— Да. Тебе не нравится? — А голос глубокий такой. Грудной.

— Не знаю. Никогда не встречалась с бородатым мужчиной.

— ”У меня есть борода, и ты скажешь мне ”да”, - цитирует он строчки куплета некогда популярной песни, вызывая во мне смех. — Можешь потрогать, если хочешь.

— Правда можно?

— Конечно. — Спина Михаила под моими руками напрягается, он выдвигает подбородок вперед. Веду рукой по его щеке к кромке волос.

— Она мягкая! — произношу с удивлением.

— Ага.

— Это ж сколько денег уходит на средства по уходу за ней. Уф!

— Ты знаток? — смеется Михаил.

— Любитель, — на полном серьезе отвечаю я. — Столько денег трачу на средства по уходу за волосами, что боюсь зарплаты не хватит на еду.

— Можно потрогать? — хриплый шепот опалает ушную раковину. От волнения могу только кивнуть, и Михаил проводит костяшкой пальца по моей щеке. Нежно так. Трепетно. Вызывая дрожь во всем моем полупьяненьком теле.

Склоняет голову, зарывается в мою макушку и тянет носом запах шампуня.

— Ты такая вкусная, — сильным голосом произносит Михаил. Невесомо ведет ладонью по затылку, нащупывая пальцами какую-то точку, от прикосновения к которой под колени бьет слабость, и я крепче вцепляюсь в плечи Михаила, чтобы не упасть.

Мне кажется, я обнажена. Током по нервам проходит каждый звук.

— Сладкая такая, — шепот его дыхания обвивает ухо горячим воздухом, посылая мурашки по моему напряженному у телу. Это самое эротичное, что я делала в своей жизни.

Щеку щекочет мягкость волос, и я понимаю, что Михаил ищет мои губы для поцелуя. Мы давно прекратили плавно раскачиваться в такт музыке и теперь просто стоим, тесно прижавшись друг к другу.

Поднимаю подбородок вверх, подставляя губы для поцелуя. Легкие прикосновения мягких губ Михаила вызывают дрожь во всем теле. Борода щекочет подбородок, не мешая

целоваться.

Приоткрываю рот, и язык Михаила тут же врывается, дразнит, ласкает. Пью его горячее дыхание, упиваюсь страстностью нетерпеливых движений рук по моей спине.

Пространство вокруг начинает искриться, пульсировать. Между ног все странно стягивает тянущим спазмом. Животный магнетизм Михаила подавляет меня.

— Машунь, — Михаил со стоном отрывается от моих губ и так ласково и в то же время нежно произносит мое имя, что бабочки начинают порхать в животе. — Давай присядем, — хриплым тоном просит, перемещая руки с моей спины на талию. Ловко крутанув меня на сто восемьдесят градусов, легонько подталкивает ладонью, лежащей теперь на моей пояснице, другой рукой Михаил берет мою руку в свою и ведет к столику.

Я настолько ослабела от невероятных и острых ощущений, что тупо иду, ведомая его сильными объятиями.

В колени мягко бьется обивка дивана, и от удивления у меня перехватывает дыхание.

— Здесь и диван есть? — развернувшись, падаю на мягкие подушки.

— Да, я же говорил, что здесь все устроено для удобства клиентов, — раздается голос дальше, чем я ожидала. В моей руке оказывается холодный бокал, делаю глоток и понимаю, что это вино.

— Тебя проводят до такси, — диван продавливается под тяжестью, опустившегося на него Михаила. Придвинувшись плотнее ко мне так, что его бедро касается моего, Михаил склоняется к моему лицу. — Я не буду приставать, Машунь. Давай просто поговорим.

Я сдаюсь. Расслабленно откидываюсь на спинку дивана...

25. Машенька

— А потом че? — Анжелка с таким восторгом и предвкушением горяченького смотрит на меня, что забывает разлить вино по бокалам, лишь подносит бутылку горлышком к своему рту и делает несколько глотков.

— Закусывай, — посмеиваюсь я, придвигая к ней тарелку с роллами, которые мы заказали, когда я позвонила поздним вечером после свидания. Анжелка тут же примчалась с бутылкой вина, требуя подробностей свидания.

Подруга, последовав моему совету, запихивает крабовый ролл в рот, ставя бутылку вина на стол. Прожевав и закусив имбирем, молит:

— Не томи, Мань, рассказывай.

— Мы разговаривали...

— О чем?

— Я призналась ему, что не люблю шоколадные конфеты.

— А он?

— А он лишь посмеялся над тем, что Виталина стащила коробку. Спрашивал, что я люблю, — мечтательная улыбка против воли приподнимает уголки губ.

— А ты?

— А я сказала, что люблю кешью.

— А он?

— Да что ты заладила: “а он”, “ а он”, “а он”? — внезапно психую я. Напряжение последних часов дает свой выход в агрессии и я стыдливо прикладываю руки к вмиг вспыхнувшим горячим потоком щеки. — А он не знает, что такое “кешью”!

— Ладно, фиг с ним. А ты? Тебе понравилось? — допытывается подруга, разливая вино по бокалам.

Делаю глубокий вдох, стараясь уговорить восторженно бьющееся сердце, готовое выпорхнуть из груди стремительной ласточкой.

Вспоминаю руки Михаила на моих бедрах, когда он пробирался под платьем все выше и выше к талии, кружа голову своими жаркими поцелуями, горячим дыханием, опалывшим мою шею, чередуя сладкие поцелуи легкими покусываниями.

Между ног все снова стягивает и я свожу их вместе, опуская голову на руки и прячась от восторженного визга Анжелки.

— Понравилось!!! Манька, за это надо выпить! — всучивает в мою ладонь бокал с вином. Знаю, что на сегодня мне хватит вина, иначе завтра проснусь с гудящей головой, но эмоции гудят в моей груди роем, не позволяя успокоиться.

— Понравилось, — тихо шепчу, пригубляя из бокала.

— Ураааа! — кричит Анжелка.

— Да не вопи ты! Соседей разбудишь! — смотрю на круглые светло-зеленые часы, украшающие стену кухни. Час ночи! Завтра вставать в шесть утра!

“Да и хрен с ним”, - думаю я, допивая вино из бокала.

Имею я право немного расслабиться или нет?

— А потом что? — спрашивает Анжелка.

— А потом мы допили вино, Михаил проводил меня до двери, а на улице меня ожидало такси.

— И ты даже не захотела на него взглянуть при свете? — ахает подруга.

— Не могу я пока...

— То есть ты сосалась и тискалась с мужиком, которого не узнаешь, пройди он мимо тебя в толпе?

— Я пьяная уже была! Еле добралась до такси.

Протрезветь мне Анжелка не дала, подливая из бутылки в бокал.

А наутро мысли о вчерашнем свидании приняли совсем другую позицию.

Впопыхах собираясь, пошатываясь по квартире, я с ужасом думала, какого обо мне мнения Михаил. Позволила ему так ласкать меня! Стонала, как похотливая сучка! Чуть не отдалась ему на диване в каком-то ресторане!

Кровь приливает к щекам, вызывая новый приступ тошноты и усиление головной боли.

Я ведь не такая! Я скромная учительница средних лет. Должна подавать достойный пример ученикам своим примерным поведением.

С утра будто вся Вселенная протестовала против меня.

Пельмени я с вечера не сварила, поэтому коту пришлось довольствоваться сухим кормом, за что до двери меня провожал обиженный укоризненный взгляд. Замок на сапоге приказал долго жить, оставив в моих пальцах вжикнувшую "собачку".

Выглянув в окно, с удивлением замечаю, что на улице сухо и тепло. Значит можно пойти на работу в туфлях.

Брести два квартала до школы на высоких каблуках, да ещё и с похмелья — сомнительное удовольствие, но выбирать мне не приходится. Я позволила себе вчера шикануть и на последние свободные деньги заказала нам с Анжелкой роллы. Так что такси мне не светит, а толкаться в автобусе, рискуя прийти на работу в драных колготках я не хочу.

Интересно, как подруга вчера добралась домой?

Судя по ее помятому виду, опущенной на руки голове, утречко у нее задалось так же, как у меня.

Впорхнув в учительскую и поприветствовав коллег, сунула в руки Анжелы блистер с анальгином. Подруга одарила меня благодарным взглядом и поплелась к кулеру, который мы слёзно вымолили у директора школы за стаканом воды.

— Коллеги, — голос Виталины над моим ухом звенит восторга. — Я выхожу замуж!

Мы с Анжелкой синхронно поворачиваемся в сторону говорящей Виталины и замираем от потрясения. Виталина с восторгом и упоением рассказывает что-то, а у меня в ушах заложило от "потрясающей" новости. В голове крутится песенка из детского мультлика.

Наблюдаю за Виталиной словно она на экране телевизора. Ходит по кабинету, раздает всем открытки. Кожей пальцев чувствую гладкую прохладную поверхность. Опускаю взгляд на свои руки. Приглашение красивое. Видно, что заказано в специальной фирме. На светло-бежевой рельефной бумаге красивым витиеватым почерком выгравировано: "Виталина и Вадим". Открыв приглашение и проморгавшись, чтобы наступившие слезы не мешали обзору читаю про то, как мой бывший муж приглашает меня на свою свадьбу.

От плотного картона так и веет счастьем и надеждой на счастливое будущее. Только не со мной. Не со мной!

Отбрасываю приглашение, словно гадюку в речку, и со скоростью ветра выхожу из кабинета. Плевать на удивлённые лица коллег. Плевать на злобную усмешку Виталины. Прочь отсюда.

Бегу по коридорам, не видя куда, пока чья-то рука не останавливает меня, схватив за

локоть.

— Мань, ты че творишь? — запыхавшаяся Анжелка появляется словно из ниоткуда. Я не реагирую на ее слова.

Прислоняюсь затылком к холодной стене коридора и съезжаю вниз, потому что ноги меня не держат. Где-то у пола меня подхватывают руки подружки и водружают обратно.

— Мань, Мань, ты чего?

Ее встревоженное лицо виднеется сквозь карусель картинок.

Вот наша с Вадимом свадьба. Во времена студенчества денег у нас было не много. Поэтому на дачу моих родителей позвали родителей Вадима, пожарили шашлыки, выпили вина, разъехались по домам.

Вот, мы с Вадимом, выбираем обои в нашу квартиру. Он морщился на мои предложения пастельных тонов, в итоге сошлись на нейтральном бежевом цвете в кухню, тёмно-синих в спальню, белых с блёстками в коридор.

Вот, мы с Вадимом дружно клеим эти самые обои, ссоримся из-за ерунды, миримся на кухонном столе, да так страстно, что ножки хлипкого стола не выдерживают и мы падаем на пол.

И я совсем не ожидала увидеть на пороге квартиры его чемоданы с вещами четыре месяца назад, когда пришла с работы домой.

Я думала, что мы счастливы.

А оказалось, что мы счастливы по отдельности. Я в своей иллюзии идеального брака, и он... С любовью всей его жизни.

Всхлипываю и вытираю слезы с щек салфеткой, врученной мне заботливой подругой.

Ну что он в ней нашел?

Что в ней есть такого, кроме сучьей натуры и шикарного внешнего вида, чего нет во мне?

Раньше я думала, что ее желание родить ребенка.

Три года назад я была беременна. В одну из ночей проснулась от дикой тупой боли внизу живота. В больнице мне сделали чистку, потому что плод замер.

"Так бывает, — сказал мне врач. — Молодая ещё. Можно беременеть через год".

А через год я не хотела. И ещё через год.

Не могла.

Не могла заснуть, вспоминая, через какой ужас прошла. Детский плач преследовал меня по ночам. А утром я просыпалась в слезах.

Вадим стойко уверял меня, что подождёт, пока я буду готова. Тогда попробуем снова.

Но через свой страх я перешагнуть не могла.

И он нашел выход. Молодая красивая амбициозная и беременная Виталина теперь выходит замуж за моего бывшего мужа. А я оказалась на обочине широкой дороги, ведущей в счастливое будущее.

Боль и горечь накатывают волнами, вызывая новые всхлипы и потоки слез. Меня трясет так, будто я сижу на стиральной машине во время отжима белья.

Анжелка хлопчет надо мной, что-то говорит утешающее, мол хрен с ними со всеми, а я не могу. Мне так плохо.

— Машуль, иди в туалет. Умойся, поплачь. Я твоих шалопаев возьму на себя, у меня сейчас "окно". Мааань, — болезненные хлопки по щекам возвращают меня в реальность.

— Ммм?

— Иди отдохни немного. Я твоих учеников займу общественными работами. Снег сошел, а у нас прошлогодние листья с клумб не убраны. Давай иди, — подталкивает меня в сторону туалетов.

И я послушно иду, закрываюсь в кабинке и разлетаюсь на части от дикой боли и осознания собственной никчемности.

26. Машенька

— МарьВанна, а где вы живёте?

— Там же где и все, Лиз. Дома, — отвечаю настырной девушке, пока провожаю ее, и тут же одергиваю себя. Она не виновата в моем похмелье и плохом настроении. Так зачем грубить?

Уроки вела, как в ёжик в тумане. И с облегчением выдохнула, услышав последний звонок с урока.

На выходе из школы меня окликнула Лиза, о которой из-за своих переживаний совсем забыла. Хороша наставница!

Сегодня Лиза хочет познакомить меня со своими сотрудниками автомойки.

И вот мы идём мимо моего двора, наслаждаясь теплым весенним солнышком, ежась от ещё по-зимнему холодного ветра.

На клумбах скоро расцветут тюльпаны различных цветов, заботливо выращиваемых соседями к Красной горке и Пасхе.

Нужно бы с родителями на кладбище съездить. Убрать мусор на могилах бабушки и дедушки.

За своими размышлениями и лепетом Лизы не замечаю, что нас окружила небольшая толпа дворовых пацанов. Мальчишки совсем юные, учатся в нашей школе в третьем классе.

Чувствую ошутимый и болезненный тычок в спину и от шока и удивления вскрикиваю, привлекая внимание Лизы.

— Ох, — удар камнем Лиза ловит предплечьем и тут же бросается на мальчишек. — Ах вы!.. Да я вас!.. Получайте, гавнюки мелкие! — Лиза поднимает мелкие, размером с полкулака камни, и кидает их в мальчишек, сопровождая каждое слово ловким замахом в сторону обидчиков.

— Лиза, не надо, — бросаюсь к ней и хватаю за руки в надежде остановить ее. — Они же малыши совсем.

— Хороши малыши-карандаши. Террористы юные, — Лиза, не слушая меня продолжает свои телодвижения по подбору камней с землистой дороги и метанием их в мальчишек.

Сами же виновники стычки сначала отвечают Лизе, за что мы попадаем под град мелких камней, а затем бросаются в рассыпную, услышав гулкий звук сирены полицейской машины.

Хватаю Лизу за руку, когда она бросается за мальчишками, останавливая ее.

— Лиз, ну их, пусть бегут.

— Да я им щас головы поотрываю, засранцы мелкие! — удержать Лизу оказывается не так-то просто, но тут на помощь успевают два молодых парня в форме, заламывают ей руки и скручивают за спиной, закрепив наручниками. Ко мне кстати были применены те же действия. Так что я охнуть не успеваю, как оказываюсь в кузове полицейской машины.

Опять.

И снова не по своей вине.

Да что ж за день такой!

В этот раз компанию мне составляет моя ученица, не прекращающая сыпать угрозами, только на этот раз на сотрудников полиции.

В таком виде — расстрепанных и взъерошенных, нас привозят к уже знакомому мне

отделению МВД.

***

— Товарищ майор, — постучав, открывает дверь кабинета один из молодых полицейских и пропускает нас с Лизой вперед. Наручники сняли на входе в здание, мотивируя это тем, что "мне Медведь голову оторвёт, если увидит свою дочь в "браслетах". — Принимайте преступниц.

Михаил поднимает голову и недоуменно смотрит в нашу сторону. Когда его взгляд скользит по мне, уголки его губ дёргаются в усмешке, но, увидев Лизу, замирает, брови сходятся на переносице, нижняя челюсть будто немеет от напряжения. Вот это мы попали. Под раздачу майору.

Мы с Лизой, вжав головы в плечи входим в кабинет и присаживаемся на стулья, стоящие возле длинного стола.

Молодой полицейский, поигрывая наручниками, становится за нашими спинами.

— Не понял, — Михаил встаёт из-за стола, скрещивает руки на груди и впивается взглядом в молодого полицейского за нашими спинами.

— Товарищ майор, мы патрулировали, а потом увидели, как эти... — кивком показывает на нас с Лизой, — кидались камнями в мальчишек.

Я только открываю рот в намерении возразить, но тут же захопываю его, почувствовав касание руки Лизы и перехватив ее взгляд. Немой жест отрицания.

— Наручники зачем? — стреляет глазами в металлические браслеты в руках полицейского.

— Так сопротивлялись, товарищ майор, — растерянно говорит парень.

Взгляд майора тем временем мечет молнии, и я против воли сжимаюсь на своем стуле, в попытке спастись от его гнева.

— Я понял. Свободен, — холодным тоном, будто стальными льдинками колет, бросает молодому полицейскому, который пряча наручники, выходит за дверь.

Проводив его взглядом, и дождавшись пока за ним хлопнется дверь, Лиза бросается в атаку.

— Пап, мы не виноваты...

— Мы спокойно шли по двору... — подхватываю я.

— ... А они как кинут в Марьванну камень...

— ... Мальчишки же ещё... — наперебой рассказываем с Лизой.

— ... А я им в ответ...

— ... А они убежали... — взгляд майора мрачнеет, а мы не затыкаемся, вываливая на него ворох новой информации.

— ... А тут твои архаровцы...

— ... Зря нас задержали...

— ... Браслеты надели, прикинь, пап. Совсем офигели...

— ... Товарищ майор, отпустите нас, пожалуйста.

— ... Мы ни в чем не виноваты, — скулим жалобным тоном.

— Отставить!!! — раздается из уст Михаила громовой крик, да такой громкий, что мы с Лизой по команде закрываем рты и подпрыгиваем на своих стульях от неожиданности. — Растренькались тут... Во что ты втянула мою дочь? — Переводит свой взгляд на меня, пригвождая к стулу. От шока и удивления не могу пошевелиться. Нет, я не снимаю вины с себя, переводя ее на несовершеннолетнюю девушку, но и получать наказание за то, в чем мы

не виноваты я не хочу.

— Папа, Марьянна ни в чем не виновата, — вскакивает со своего стула Лиза.

— Сядь я сказал! — майор падает ладонями на стол, сопровождая свой рык хлопаньем по столу.

— Не кричите на дочь, — вступаюсь я за девушку.

— Она меня защищала, — лопочет Лиза.

— А она что сама не могла защититься? — хмурится майор.

— От кого, пап? От десятилеток? Ей же срок впаяют. Эти хулиганы задрали ее уже.

— Рот закрой, что за лексикон? — Устало падает на стул, прижимает ладони к виску. — Девки, как вы меня задрали. — Расфокусированный взгляд майора вперивается в стену позади нас.

— Папа, что за лексикон?

— Лизка, иди домой, — фыркает он.

— Пааап, — тянет Лиза, стреляя глазами в мою сторону. Я бочком пытаюсь слезть со стула, но взгляд майора пригвозждает меня обратно.

— Марьянна остаётся, Лиза — домой, — чеканит распоряжения пришедший в себя Михаил.

— Пааап.

— Лиза, — голос спокойный, холодный. Пробирает до костей его интонация.

— Хорошо, — Лиза встаёт со стула и направляется к выходу. — Марьянну не обижай.

— Не съем, не боись, — откидываясь на спинку стула, рассматривает меня внимательным взглядом.

***

— Рассказывай.

— Что рассказывать?

— Что произошло. Мои архаровцы не стали дело заводить только потому что в нем участвовала моя дочь. А вот подробностей я жду. — Михаил склоняется над столом, опираясь на локти и скрестив пальцы рук.

Давит своей аурой, хищным взглядом, ласкающим мое испуганное лицо.

— Мы с Лизой шли на автомойку, — сделав глубокий вдох начиная рассказ. — Вдруг откуда-то выскочили мальчишки и начали кидать в нас камни.

— Почему сразу не позвали на помощь? — прерывает Михаил.

— Кого звать? Мам этих ребят, чтоб нам еще больше досталось? Вы же знаете, как родители защищают своих детей, как бы те не пакостили, — пристально смотрю Михаилу в глаза, где даже огонек осмысления не мелькает.

— Знаю, — наконец вздыхает он. — Ни с того ни с сего начали камнями кидаться? — выжидательно давит взглядом.

Я понимаю, о чем он говорит, но, изобразив недоумение, смотрю в потолок.

Михаил молчит. Я тоже. Не выдерживаю сдаюсь.

— Лиза права. Это не в первый раз. Когда прохожу мимо того двора, они меня задирают, — жалуясь, словно маленькая. От обиды на глаза выступают слезы.

— Имена, фамилии, — Михаил придвигает ко мне белоснежный лист бумаги, припирая сверху автоматической ручкой. Я замираю, не двигаясь. Майор, срисовав мой покер-фейс, приподнимает левую бровь. — Зачем покрываешь? Я не верю в то, что ты не знаешь их имён.

— Они же мальчишки ещё, — шепчу вполголоса, потупив взгляд.

— Через десять лет они решат магазин грабануть, а потом реально сядут за решетку. Ты этого хочешь? — склоняясь над столом, подвигает бумагу с ручкой. — Явки, пароли. Быстро. Да не смотри ты так, — ловит мой подозрительный взгляд. — Я просто поговорю с их родителями. Нежно и ласково, — откидываясь в кресле, задумчиво почесывает шею под бородой. — Что? Я умею быть нежным, — одаривает ласковой улыбкой.

Что-то я сомневаюсь.

— Почему они тебя достают? — прерывает мое молчание Михаил. Я же тяжело вздохнув, беру ручку и начинаю писать фамилии учеников.

— Я им выговор сделала. Они котёнка мучили.

— Вот засранцы!

— Я им тоже самое сказала.

— Как ты можешь? Ты же учитель! Ты должна подавать пример, а ты... Эх, Маша, Маша, — притворно вздыхает Михаил, принимая из моих рук исписанный именами листок бумаги. А глазами так и стреляет из-под густых черных бровей, пряча лукавую улыбку.

С минуту майор рассматривает бумагу, затем обращается ко мне.

— И где теперь этот котенок?

— У меня живёт, — сложив руки на коленях, пожимаю плечами.

— Как назвала?

— Пельмешкой, — немного смущаюсь.

— Как ты могла?! — укоризненно восклицает Михаил, но в глубине глаз прячутся смешинки.

— Ну а что такого? — удивляюсь я. — Он одними пельменями питается, — объясняю, отчего Михаил заливисто смеётся. Залипаю на этой картине, не в силах отвести глаз.

Жёсткий прищур глаз Михаила сглаживается, глубокий низкий смех разносится по кабинету.

Немного смущаюсь своим мыслям, ведь папа Лизы оказывается... привлекательный мужчина! Когда не рычит раненым медведем, распугивая всех вокруг.

Он общается со мной так, будто мы сто лет знакомы. Или словно храним общий секрет.

Меня смущает такой стиль общения, я не привыкла к такому смешливо-доверительному тону. А он не смущается ни капли!

Ржет надо мной, как конь, аж слезы из глаз выступили.

— Нужно пожаловаться на тебя в общество защиты животных, — смахнув слезы с глаз, Михаил разваливается на стуле, вытянув вперёд ноги.

— За что?

— За нарушение конституционных прав котенка.

— Знаете что?! — вскакиваю со стула, направляясь к выходу, — идите в задницу, товарищ майор.

Напряжение последних дней даёт о себе знать и я, подначиваемая майором, вспыхиваю, словно спичка.

Когда я дохожу до двери и дёргаю за ручку, до меня доносится тихий голос Михаила.

— Без разрешения тебя не выпустят.

Оборачиваюсь и замечаю, что майор встал из-за стола, облокотившись на столешницу пятой точкой, в руке держит серый лист бумаги формата А5.

Тяжко вздыхаю и, понутив голову, подхожу к майору с намерением забрать листок, но он поднимает бумагу над своей головой дразня, как в детском саду, а другой рукой

обхватывает меня за талию, крепко вжимая в свой твердый торс.

— Что вы себе позволяете! — задыхаюсь от возмущения. В нос ударяет запах морского бриза и хвои.

— А на что это похоже? — выдыхает в мои губы.

Он так близко. Зрачки карих глаз потемнели, смотрит на меня выжидательно.

Облизав губы, выдыхаю:

— Отдайте пропуск.

— А что мне за это будет?

Рука, лежащая на моей спине, опалает жаром. Я задыхаюсь, словно рыба выброшенная на песок

— Михаил, — шепчу я.

— Что, Машуль? Что? — губы Михаила накрывают мои, под колени бьёт слабость. Сердце пропускает удар, а затем бьётся в ускоренном темпе, тараня грудную клетку. В ушах набатом бьёт пульс. От удивления и шока замираю. Чувствую только вкус горячих и нежных губ на своих губах.

Скользну ладонями по его крепкому торсу вверх, ловлю приглушённый стон в губы. Руками вцепляюсь в плечи Михаила.

— Совсем мне голову вскружила. И день и ночь думаю о тебе, — хрипло шепчет Михаил, не переставая целовать.

— Что вы делаете? — отстраняюсь и вглядываюсь в лицо майора. В нем ни тени сомнения о своих действиях.

— Целую.

— Зачем? — тупой вопрос. Но в моей голове тараканы забили тревогу и разбежались в разные стороны, не выдавая ни одной умной мысли.

— Нравишься ты мне, Машуль.

А пахнет так... Мужской запах смешанный с ароматом хвои и бриза. Упоительно сочетание. И так ему подходит. И ведёт меня от этого, как в тот раз в ресторане. Отстраняюсь от Михаила и вглядываюсь в лицо. Глаза смеются, в них плещется нежность.

— Да вы! Да вы!

— Что радость моя? — снова впивается в мои губы.

От неожиданности происходящего закрываю глаза. Прикосновения губ Михаила нежные, но настойчивые. Пытаюсь дернуться, чтобы отстраниться, но он надежно фиксирует меня рукой за затылок, не давая вырваться. От шока не могу пошевелиться.

Борода щекочет подбородок.

Властные движения крепких рук по спине будоражат, горячат кровь. Голова кружится от нахлынувших ощущений. Что со мной происходит?

Приоткрываю губы, отвечая на поцелуй. Язык Михаила тут же врывается в рот, сплетается с моим, ласкает небо, поработает, лишает воли. Движения рук по спине становятся крепче, настойчивей.

По телу растекается тепло, я тону в этих ощущениях. В голову пробивается воспоминание мелодии саксофона, и я вздрагиваю всем телом.

Дежавю.

Замираю.

И вырываюсь из крепких объятий.

— Вы... вы... — захлебываюсь воздухом от удивления.

— Я, — Михаил сложив руки на груди, приседает на столешницу. — Михаил Медведев, майор полиции. И ты вчера была на свидании со мной, если ты не догадалась.

— Вы обманули меня! — наконец обретаю голос и кричу так, что мой голос эхом отскакивает от стен кабинета.

— Я тебя не обманывал. Я предложил встретиться в том ресторане, чтобы не смущать тебя, — говорит спокойным тоном, смотрит выжидательно, чуть склонив голову влево.

— Вы знали, что это я!

— Догадывался.

— И когда вы уверились в этом?

— Когда ты приняла цветы.

— Как вы могли! Вы же... вы... — словарный запас снова покидает мой обессиленный мозг, я пячусь назад к двери.

— Маш, не сбегай, давай поговорим, — Михаил отталкивается от стола и направляется ко мне.

— Не подходите! — выставляю руки вперёд, останавливая его. Он лишь тяжело вздыхает, оборачивается к столу, берет серый лист и протягивает мне. — Пропуск возьми, — устало выдыхает, глядя в пол.

Делаю два шага вперёд, выхватываю бумагу из его рук и трусливо сбегая, громко захлопывая за собой дверь.

27. Михаил

Бабы — дуры!

Раздраженно бросаю тяжелую папку с бумагами по делу о клофелинщице на стол. Она проскользнув по поверхности стола, тормозит, упираясь углом в подставку монитора.

Ну что я сделал не так? Все же хорошо было!

Маша млела и таяла в моих объятиях, и я знаю, что, усилив напор, мог бы добиться от нее большего. Но не хотел торопить события. Не могу я с ней так. Одноразово. Она бы исчезла потом с радаров, чураясь меня как прокаженного.

Да и не такая она...

Она...

Вспоминаю сладкий вкус ее нежных губ с терпкими нотками крепкого вина. Горячее надсадное дыхание, когда я ласкал ее нетерпеливыми руками под платьем. Как она цеплялась в мои плечи, боясь потерять ощущение реальности, да я и сам потерял голову от нахлынувших эмоций.

Никогда у меня не было такой...

Милой, страстной, отзывчивой женщины.

Темнота лишь добавляла пикантности моменту.

И я ее отпустил!

Дурак, да?

Дурак, признаю с огорчением.

Лёгкий цветочный запах до сих пор витает в воздухе. Вдыхаю его, упиваюсь, как маньяк. Повело тебя на этой женщине, товарищ майор.

То, что ей было хорошо со мной, я не сомневаюсь. И я уверен, что если бы добрался до ее трусиков, то они были бы насквозь мокрыми. Скромная мышка Маша очень горяча, когда возбуждена.

А я не могу успокоиться. Впервые в жизни меня так повело. Даже с Лелей такого не было.

Очуменный секс был, свидания были, радость от новости, что скоро станем родителями — тоже было.

Но так башню не сносило от мысли, что эта женщина может быть с кем-то другим.

Да и по гордости и самолюбию бьёт ее отказ.

Я не соблюдал целибат все эти годы. Но никогда не предлагал серьезных отношений.

Постоянной любовницы мне хватало. Менял их каждые три месяца, чтоб не привыкнуть.

Да и навещал их не так уж часто. Просто сбросить стресс. Для здоровья опять же полезно.

Но Маша сорвала напрочь все шаблоны, снесла все рамки и правила, которые я выстраивал все эти годы. Впервые мне захотелось чего-то настоящего, долгосрочного. Чтоб приходиться домой, а там она...

А может Маша права, что сбежала? Ну что я могу ей предложить? Зарплата полицейского не так велика, как некоторые думают, и каждая новая звёздочка — это конечно прибавка к зарплате, но несущественная. Квартира принадлежит Лизе и Леле. Зарплата управляющего автомойкой, на которой так настояла Лиза. А если дочь решит

продать свой бизнес, тогда я вообще останусь не у дел.

Без жилья и со смешной зарплатой полицейского.

Блестящая партия, да.

Смешно до боли. Себя жаль. Чего я добился за эти годы?

Положения в обществе? Уважения коллег?

Жена бросила, дочь от рук отбилась. Даже понравившаяся мне женщина отшила.

Горько.

Вздрагиваю от звонка мобильного телефона, и тянусь рукой к краю стола за гаджетом.

Лиза.

— Да, родная.

— Пап, тут это... — голос дочери расстроенный, огорченный.

— Что случилось?

— Из соцопеки приходили...

— Что? — вскакиваю со стула, и быстрым шагом направляюсь к вешалке, где висит моя куртка.

— Их Виталина Андреевна прислала. Типа у меня в семье неблагоприятная обстановка. Я не могу дозвониться Марьванне. Она ещё у тебя?

— Ушла две минуты назад. А зачем она нужна?

— Так она должна мне характеристику дать. Да и поговорить с опекой не мешало бы...

Пап, я не хочу на второй год, — ноет дочь в трубку, а у меня сердце сжимается от боли и начинает стучать быстрее, когда представляю, как сворачиваю шею эффектной блондинке Виталине Андреевне, решившей распорядиться судьбой моей дочери.

— Я ее найду, — проговариваю в трубку, имея в виду Марию Ивановну. — Лизок, не расстраивайся. Прорвёмся.

— Хорошо, пап, — хлопнув носом, дочь отбивает звонок.

Сжимаю пальцы в кулаки, стараясь погасить гнев, рвущийся наружу. Нужно успокоиться, иначе сейчас наломаю дров, а дочери это ничем не поможет.

Через пару минут, справившись с гневом, беру в руки папку по делу о клофелиншице и достаю оттуда ксерокопию паспорта Марии Ивановны, где написан адрес прописки. Он совпадает с тем, который называла Мария, когда я подвозил ее домой. С полминуты любуюсь фотографией, нечётко напечатанной на листе. Бумага не может передать того обаяния и милоты женщины, сразившей меня наповал, сладкого вкуса ее губ, звонкого голоса...

Ну что ж, Мария Ивановна, держись. Нам с тобой предстоит серьезный разговор.

28. Машенька

Домой иду в расстроенных чувствах. Мне действительно понравилось свидание с Михаилом.

Краска стыда приливает к щекам, когда я вспоминаю, как он ласкал меня, как целовал...

Совсем не вяжется образ грозного майора с тем нежным и ласковым мужчиной в ресторане.

Я от стыда чуть не сгорела в его кабинете, когда все поняла. В глаза ему не могла смотреть. Я рада, что Михаил не настаивал на разговоре о дальнейших встречах. Я сама не знаю, чего хочу, а ему объяснить и подавно не смогу.

Зачем только поддалась на уговоры Анжелки и зарегистрировалась на этом сайте знакомств?

Во всем виновато проклятое вино. Я в жизни столько не пила, ведь от одного бокала меня уносит так, что на следующий день я ничего не помню.

Но в тот день я забрала свой паспорт из паспортного стола. С девичьей фамилией и штампом о разводе. Анжелка пришла поддержать меня. Как всегда с бутылкой вина. Она стала частым гостем в последние месяцы, и ее визиты я воспринимала как должное.

Пока я была замужем, мы с Анжелкой виделись только в школе, обсуждали коллег, делились наболевшим. Вадим не выносил Анжелку, впрочем она отвечала ему взаимностью. С разводом все изменилось.

Я часами сидела на кровати, пялясь в стену и забывая поесть. Жалела себя, умирала от боли и предательства. Анжелка нянчилась со мной, готовила есть, кормила с ложечки, договорилась на работе о моем отпуске. Я так благодарна ей за заботу.

Когда я забрала свой новый паспорт и позвонила подруге, она ответила краткое: "Скоро буду".

И как результат этого: я "зажималась и тискалась", как выражается Анжела, с незнакомым мужчиной, который оказался отцом моей ученицы.

Стыдно-то как!

И мне придется видится с ним довольно часто, ведь я опекаю Лизу до конца учебного года.

Может отказаться, пока не поздно?

Нет, Виталина тогда точно выгонит Лизу, и той придется снова идти в 11 класс, только теперь в другой школе.

Налаживание хороших отношений тем более в подростковом возрасте не способствуют здоровой обстановке в семье и достойной подготовке к выпускным экзаменам.

Нет, это не вариант. За своими мыслями совсем не заметила, как пришла к своему дому, открыла ключом домофонную дверь, и уже в лифте поднимаюсь на свой этаж.

Автопилот — штука хорошая.

Двери лифта открываются громким скрипом и мое сердце, подпрыгнув к горлу, ухает куда-то вниз.

Подперев спиной входную дверь моей квартиры, на корточках сидит Вадим и что-то пишет в своем телефоне.

Оторвав взгляд от экрана, он замечает меня и по его лицу расплзается самая

приветливая улыбка, нацеленная кружить доверчивые головы всех женщин в округе. Он всегда таким был. Приветлив и услужлив с соседками, всегда готов помочь даже тогда, когда его помощь не нужна от слова “совсем”. Женщины млели и расплывались в приветливости.

Только на меня эта улыбка больше не действует. Чувствую, будто тело оплетают ядовитые змеи, и меня передергивает от отвращения. Зачем он пришел? Что ему нужно на этот раз?

— О! Благоверная вернулась! — Вадим встает на ноги и прячет телефон в задний карман джинсов. — Где шлялась? — медленно надвигается на меня.

Я пячусь назад и быстро думаю, куда я могу сбежать. Не нравится мне настрой моего бывшего муженька. В прошлый раз я избежала печальных последствий своей неуступчивости, а в этот раз мне защищаться нечем. Куда я сбегу? Идти мне некуда.

Двери лифта с громким скрипом закрываются, Вадим уже вплотную подходит ко мне, выдавливая меня к лестнице. Паника разбегается по телу ледяными всполохами. В нос ударяет новый запах его одеколona. Отрезвляет немного.

— Не твое дело! — вскидываю подбородок вперед. Прячу свой страх за дерзостью, правда это не всегда помогало в трудных ситуациях. Наоборот — вредило.

— О, какие мы смелые стали, — бывший муж обнимает меня крепко, не позволяя вырваться. — Я слышал, ты хахаля нашла, — шепчет на ухо. — Поэтому дерзишь любимому мужу?

— Ты любимый? Ты? — вырываюсь из его объятий, просунув руки между нами и резко разведя их в стороны, размыкая кольцо рук Вадима. И тут же, проскользнув под его рукой, отбегаю к своей двери, понимая глупость своего поступка. Я в ловушке. Если открою дверь, Вадим не даст мне ее закрыть перед его носом. Может этого и добивается — проникнуть в мою квартиру? Поэтому просто замираю, стоя лицом к нему.

— Ну а кто же еще? Ты же любишь меня, малышка, — он снова надвигается на меня, вжимает в полотно деревянной двери.

— Не говори ерунды, Вадим, — нервно сглатываю и пытаюсь руками оттолкнуть Вадима. Но куда там хрупкой девушке невысокого роста справиться с высоким тяжёлым и сильным мужчиной.

— Прошла любовь, завяли помидоры? — томно шепчет бывший муж, проводя руками по моим бедрам, задирая полы куртки и проникая руками под свитер. — Новый хахаль хорошо трахает, да? — мое ухо достаивается влажного поцелуя, и меня передергивает от отвращения.

— Вадим, остановись, — пытаюсь остановить его руки, но Вадим лишь плотнее вжимает меня в полотно двери, больно придавливая мою грудь своей широкой грудной клеткой. Я начинаю задыхаться.

— Давно качественного секса не пробовала, да, лапуля? — дышит мне в лицо, не переставая лапать меня под курткой. — Я тебе напомню, родная.

Ужас происходящего парализует тело.

Неужели он меня здесь и изнасилует? На лестничной клетке нашего дома...

А я не в силах пошевелиться, умоляю с надрывом в голосе:

— Вадим, остановись... Не надо... Пожалуйста...

Сознание уплывает куда-то, я с трудом осознаю происходящее.

Слезы стыда застилают глаза, я безвольной куклой обмякаю в его руках. Вадим тут же подхватывает меня под мышки и, грубо встряхнув, ставит на ноги.

— Где тут у нас ключики? — шарит рукой в кармане моей куртки, другой рукой прижав меня в двери.

Будто сквозь толщу воды до меня доносится звук отпираемой двери. Чтобы ее открыть, Вадиму придется подвинуть меня.

Болезненные шлепки ладоней по щекам приводят в чувство.

— Давай, родная, приходи в себя.

Из моей груди вырывается утробный вой, тело пробивает мелкая дрожь.

На этом все. Сейчас он втолкнет меня в квартиру, закроет за нами дверь, и...

29. Машенька

Сознание уплывает, как песок сквозь пальцы, в голове все меньше мыслей, больше вакуума, перед глазами начинает темнеть.

Сейчас Вадим втолкнет меня в квартиру и изнасилует.

Неужели это все так и случится? Грубо, грязно и как мне потом собирать самоуважение по кусочкам. Скулы сводит от напряжения, сил не хватает на то, чтобы бороться с подступающими слезами.

Внезапно моего бывшего мужа отрывает от меня и я, больше не поддерживаемая жадными руками, падаю коленями на бетонный пол лестничной клетки.

Услышав неестественный шорох и глухие удары, с трудом разлепляю глаза и пытаюсь сфокусировать взгляд на двух мужчинах, один из которых колотит другого.

— Мужик, ты чо... — это стонет Вадим, прижатый к побеленной стене подъезда. — Я со своей женой... — ловит мощный удар в живот и замолкает. Из горла его раздается бульканье.

— У вас брачные игры такие с бессознанкой и попыткой изнасилования? — Я узнаю запыхавшийся голос второго мужчины и от удивления вскрикиваю, тут же закрыв ладонью рот.

— Это моя жена... — хрипит, оправдываясь, Вадим.

— Бывшая, — из последних сил кричу.

— Помогите! Пожар! — вторит Вадим, и его жалкий стон эхом отбивается от стен подъезда.

На крик бывшего мужа открывается соседняя дверь, и в проеме показывается голова соседки бабы Клавы.

— Вы что творите! Демоны! — громко причитает она, просовывая кулак сквозь щель двери. — Я сейчас полицию вызову, ирод отстань от него!

Другой мужчина, избивающий моего бывшего мужа, придерживает одной рукой безвольное тело Вадима, другой достает из нагрудного кармана кожаной куртки удостоверение, и, открыв его демонстрирует бабе Клаве.

Та, пискнув, скрывается за дверью и закрывает замок.

— Мужик, ты кто такой? — снова хрипит Вадим, жадно плотая ртом спертый воздух подъезда.

— Майор полиции Михаил Медведев, — представляется папа Лизы, пряча удостоверение обратно в карман куртки, а у меня из груди рвется крик ликования. Он пришел! Мой спаситель. Сомневаюсь, что он знал, что мне нужна помощь, но все-таки помог.

— Я на тебя заяву накатаю, мудака, — тут же охает от удара в солнечное сплетение Вадим.

— Ну это врядли, — с улыбкой протестует Михаил, ставя на ноги, как тряпичную куклу, моего бывшего мужа. — А вот отсидеть за попытку изнасилования... — тут же достает наручники, и я бросаюсь к нему, хватаю за руку и тяну на себя.

Михаил переводит недоумевающий взгляд на меня.

— Не надо, пожалуйста! — ловлю презрительную ухмылку Вадима, которая сменяется гримасой боли.

— Ты уверена? — впивается в меня взглядом майор.

— Да, — шепчу Михаилу, и, отпустив его руку, отхожу в сторону.

— Это твой е**рь? — кивает в сторону майора Вадим, обращаясь ко мне, и тут же ловит очередной удар в живот.

— Что за выражения при даме. Постыдился бы, — продолжает глумиться Михаил.

Ощущение диссонанса распространяется на меня. Мой бывший муж, скорчившийся от боли и Михаил с улыбкой на губах метелящий Вадима.

— Все, хватит! — решаю я. — Вадим, уходи.

— Мы не договорили, — выражает протест бывший муж.

— Договорили, — не соглашаюсь я.

Эта драка встряхнула меня, выгнав отчаяние и обиду на второй план, придавая злости. Мне хочется крушить все вокруг, и направить бы свою злость на бывшего мужа, но ему и так досталось.

Беру Вадима за рукав и подталкиваю к дверям лифта, нажимаю на кнопку. Бывший муж, согнувшись, вытирает другим рукавом кровь с разбитой губы.

Когда за ним захлопываются двери лифта, я с облегчением выдыхаю и поворачиваюсь к майору. На его руках кровь. Костяшки сбиты.

— Идем, — жестом приглашаю Михаила войти, и не глядя на него, захожу в свою квартиру. Решаю больше не церемониться с этим "выканьем". Надоело быть правильной и покладистой.

***

— Не понимаю, почему ты злишься, — говорит Михаил, сидя на синем диване гостиной, и морщась от боли, когда я прикладываю ватный диск, смоченный спиртом к ранам на руках. Движения выходят резкими, рваными.

— Сама не знаю, — тихонько ворчу под нос. — Свалился ты на мою голову, товарищ майор.

— О! Мы теперь на "ты", - веселится Михаил, а я резче провожу ватным диском по костяшкам пальцев, отчего он охает и шипит. Тут же веселым шепотом добавляет: — Зараза.

Ловлю восхищенный взгляд и, опустив голову и вжав ее в плечи, продолжаю "лечить" майора, не поднимая взгляда.

Голова все еще немного кружится от пережитых эмоций, руки подрагивают.

— Машуль, нам нужно вернуться в отделение, — вкрадчивым спокойным тоном нарушает повисшую тишину Михаил.

— За что? — вскидываю голову я.

— Не за что, а зачем, — поправляет меня Михаил. — Заявление написать.

— Не буду, — твердым жестом бросаю окровавленный ватный диск на журнальный столик, и встаю с дивана, на котором сидела вплотную с Михаилом.

— Почему? — в голосе майора сквозит искреннее удивление. Будто я призналась в том, что видела зеленых человечков.

— У него ребенок скоро родится. Его девушке нельзя волноваться, — склоняюсь над столом, собирая ватные диски и маленькую бутылочку со спиртом. Выпрямляю спину и направляюсь в кухню.

— Ну и дура, — летит мне тихое вслед.

Согласна. Но никогда в этом не признаюсь.

Вернувшись в гостиную через минуту застаю Михаила в той же небрежной позе на

диване. Прислонившись спиной к спинке дивана и широко расставив колени, одной рукой чешет животик развалившегося рядом котенка.

— Это он? Жертва мальчишек? — Михаил нежно так чешет кота, а я залипаю.

Образ брутального бородатого майора полиции, который двадцать минут назад превратил лицо моего бывшего в фарш, никак не вяжется с мужчиной, ласково играющим с маленьким котенком. Этот диссонанс вызывает тянущее ощущение внизу живота. Встряхиваю головой, чтоб убрать ненужные мысли.

— Да, мне его покормить нужно.

— Кормить Пельменя пельменями. Ты из приличного кота делаешь каннибалиста.

— Никого я из него не делаю. Он животное, представитель рода кошачьих. Я кормлю его едой. — Поражаюсь строгости своего голоса. Во мне не во время просыпается учитель. "Женщиной нужно быть в первую очередь, — звенят в голове слова подруги. — Нежной и ласковой. А ты всех поучаешь. Мужчины этого не любят."

Пельмеш радостно подставляет майору то другой бочок, то пузико. Эта картина настолько умирительна, что я не сразу понимаю смысл сказанных Михаилом слов:

— Ты его еще любишь?

— Кого? — холодок бежит между лопатками. Играю в дурочку, но понимаю кого Михаил имеет в виду.

— Твоего бывшего, — майор отвлекается от созерцания довольного котенка и режет меня холодной сталью своего взгляда.

Что я там про холодок между лопатками говорила?

Это теперь такие мелочи. Потому что от впивающегося в меня его холодного взгляда карих глаз, словно бросают с Титаника в Атлантический океан глубокой ночью.

— Нет, — восклицаю я и замолкаю на миг, осознавая, что говорю чистую правду. То, что я как мантру повторяла каждый день, пытаюсь убедить свое глупое сердце, теперь оказалось правдой. В груди больше не щемит тупая боль, на душе штиль.

Михаил сканирует холодным взглядом карих глаз, и я понимаю, что он удивлен не меньше меня. Глубоко вздыхает и отворачивается к котенку.

— Почему ты не хочешь себя обезопасить? Ему ведь срок дадут.

— Повторяю, — делаю глубокий вдох, чтобы успокоить колотящееся сердце, — у него девушка беременная. Ей нельзя волноваться.

— И что?

— Как что? Ты понимаешь, как это больно — потерять ребенка? — возмущение захлестывает меня, хватаю ртом воздух, стараясь успокоиться, но у меня плохо выходит. — Никому такого не пожелаю, — добавляю тихим шепотом.

Михаил отрывается от своего занятия — чесания пузика моему котенку, и в меня целятся взгляды двух мужчин — недоуменный Пельмяша и глубокий вдумчивый Михаила.

— Миш, почему ты убежала? — меняет тему майор.

— Миш, — присаживаясь рядом на диван, беру его руку в свои. Вожу большим пальцем по тыльной стороне ладони и пытаюсь собраться с мыслями, чтобы объяснить ему. Настал тот серьезный момент, когда придется объясниться. — Нам не стоит больше встречаться.

— Почему? — голос Михаила спокоен, но жилка, бьющаяся на шее выдает его волнение.

— Потому что неправильно это все! — восклицаю я, убирая руки от него и вскакивая с дивана.

— Что неправильно, Маш, — тихий шепот раздается над ухом, когда Михаил оказывается позади и сильными руками опоясывает меня. И от этого тихого "Маш" по позвоночнику мурашки бегут вниз. Так интимно он произносит мое имя.

— Ты папа моей ученицы. Что люди подумают?

— Какие люди, Маш? Твой бывший?

— Да плевать на Вадима!

— Тогда в чем дело?

— Я пока не готова к новым отношениям. Слишком мало времени после развода прошло. Я пока не готова.

— Ясно. Хорошо, — тихий спокойный тон означает капитуляцию в этом споре. Я должна радоваться, тогда почему мне так плохо?

— Миш, спасибо тебе за то, что спас меня, — с сожалением вырываюсь из его объятий.

— Спасибо в карман не положишь, — весело ухмыляется Михаил, однако за маской веселости я вижу, что он огорчен. — За это ты мне должна... — стучит указательным пальцем по своей щеке.

— Ты же не из тех мелочных мужчин... — напоминаю ему переписку.

— Я всё-таки герой, спас тебя, — напоминает майор.

— Ох, ладно. — Кладу руки ему на плечи для устойчивости, ведь для того, чтобы дотянуться до его щеки мне нужно встать на цыпочки. Но когда мои губы приближаются к коже его щеки, Михаил поворачивает голову, хватая меня за затылок и прикасается своими губами к моим. От удивления и шока замираю, и чувствую, что губы у него мягкие. С привкусом мятной жвачки. Дернуться в сторону не позволяет его рука на затылке, которая фиксирует крепко и надежно. Поцелуй, точнее сладкий чмок, длится не более двух секунд, после чего Михаил с довольным видом меня отпускает. Чувствую, как мои щеки загораются ярким румянцем. стыдоба-то какая! Можно подумать, я ни разу не целовалась.

Это даже не поцелуй был. Так легкий чмок. Но почему сердце пытается выпорхнуть из груди испуганной птичкой?

— Я подожду, Маш, — отрываясь от моих губ шепчет Михаил.

— Не нужно, Миш.

— Тебе было хорошо со мной. Когда прекратишь бегать от меня, я буду твоим. Я сделаю тебя счастливой, Маш.

Резко отпускает меня и прижимает свои руки к моим плечам, помогая прийти в устойчивость. Затем отворачивается и размашистым шагом выходит из квартиры, крикнув напоследок:

— Дверь смени. Хлипкая совсем.

И я остаюсь одна. Расстроенная домогательством Вадима, ошеломленная настойчивостью Михаила и обескураженная своим поведением.

30. Машенька

— Ну он и мудака, конечно, — огорченно ворчит Анжелка, разливая вино по бокалам.

После ухода Михаила я позвонила подруге и дрожащим голосом попросила прийти. В голове сумбур, тело дрожит от потрясения. Когда я осталась одна в своей квартире, в тишине, разбавляемой тиканьем настенных часов в кухне, я поняла, что мне страшно.

Вадим перешёл все границы. И что мне теперь делать, я не имею ни малейшего понятия.

Через десять минут после моего звонка Анжелке, мне позвонила Лиза и попросила написать характеристику для соцопеки, на что я пообещала ей все сделать завтра. Сама напишу и принесу в соц опеку после уроков. Пока открывала Анжелке дверь, успокаивала Лизу, заверяла, что ей ничего не грозит. Мои слова дошли до встревоженного сознания девушки, и она пообещала быть лапочкой, сидеть дома и делать уроки. С облегчением выдохнув, я отбила звонок и с минуту удивленно созерцала на по-хозяйски колдующую в моей кухне Анжелку, которая пришла ко мне с большими белыми пакетами, а я увлеченная разговором с Лизой не обратила на это внимания. Теперь мой стол украшают две бутылки вина, бокалы, найденные подругой в кухонном шкафчике, и несколько белых коробочек с любимым лакомством — роллами из японского ресторана. Судя по их количеству, Анжела скупила весь ресторан. Нервно посмеявшись энтузиазму подруги, мы принялись ужинать, тем более на сытый желудок лучше думается.

В целом, с оценкой сложившейся ситуации я согласна, но до сих пор не могу отойти от шока и просто молчу.

— Казался таким лапочкой, — продолжает Анжелка. — Никогда бы не подумала, что он способен на такое. Маш, ты почему родителям не расскажешь?

— У отца большое сердце, не хочу их волновать, — отвечаю потупив взгляд.

— Мань, — сосредоточив свое внимание на мне, Анжелка склоняется над столом, приперев столешницу своей пышной грудью, — это ведь не шутки. А если бы майор не пришел? Что бы было, а?

Каждое слово словно током бьет по оголенным нервным клеткам. Я понимаю, что она права. Ужас ситуации только сейчас начал доходить до меня.

— Мань, тебе защищаться нужно. Это уже не шутки. Одно дело, когда он приходит клянчить квартиру, предупреждать о разделе имущества, когда Виталина занимается тем же, — перечисляет подруга. — Но попытка изнасилования... — откинувшись на спинку стула, Анжелка нервно барабанит пальцами по столу. — Манечка, очнись уже, а! Он уже не просто пугает, а... — всхлипывает подруга и отпивает из бокала.

Умоляющие нотки голоса Анжелы проникают под кожу, я чувствую ее желание помочь, отрезвить, заставить сделать хоть что-то, чтобы защититься. Но я не могу. Не в силах. Любое мое действие может спровоцировать выкидыш у Виталины, а помня, насколько это больно и морально и физически, я не могу подвергать ее ребенка такой опасности. Я не могу так поступить с невинным малышом. Поэтому я связана по рукам и ногам.

Как? Как родной и близкий человек может так поступать? Играть на тонких нитях, где проходить грань между дозволенным и болезненно-важным? Неужели Вадим не понимал, что делает?

Страшно подумать, к чему это могло привести.

Где-то на подкорке сознания скребётся мысль, что Вадим сделал это специально, чтобы надавить на меня. Тонкая психологическая игра. И насиловать он меня не собирался. Скажем так, если выбирать между такой роскошной женщиной, как Виталина и невзрачной мышкой мной, то выбор очевиден, и я его понимаю. Зная о трагедии, произошедшей в моем прошлом, он легко приводит в действие рычаги воздействия на меня.

Противно от мысли, что я всего лишь часть плана Вадима. Я десять лет ложилась с ним в одну кровать, отдавалась с любовью, доверием и надеждой на счастливое будущее. А он проникает своими грязными намерениями в самое сокровенное, чистое, невинное, вытаскивает наружу и пачкает выгодой и насилием.

Боже, где были мои глаза?

Как я раньше не поняла, на что он способен?

Всхлипы и рыдания рвутся наружу. Чувствую как Анжелка горячей ладонью гладит меня по спине, пытаюсь успокоить.

— Мань, ты у юриста была? — отвлекает меня от грустных мыслей подруга.

— Да, — всхлипываю и убираю ладони от лица.

— И?

— Она сказала, что Вадим может претендовать на половину стоимости ремонта, — бросаюсь к умывальнику, включаю холодную воду, набираю ее в ладони и ополаскиваю лицо и протираю шею, стараясь смыть слезы и немного успокоиться, — при условии, что он сохранил чеки.

— А машина?

— Тут есть нюансы, — протираю лицо и шею кухонным полотенцем. — Если куплена в браке, то я могу претендовать на половину. Но! — поворачиваюсь к подруге и поднимаю указательный палец вверх, копируя Борзых Надежду Евгеньевну, — если она взята в кредит, то я должна доказать, что на тот момент, когда Вадим взял этот злосчастный кредит, мы с ним не жили вместе, иначе мне придется оплатить половину кредита.

— И как это узнать?

— Понятия не имею. Сделать запрос в банк я не могу, мы уже разведены, информацию мне никто не даст, — горько вздыхаю я и сажусь обратно на стул. — Остается надеется, что Вадим отстанет от меня.

— А если поговорить с майором? — Анжелка наворачивает роллы.

— О чем? — злюсь я.

— Ну пусть повлияет... На работников банка или в конце концов на твоего бывшего.

— И как это будет выглядеть? “Товарищ майор, — понижаю свой голос до противного писка, — я позволила вам потискать себя в темной комнате какого-то ресторана, а теперь прошу напугать моего бывшего своим грозным видом”.

Подруга падает на столешницу грудью и захлебывается смехом.

— Тем более Михаил сегодня Вадима так отметелил, что помощь теперь бывшему нужна, — добавляю я.

— Молодец мужик! — восклицает Анжела.

— Согласна.

— Когда у вас второе свидание?

— Никогда, — уверенно констатирую я.

— Мань, — доликает мне в бокал вина Анжелка. — Ты бы не горячилась так.

— В чем я погорячилась? — снова злюсь я.

— Я помню, как у тебя глаза светились, когда ты рассказывала о вашем свидании. Ты же так счастлива была, — нараспев тянет подруга.

— Ты не понимаешь, Анжел. Он отец моей ученицы.

— И что?

— А то, что неправильно это все. Что люди подумают?

— Какие люди, Маш? Лично я за то, чтобы ты с ним встречалась. Он мне еще тогда в отделении понравился, — кокетливо прячет глаза подруга.

— Ты что? — охаю я. Противно от мысли, что мой майор может нравится кому-то другому. Тем более моей единственной подруге.

— Да ладно тебе, — тут же ржет она, — майор не в моем вкусе. Мне больше мой лейтенант по душе.

— А педсовет?

— Ой, Маш, — махнув рукой, Анжелка берется за ножку бокала и тут же отпивает вино. — Давай по-честному, педсовету откровенно наплевать на то, чем занимаются учителя нашей школы в свободное от работы время. И твоя угроза Виталине — блеф. И пока она не догадалась, что ей ничего не угрожает, тебе бы обзавестись поддержкой.

— Какой?

— Мужиком, который сможет вступить за тебя перед Виталиной и Вадимом. И лучше всего этого мужика продемонстрировать всем на свадьбе твоего бывшего.

— Анжел, ты глупости говоришь.

— Пойми, — подруга склоняется над столом, — Виталина — акула. И в Вадима твоего она не просто так вцепилась.

— Он не мой.

— Ну и хрен с ним, — соглашается Анжелка. — Но сути дела это не меняет. Они терроризируют тебя, бьют по больному, чтобы “отжать” квартиру.

— К Лизе приходили из соцопеки, — заявляю я унылым тоном.

— Зачем? — давится вином Анжелка и выпучивает глаза в удивлении.

— Виталина накапала. Теперь Лиза под надзором.

— Вот сучка! — вопит подруга.

— Согласна.

— А что делать-то теперь, Мань?

— Ничего, — отмахиваюсь я. — Перед соцопекой отобью. Лиза никаких происшествий не совершала, у Виталины нет аргументов. Дома у них все хорошо, успеваемость девочки в норме. Через два месяца выпускной, а еще через два Лизе восемнадцать исполняется.

— А дальше что?

— Рычагов давления на меня у Виталины не будет.

— Ты же понимаешь, что они не отстанут?

— Скоро конец учебного года, потом Виталина уйдет в декрет. И я свободна как ветер на три года.

— Кстати о декрете... А кто займет должность завуча?

— Понятия не имею.

— А может ... ты? — Анжелка пытливо смотрит на меня.

— А мне это зачем? Я надеюсь в следующем году отмахаться от классного руководства, а нести ответственность за всех учеников школы тем более не хочу. Это ведь не оплачиваемо, это только почетно.

— Ну как знаешь, — пожимает плечами Анжела и мы принимаемся за еду.

— Как у вас с Митей? — интересуюсь я.

— Все хорошо. Только из дежурств не вылезает, — отвечает подруга, жуя ролл. — Твой майор домой не отпускает.

— Он не мой, — тут же возражаю я и краснею, ведь пару минут назад в своих мыслях оговорила именно на это.

— А мог бы быть твоим.

— Зачем?

— Маш, ну хороший же мужик, ну!

— Я не знаю...

— Ты сама определись, чего ты хочешь, — психует подруга.

— Я совсем запуталась, — падаю лицом в раскрытые ладони и стону.

— Мань, ну что тебе в нем не нравится?

— Ну он такой... Большой.

— Интересно, везде? — хохочет Анжела.

— Не знаю. Анжелка! — Кидаю в нее имбирь.

— Что? — С хохотом уворачивается она. — Я просто спросила. Я же теперь не усну, буду думать об этом.

— Ммм.

— Давно пора к нему присмотреться значит.

— Грозный, — продолжаю перечислять я.

— Ну ты же хотела Медведя. Вот... Вселенная приняла твой месседж.

— Я такого не заказывала.

— А появился вот этот.

— И борода у него...

— А чем тебе борода мешает? Тем более у майора аккуратная стильная борода, а не как у Дамблдора, — подруга показывает жестом. — Целоваться же не мешает?

— Нет, — краснею я.

— А ещё при определенных ласках это дополнительный плюс, — снова подкалывает подруга.

— Анжелка! — чувствую, как тело загорается от стыда. Или это что-то другое? Ерзаю по сиденью стула, стремясь унять напряжение.

— А что? — притворно удивляется подруга. — Что естественно, то не безобразно.

— Анжел, — сделав глубокий вдох и немного успокоившись, привлекаю внимание подруги, — я не могу дать ему надежду. Если Виталина узнает, то будет пакостить Лизе. Вадим избит Михаилом, а это грозит майору тюрьмой. Плюс если в соцопеке узнают об этом, то Лизка точно попадет в детский дом.

— Я больше переживаю за детский дом, в который попадет Лиза, — хмыкает подруга.

— Анжел, как ты не понимаешь, я не могу быть с ним.

— То есть, если бы не козни Виталины, то...

— То второму свиданию быть, — киваю я. — Но до того времени, как она в декрет уйдет, Михаил найдет кого-нибудь. Он такой...

— Какой?

— Эффектный мужчина. Добрый. Красивый, — подняв к потолку мечтательный взгляд, перечисляю достоинства Михаила, и понимаю, что...

— Такого упускать нельзя, — соглашается Анжелка, подхватывает на лету мою мысль.

— Только встречи со мной грозят ему неприятностями, — вздыхаю я.

— А он разве не доказал тебе, что может решить проблемы?

— Как? Если Вадим пойдет в полицию заявить об избиении...

— То встретится там с Медведевым, — ржет Анжелка. — И получит по тыковке еще раз.

— Мне не смешно, — сиплю обиженно.

— Тогда найди кого-то другого, — отсмеявшись, Анжелка снова становится серьезной.

— Зачем? — искренне удивляюсь я. За последние дни я так сильно устала, что мысль о новом поиске приводит меня в ужас. Переписываться, найти время и место встретиться, наводить марафет, создавать настроение, ведь унылой воблой на свидании меня никто не потерпит. У нас "встречают по одежке", то есть по сногшибательному внешнему виду и сияющей улыбке. А у меня на это совершенно нет сил. Ни моральных, ни физических. — Да ну это все. Я кажется ещё не готова для серьезных отношений.

— А никто не говорит тебе сразу замуж выходить, — протестует подруга.

— И для несерьезных тоже... — делаю акцент на предпоследнем слове, выпучиваю глаза и ловлю взгляд Анжелки.

Я не могу с разбега прыгнуть в койку с первым встречным.

Нет, я не осуждаю Анжелку за ее отношения с лейтенантом Митей, каждый выбирает по себе, как говорится. Но для столь близкого контакта мне нужно несколько свиданий, романтический настрой и уверенность в стабильном будущем.

А с Михаилом этого нет.

"Потому что ты бегаешь от него, как от огня" — шепчет мне внутренний голос и я отмахиваюсь от него, как от назойливой мухи.

— Маш, — тон Анжелки вмиг становится серьезным, — ты на жопе смиренно долго думаешь сидеть? Тебе уже тридцатник. Часики-то тикают, — стучит указательным пальцем по тонким наручным часам золотистого цвета на своем запястье. — На Вадима ты десять лет потратила, а он тебя выкинул, как ненужную вещь и побежал заделывать бейбика Виталине.

На этих словах я всхлипываю.

— Хватит жалеть себя, — накрывает подруга своей рукой мою в знак утешения и поддержки. — Ну не подходит тебе майор, найди другого. Можно НЕмайора.

Тут у нас тандемом прорывается смешок. В у меня нервный, у Анжелки — веселый.

— А где же я его найду?

— Как где? Можно снова попробовать на сайте знакомств.

— Ой не. Мне прошлого раза хватило.

— А ты не руби с плеча. Подумай хорошенько. В клубы ты не ходишь, в библиотеке нормальных мужиков нет, одни старперы. Вариант "вдруг с неба упадет" мы рассмотрим, если совсем-совсем других не будет.

— Ладно, — устало соглашаюсь я.

Сейчас я согласна на все, лишь бы от меня отстали...

После ухода Анжелки Я долго вожусь в кухне, убирая со стола и наводя порядок.

Понимание ситуации, в которую я попала открывает глаза. Это болезненно.

Анжелка права. Мне нужен защитник. Сильный и смелый. Уверенный в своих силах. За которым бы я была как за каменной стеной. Медведь, как выражается Анжелка. Воображение тут же рисует ласковую улыбку майора Медведева, хитрый прищур карих глаз.

У него такие сильные руки... И так жадно сминали мою кожу, что я гореть начинала от желаний.

Но он не подходит для громоотвода от Виталины и моего бывшего, с огорчением признаю я.

Опека над Лизой держится на волоске, и если Вадим подаст иск против Михаила, то майор потеряет дочь, а я этого себе никогда не прощу.

Мать твою! Хочется выть от бессилия.

Во что я втянула невинную девушку и ее отца?

Скулы немеют от напряжения. Не знаю, сколько я просидела на табуретке, прижавшись спиной к стене и вперившись взглядом в стену.

“Людей испортил квартирный вопрос”, писал Булгаков, и к сожалению он прав.

На что ещё способен бывший муж, чтобы я переписала на него квартиру?

Я должна что-то предпринять.

Страшно так, Господи!

31. Машенька

— Мария Ивановна, вас Виталина Андреевна вызывает к себе в кабинет, — встревоженным тоном встречают меня коллеги на рабочем месте в учительской.

Ловлю такой же немного испуганный, наполненный тревогой взгляд Анжелки и направляюсь к нашему столу.

— Она с утра совсем не в духе, — шепчет мне подруга, пока я выкладываю конспекты из сумки на стол. — Влетела в учительскую злая, как собака, тебя не увидела, хотела уволить, но я сказала, что у тебя нет двух первых уроков.

— Спасибо, Анжел, — стараюсь скрыть предательскую дрожь в голосе. — Что она ещё говорила?

— Сказала, чтоб, когда ты явишься, зашла к ней. Машк, хочешь я с тобой пойду?

— Не нужно, я сама.

— Видимо бесится из-за вчерашнего, — подмечает Анжела. — Драгоценного жениха обидели, как он теперь будет выглядеть на свадебных фотографиях? — прыскает в ладошку подруга.

— Он сам виноват, — возмущаюсь я. — Михаил меня защищал.

— Ох, Мань, не завидую я тебе, — вздыхает Анжела. — Кстати где ты была?

— В соцопеке. Принесла им характеристику Лизы.

— И как? — любопытствует подруга, но ответить мне не даёт громкий голос Виталины, вышедшей из своего кабинета:

— Воронцова! Зайдите ко мне! — истерика звенит в ее голосе, лаская мое раненое самолюбие. С удовлетворением замечаю, что внешний вид завуча немного изменился. Синяки под глазами, не уложенная в прическу копна длинных окрашенных в блонд волос унылой гулькой скручена на затылке. Только губы подведены, как обычно, алой помадой, да неизменное декольте являет миру аппетитную грудь.

Поэтому, видя ее неуравновешенное состояние решаю добавить перцу:

— Я Смирнова, — выдвигаю вперед подбородок, выпрямляю плечи и неспешной походкой от бедра, направляюсь в кабинет Виталины, огибая ее и, не оборачиваясь, усаживаюсь на стул, стоящий возле ее стола. Через секунду слышу звук захлопнувшейся двери и передо мной на свое место садится разъяренная Виталина.

— Воронцова, ты совсем охренела?

— Повторяю, моя фамилия Смирнова, а Воронцовой скоро станете вы. Неужели вы хотите, чтобы мы были однофамильцами?

Губы Виталины смыкаются, в ее глазах выстраивается точный маршрут, по которому она мысленно меня посылает, но не озвучивает. Любой сапожник постеснялся бы выражений, написанных на разъяренном лице завуча.

С минуту мы сверлим друг друга взглядами, она — бешеным, я же — спокойно-удовлетворенным, хотя ее ярость передается мне, отчего тело дрожит от страха и ожидания тотального конца света.

Я вижу, как разглаживается кожа на лбу Виталины, грудь больше не вздымается от частых вдохов, в глубине глаз завуча появляется спокойствие. Уголки рта чуть приподнимаются в легкой ухмылке, и Виталина пододвигает ко мне красную папку с документами.

— Почитай, — загадочным тоном чуть ли не поет она.

— Что это? — киваю в сторону папки, не желая прикасаться к ней. Мне кажется, я себя в грязи изваляю, когда прочитаю информацию, находящуюся там.

— А ты открой, — нараспев произносит Виталина. — Тебе будет интересно.

Она откидывается на сиденье компьютерного кресла, а я, преодолев свою брезгливость, решаюсь взять папку в руки. И тут же ахаю, открыв ее и увидев на фотографии лицо моего бывшего после вчерашней драки.

— Нравится? — подстрекает Виталина, пока я листаю фотографии и с блаженством, смешанным со страхом наслаждаюсь синей физиономией своего бывшего мужа.

— Что с ним случилось? — невозмутимым тоном спрашиваю я, закрывая папку и бросая ее на стол.

— Твой хахаль избил моего будущего мужа! — кричит Виталина, вставая с кресла. — Как нам свадьбу отмечать, если он в больнице и неизвестно, когда выйдет оттуда? Ресторан заказан, внесен залог! Как он в ЗАГСЕ появится с таким лицом? Ты мне за это заплатишь! — каждое слово Виталины отдается легкой дрожью в моем теле. Представляю удивленные лица коллег, сидящих за дверью кабинета и ловящих каждое слово Виталины.

Откидываюсь на сиденье удобного стула, кладу ногу на ногу и смотрю в глаза Виталины.

— Не понимаю о чем вы говорите, Виталина Андреевна, — голос мой холоден, как сталь.

— Прочитай дальше, — Виталина берет папку со стола и протягивает мне. — Читай, читай.

Я беру в руки красную папку и открываю ее, не глядя пролистываю фотографии бывшего мужа и, когда дохожу до страниц документов, снова тихо ахаю.

— Нотариально засвидетельствованные показания твоей соседки и копия заявления об избиении, — озвучивает Виталина написанное на белой альбомной бумаге.

"Был избит майором полиции Михаилом Медведевым"...

"Бывшая жена Смирнова Мария Ивановна преследовала, угрожала жизни и здоровью"...

"Вступили в преступный сговор с целью"...

Дочитать я не смогла, захлопнула папку, бросила на стол и склонилась, прижав похолодевшие руки к горящим щекам.

— И ещё... — продолжает Виталина довольным тоном, — учитывая тот факт, что Лиза Медведева теперь находится под наблюдением соцопеки, то твой хахаль может легко лишиться родительских прав на единственную дочь.

Последние слова бьются набатом, когда я медленно поднимаюсь со стула, испепеляя Виталину разъяренным взглядом, которая, ничуть не смутившись, продолжает:

— Я знаю, как тебе дорога эта девочка. А учитывая твои отношения с ее отцом, то...

— Ты что творишь? — не выдерживаю я. Сквозь шум в ушах пробивается мой тихий голос, пропитанный ядом. — Ты хочешь подставить ни в чем не виноватых людей!

— Он избил моего жениха!

— Твой жених пытался меня изнасиловать! Миша защитил меня! — мой крик кажется слышен за пределами школы.

— Да ты посмотри на себя, замарашка! Серая мышь! — задыхается от ярости Виталина. — Ты ему жизнь испортила! Ребенка не смогла выносить! — каждое слово для меня как пощёчина. Чувствую, как немеют скулы, в глазах скапливается предательская

влага. — Он же презирает тебя! Столько лет ныл, какая ты никчемная! Я умоляла его развестись, а он жалел тебя!

Сердце замирает в груди.

— Лет?.. — прочистила горло от комка слез и мертвым голосом задаю вопрос, изучавший меня все эти месяцы: Сколько времени длился адюльтер моего мужа?

Видя потрясение в моих глазах, Виталина злобно смеётся, как ведьма в мультике:

— Четыре года, Маша! Четыре года я спала с твоим мужем, а ты влюбленная дура ничего не замечала.

Завуч наслаждается своей победой, довольным блеском глаз впитывает мой жалкий потрясенный вид.

— Вы все подстроили... — осипшим голосом шепчу в пространство, обессиленно падая на стул.

— Это Госпожа Удача на моей стороне. Я знала, что ты такая сердобольная защитишь убогую сиротку. Но то, что ты влюбилась в ее вспыльчивого отца... — причмокивает языком Виталина. — Короче, — придвигает ко мне злосчастную папку с фотографиями и документами, — если ты не подпишешь дарственную на мое имя, то твой драгоценный Медведев пойдет по этапу, а его девчонка в приют.

— Да не встречаюсь я с Медведевым! — кричу я, — он мне никто!

— Я тебе не верю, — продолжает Виталина. — Через два месяца наша с Вадимом свадьба. К тому моменту я хочу переехать в твою квартиру. И кстати, речи об обмене жильем уже не идёт. Ищи квартиру, выселяйся и увольняйся отсюда к чертовой матери.

— А если нет?

— Тогда Вадим отнесет оригиналы этих документов в прокуратуру.

***

— Ну ты и попала, мать, — ошеломленно шепчет Анжела, когда после уроков мы сидим на лавочке в парке. Я рассказала ей все. Не могу держать это в себе. Что делать дальше не представляю.

— Ты понимаешь, — сквозь всхлипы продолжаю я, — Михаил ведь не бил Вадима по лицу, а на фотографиях... Ыыы...

— Все, Маш, успокойся, — подруга обнимает меня за плечи, — прорвёмся. Подставили вас конкретно, конечно. Но мне кажется, что Вадим не даст этому делу ход.

— П-почему?

— Твой Вадим хлюпик. Слабак. Тюфяк и тряпка. Представляю, как у него поджилки тряслись, когда он этот план осуществлял. И наглости же хватило! — возмущается подруга.

— Анжел, — тихо осаждаю ее.

— Так вот. Я думаю они просто поугагать тебя решили. Ну сделали они эти фоточки, написали писульки. Представь, что Вадим приходит в полицию относить эти бумажки, — ржет она, а мне не до смеха. Совсем. — Михаил твоего бывшего в порошок сотрёт голыми руками.

В ее словах есть логика.

— Что же мне делать?

— Не дёргаться, — суровым тоном отвечает Анжелка. — Я попрошу своего лейтенанта помочь.

— Как? — стону я.

— Как попрошу или как помочь? — улыбается подруга.

— Анжел! Я и так знаю, как ты его просить будешь.

— Ха-ха, — смеётся она и тут же становится серьезной: — Попрошу собрать информацию на Вадима и Виталину. У Мити есть парочка знакомых детективов...

— Кого? — удивляюсь я.

— Ну тех, кто следит по заказу за людьми, собирают компромат и прочие гадости.

— Я знаю, кто такие детективы и чем они занимаются! — во мне снова просыпается занудная учительница. — Чем мне это поможет?

— Тем, что у тебя будет компромат на Виталину и Вадима и ты сможешь парировать на их угрозы.

— До этого ещё дожить надо.

— У тебя есть время. Свадьба через два месяца.

— До этого времени я должна подписать дарственную, — отвечаю куда-то в пространство, смотря вдаль расфокусированным взглядом. Как же я устала!

— Не торопись. Соберём компромат, и не придется ничего подписывать.

— И она получит квартиру до свадьбы. И при разводе не будет делить ее с мужем, — продолжаю я, глядя вперёд.

— Вот продуманная дамочка, — восхищенно шепчет Анжела. — Мань, я замёрзла, — тут же ворчит она. — Пойдем в кафе отогреться.

Не отвечая, поднимаюсь с лавочки, цепляю сумку на плечо и направляюсь к выходу из парка.

— Мань, — догоняет меня подруга.

— Ммм?

— А если бы Вадим не побоялся отнести свое заявление в полицию, ты бы подписала дарственную? — любопытствует Анжела.

— Я не знаю.

32. Михаил

Неделю спустя.

Дом снова встречает меня вкусным запахом еды и заливистым смехом двух самых замечательных женщин на свете: любимой дочери и ее милой учительницы, которые сидя на ковре в гостиной о чем-то весело щебечут. Самая красивая картина на свете. Уже неделю я прихожу домой и застаю девчонок занятых чем-то по дому. Будь то уроки, приготовление ужина, или просто игра. Вчера играли в карты. Когда я шепнул Марии на ушко предложение сыграть наедине на раздевание, она смутилась, заправила выбившуюся из строгой прически прядь волос, и прошептала тихое с укором: “Михаил”. С огромным трудом подавил в себе желание повалить ее на диван, растрепать шикарные длинные волосы, забраться руками под кофейного цвета свитер и заставить стонать от моих ласк и поцелуев. Но я обещал ждать и не трогать. Пусть подумает. А пока... Мне достаются пытливые взгляды, лукавые улыбки, бросаемые в мою сторону, когда Лизка не видит и тихий счастливый смех моей училки.

Несколько секунд люблюсь ими, пока Лизка не замечает меня.

— О, папа пришел, — приветливо бросается в мои объятия дочь, когда я вхожу в гостиную. Краем глаза кошусь на Марию. Она, вежливо кивнув в знак приветствия, опускает голову и смущенно смотрит в пол, думая, что я не вижу, как краснеют ее милые щечки-яблочки.

На персикового цвета ковре расстилается картонное полотно, пестрящее яркими цветами, рядом разбросаны фишки и небольшие карточки с надписями.

— Монополия? — приподнимаю бровь и кошусь взглядом на Марию. Она, мазнув по мне взглядом, кивает и снова смотрит в пол, собирая карточки и тасуя их.

— Ты как раз вовремя, пап. Мы закончили первую партию, прикинь, я выиграла, — лопочет дочь, убегая в кухню.

— Молодец, — негромко хвалю Лизку, сожалея, что она не слышит. На кухне шерудит чем-то, гремит, включает микроволновку.

Присаживаясь на ковер вплотную к учительнице так, чтобы наши бедра соприкасались. Она замирает на мгновение, видимо, желая отстраниться, но продолжает собирать игрушечные деньги и раскладывать их в ячейки.

— Как дела, Маш? — давлю взглядом, но она не реагирует. Вдыхаю лёгкий цветочный запах желанной женщины, и борюсь с желанием целовать ее долго, страстно, с упоением. Я знаю, что ей понравится. Я вижу, как остро она реагирует на мое присутствие. Но ведёт себя, как ледяная скульптура, отделяваясь тихим:

— Все хорошо, Михаил.

— Из опеки не приходили?

— Нет. — Вскидывает голову, сканируя меня внимательным взглядом. — Я на прошлой неделе отнесла им характеристику Лизы, пообещала, что вызовов больше не будет. — Голос тонкий, тихий, еле слышен.

— Хорошо.

Слышу, как в кухне пищит микроволновка, и через полминуты рядом появляется Лиза с подносом, на котором выставлены тарелки и кружка с крепким черным чаем.

Рецепторы носа реагируют на аппетитные запахи, доносящиеся с подноса. Сглатываю подступившую слюну и сопровождаю голодным взглядом каждое движение Лизки, которая

поставив поднос рядом со мной на ковер, садится напротив нас с Марией.

— Пап, ты же с нами? — кивает на цветную картонку. — Мы как раз следующую партию начинаем.

— Ага, — беру ложку в руку.

— Это равиолли с тунцом, — тихо произносит Мария. — И овощной салат.

— МарьВанна сама готовила, прикинь, здорово, пап, — тараторит Лизка.

— Здорово, — набираю еду в ложку и отправляю в рот. — Блин, как вкусно! Мария, вы волшебница! — восклицаю, набрасываясь на еду.

— На здоровье, — смущённо отвечает Мария, крутя в руках три цветных фишки.

— Тебе какую пап?

— Синюю.

Разобрав фишки мы начинаем игру.

Мне нравятся наши уютные посиделки. Так приятно, когда о тебе заботятся. Ужин вон приготовили. Не в первый раз уже. Не хочется оставлять их и перемещаться за кухонный стол, поэтому посылаю Лизке благодарный взгляд за то, что принесла поднос голодному папке, и, довольнo ужиная, вхожу в участие в игре.

— Лизок, а ты уроки сделала? — стреляю в дочь взглядом, выбрасывая на картон игорный кубик.

— Да, там легко. Мы с Марьванной потихоньку готовимся к ЕГЭ. Она мне помогает. Ой, пап, а ты встал на моем заводе. Гони бабки, — выставляет вперед ладонь.

— Что за лексикон, Лизавета? — ворчу, вкладывая в раскрытую ладонь игрушечные деньги.

— Чем богаты, — пожимает дочь плечами.

— Лиза готова у экзаменам, только повторяет билеты, чтобы быть уверенной в своих силах, — объясняет Мария, кидая кубик на полотно.

— Ты на моей территории, крошка. Гони бабки — выставляю протянутую ладонь Марии и, словив ее возмущенный взгляд, посылаю воздушный поцелуй. Мария открывает рот, чтобы возмутиться, но косится на Лизку, внимательно следящую за нашими переглядками, и тут же захлопывает его. Покорно отсчитывает нужную сумму и с тихим вздохом кладет передо мной на ковер.

Так проходит около часа. Мы кидаем кубик, делаем ходы, платим налоги. Я смущаю Марию своими взглядами и подколками. Лизка вторит мне, и мы счастливо смеемся. Пока игра не подходит к концу. Разорив Лизку, мы с Марией, схлестнувшись взглядами, кидаем кубик и пытаемся выиграть друг у друга. Дочь, отделавшись невнятным объяснением исчезает в своей комнате. Теперь можно не стесняться.

— Ты мне должен... — Мария сверяется с записями в блокноте, лежащим рядом, — три тысячи.

— У меня закончилась наличка, — проверяю бумажки, называемые игровой валютой. — Натурой возьмёшь? — поднимаю голову и встречаюсь с офигевшим взглядом примерной училки.

— Что?

— Я говорю давай продам тебе банк.

— А! — тут же смущается Маша. — Хорошо.

— Рэкет чистой воды, — притворно ворчу я, тасуя карточки в поисках нужной.

— Ты сам предложил. — пожимает она плечами и лукаво так стреляет глазками. — Все

по честному.

— Это всего лишь бизнес, детка. Давай пари, — предлагаю я.

— Я тебя слушаю.

— Если я выиграю, с тебя поцелуй.

— А если выиграю я? — задает вопрос училка, кокетливо склонив голову набок и прикусив нижнюю губку.

Слюной захлебываюсь от этого зрелища и выдаю:

— Проси что хочешь, — блефую конечно. Я в долгах, как в шелках и она прекрасно об этом знает.

— Я хочу, чтобы ты соблюдал дистанцию, — вмиг становится серьезной Мария.

— Я и так ее соблюдаю! — возмущаюсь я.

— Хватит томных взглядов и воздушных поцелуев! — отбрасывая игрушечные деньги и карточки, Мария поднимается на ноги, обтрушивая руками колени от невидимого мусора. Дома у меня идеальный порядок.

— Я обещал ждать и жду, не пристаю с поцелуями, не трогаю тебя! — возмущаюсь я. Сил уже нет терпеть этот целибат. Вскакиваю на ноги, упираю руки в бока. — Но и не разговаривать с тобой не могу.

— А подкалывать меня обязательно? — вопит Мария шепотом, чтоб Лизка не услышала.

— Это общение, Маш. Слышала о таком? — с каждым шагом подкрадываюсь ближе, пока не отказываюсь вплотную прижатым к ней. Мария тихо охает и выставляет руки вперед в попытке меня остановить. Но тщетно.

Кладу руку на ее поясницу и резко вдавливаю в себя.

Другой рукой держу затылок, чтоб не дергалась и с наслаждением впиваюсь в эти мягкие сладкие губы. Резко сминая поцелуем, не слушая протесты, рвущиеся из ее горла. Она колотит меня по плечам изо всей силы, но это лишь распалает.

Кровь бурлит в жилах, в джинсах становится тесно. Задыхаюсь от нахлынувших чувств.

Я дурею от ее сладкого запаха. Какая она... Милая, нежная, невинная. Понятно, что уже давно не девственница, раз замужем была, но во взгляде ее ошарашенном... Мелькает что-то. Это ее хлопанье ресницами. Наивная.

Маша, смирившись и расслабившись, наконец податливо раскрывает пухлые губки. Высовывает свой язычок и глухо стонет, когда я с силой всасываю его в свой рот. Этот ее стон срывает последние бастионы терпения.

Как сладко. Твою мать, как сладко! Нахрена я согласился ждать и не трогать ее?! Это просто нереально. Дурак, да?

Дурак.

Но теперь все. Моя Машулька. Никуда не отпущу.

Уложу в койку и покажу ей небо в алмазах. И потом наручниками прикую, чтоб точно не сбежала. Или в процессе...

Грудь наполняется приятным томлением, пульс внутри стучит болезненным искушением. Я же так остановиться не смогу! Машулька, что ты со мной делаешь! Превращаешь в зверя дикого, голодного.

— Пап, вы уже доиграли? — нарушает нашу идиллию крик Лизки из комнаты.

Тяжело дыша наконец оставляю губы училки в покое и с сожалением отстраняюсь.

Мария, тут же отпрянув, прижимает руку к алым чуть припухшим губам.

По щекам ее снова расползается яркий румянец.

— Па-ап, — Лизка появляется в гостиной, окидывает взглядом раскиданные фишки и игровые деньги. — Кто выиграл?

— Ми-Михаил, — чуть заикающимся тоном врет Мария.

— Круто. Давайте следующую партию, — дочь переводит взгляд с пола на меня, потом на Марию, затем снова на меня.

— На самом деле мне уже пора уходить, — подаёт голос Мария и чуть пошатываясь направляется в сторону коридора. — Меня ждут, — добавляет она, не представляя какую реакцию это выдаст.

— Ооо, у кого-то свидание, — тянет Лиза.

Мария опешив тут же тушует, вжимает голову в плечи, нервно смотрит по сторонам, и тянется рукой к своей сумке, лежащей на комод.

А я ловлю себя на мысли, что раздражаюсь. Что? Какого хрена? Какое к черту свидание? С кем это у нее свидание?

— Кое-кому тоже не помешало бы... — отведя взгляд и склонив голову набок тянет нараспев моя дочь, имея ввиду конечно же меня. И этот ее тон раздражает ещё сильнее.

— Я подвезу, — бросаю Марии, направляюсь к выходу, по пути подхватив ключи с тумбочки в коридоре.

— Не нужно, Михаил. Спасибо. Я сама доберусь. Тут недалеко, — лопочет Мария, пряча виноватый взгляд, ищет глазами свою обувь, и найдя свои сапоги обувается.

А у меня в груди все кипит от раздражения и гнева. Меня, значит, отшила, и бежит на свидание с другим. Хрен тебе, Мария Ивановна, а не другой мужик. Моя ты.

Только для начала нужно выяснить какого черта ты собралась встречаться с другим мужчиной, когда есть я.

Мария, быстро надев свою куртку, выбегает за дверь и быстрым шагом семенит к лифту, надеясь убежать от меня. Не даю ей ни малейшего шанса на побег, становлюсь рядом в ожидании движущейся сверху кабины.

— Миш, правда, не надо.

— Я сказал подвезу, значит подвезу, — рычу сквозь зубы, стараясь выровнять дыхание. Терпение, Миша. Только терпение. Иначе расхерачу тут все к чертям.

33. Михаил

— Куда тебя везти? — Нарушаю тишину в салоне машины, пока вставляю ключ в замок зажигания.

— Домой, — тихо отвечает Мария.

От ее невозмутимого спокойствия я готов взорваться. Ведет себя как ни в чем не бывало. Машина, недовольно уркнув, заводится, и мы выезжаем с парковки.

— Ты из дома на свидание отправишься? Не поздновато? Кто там маньяков недавно боялся? Страх прошел?

Сыплю вопросами и киплю от возмущения, но Мария лишь тихо отворачивается к окну и разглядывает мелькающий пейзаж ночного города, полностью игнорируя мой выпад. Со стороны кажется, что она спокойна как удав, но слишком быстро бьющаяся жилка на шее выдает ее волнение.

— Где будет свидание? А самое главное: с кем? — не унимаюсь я.

— Миш... — Мария соизволила повернуть голову в мою сторону.

— Что Миш? Ммм? Ты со мной целуешься, а потом бежишь на свидание с другим мужчиной! Это как называется?

— Это ТЫ меня целовал! — А вот и ее эмоции наконец показались.

— А ты отвечала! — с не меньшим запалом возражаю я.

— Чтоб ты отвязался.

— Ах вот как! Значит, я тебя совсем-совсем не привлекаю?

Она снова отворачивается и смотрит в окно.

— Мащ, ответь мне, и я отвязусь.

— Мы слишком разные Миш, — после двухсекундной паузы отвечает она. Чувствую напряжённость в ее голосе.

— Ты отец моей ученицы.

— Несусветная глупость! — луплю ладонями по рулю и попадаю по кнопке гудка. Мы подсакиваем от внезапно раздавшегося громкого звука. — И что?

— Это неэтично!

— Тебе не плевать, что скажут люди?

— Нет, Миша, мне не плевать, — все так же безразлично отвечает Маша, рассматривая мелькающие в окне улицы города, освещенные уличными фонарями. Специально еду медленно, чтоб мы успели поговорить. Живёт она недалеко от моего дома. Предугадываю ее поведение, когда мы приедем — выскочит из машины, как ошпареная. Ищи свищи потом, товарищ майор.

— Тараканчики в твоей голове проголосовали против моей кандидатуры? — даю выход злости. — И как же мне с ними договориться, если ты мне не даёшь ни единого шанса?

— У тебя был шанс, — шепчет она под нос обиженно. Но я все слышу. — Ты меня обманул.

Делаю глубокий вдох, стараясь успокоиться, хотя кровь бурлит по венам разгоряченной лавой.

— Я извинился и поклялся больше так не поступать. Когда ты выйдешь за рамки своего страха и комплексов? — Завидев фасад ее дома, останавливаю машину возле подъезда.

— Я не знаю, — отвечает Мария и кладет руку на ручку двери. Но я не позволяю ей

выйти, просто блокирую машину. Она поворачивается ко мне. На лице написана паника смешанная с испугом, рот приоткрыт в возмущении.

— Если это твой последний аргумент, то ты проиграла, — не отрывая левой руки от руля, тянусь к ней за поцелуем. Но она, отпрянув от меня, вжимается спиной в кожаную обивку сиденья.

— Машуль, с какой целью ты регистрировалась на сайте знакомств? — видя ее испуг, стараюсь говорить без нажима в голосе.

— Найти спутника жизни, — Мария выпрямляет спину и нервно теребит ремешок черной кожаной сумочки, лежащей на коленях. Эти ее коленки, скрытые тканью светло-голубых джинсов, вызывают приступ повышенного слюноотделения. Я-то помню, какая она нежная и трепетная под всей этой тканью. Как она дрожала, когда я проводил ладонью по ее стройным ножкам, облаченным в капроновые чулки. Мне нравится ее стиль. Лёгкая почти домашняя одежда не нагроможденная дополнительной тканью. Маша легка в общении, когда расслабляется и не закрывается на семь замков так, что и тараном не пробьешься. Знать бы, по каким критериям ее тараканчики выбирают кандидатов в спутники жизни. Вид ее спокойной, такой красивой немного успокаивает.

— Ты семью хочешь создать или любовь найти? — задаю вопрос и поражаюсь хрипотце, скользящей в интонации голоса.

— И то и другое, — Маша отвечает удрученно, как преступник на допросе, понимающий, что попался и отпираться бесполезно. Чувствую слабинку в ее брони и усиливаю напор:

— Я готов с тобой семью создать. Поехали в ЗАГС, — говорю тем же спокойным тоном.

Мария вскидывает голову и с удивлением смотрит на меня.

— Сейчас ЗАГС закрыт, уже поздно!

— Тогда завтра, — моему упорству не позавидуешь. Не такие бастионы брали.

— Но я не люблю тебя! — восклицает без агрессии, ее удрученность от абсурдности ситуации улетучивается, словно лист с дерева от холодного осеннего ветра.

— Полюбишь, — невозмутимо пожимаю плечами. — Поехали обратно. Буду доказывать тебе свою любовь, — кладу ладонь на ее бедро, усиливая напор и двигаясь корпусом тела к ней ближе.

— Нет, это так не делается, — упрямая училка скидывает мою руку, хотя я чувствую дрожь ее тела.

— А как это делается?

— Я не знаю, — вздыхает взволнованно. — Миш, выпусти меня, пожалуйста.

— Ухажер ждет? — не скрываю сарказма, разочарованно ухмыляюсь.

— А если и так, то что? — снова вскидывает подбородок, смотрит с вызовом во взгляде. — Непустишь меня, папочка? — провоцирует зараза.

— А если и так, то что? — парирую в ответ, сощуриваю глаза, давлю взглядом. — Я тебе не папочка, — убираю руку с руля и нежно провожу тыльной стороной указательного пальца по бархатистой коже ее щеки. Приближаю свое лицо к ее и тону в сладком цветочном аромате ее духов. — Далекое не папочка...

Она громко сглатывает. По расширившимся зрачкам вижу, что она помнит вкус наших поцелуев. Вспоминает последний, произошедший полчаса назад. Если бы не Лизка, находящаяся дома... Знаю, что она понимает, чем бы все закончилось.

Тонкий нежный запах этой женщины действует как афродизиак. Срывает тормоза, разгоняет кровь по венам, горячей навязчивостью бьётся в сердце.

Чувствую напряжение в паху, ласкаю взглядом ее красивое лицо. В салоне нависает напряжение, словно электрические разряды мечутся между нами. И сейчас бы поцеловать ее, но я хочу, чтобы она сама. Доказала, что я не ошибаюсь. Она хочет меня, я знаю. Я нравлюсь ей. Нам так хорошо вместе, так почему же она противится влечению ко мне?

Секунды тают, убегают, растворяются во времени.

Мы все ещё выжидательно смотрим друг другу в глаза, не смея прервать ту хрупкую связь, возникшую между нами. Наслаждаюсь этой связью, не решаясь прервать волшебность момента.

— Миш, пожалуйста, — умоляющим тоном шепчет Маша. Глаза ее наполняются влагой, взгляд расфокусируется. Нижняя губка дрожит.

Это не страх, это что-то другое. Но что?

— Что, Маш? Что — задаю вопрос, мучающий меня. Шепотом, потому что в горле сводит от напряжения.

— Не надо, Миш, — как приговор звучит тихий стон. — Я не могу быть с тобой, — почти рыдает эта хрупкая девушка.

Внутри меня словно лопается сжатая пружина. Отстраняюсь, откидываясь в кресле. Закурить бы сейчас, но я никогда не курил и не собираюсь начинать.

— Почему? — мой голос звучит спокойно, будто обреченно.

— Потому что я боюсь тебя, — выстреливает ответ, обрубая надежду и мечты о светлом будущем с единственной понравившейся мне девушкой. Единственной за долгие годы.

Молча нажимаю на кнопку разблокировки дверей, позволяя Марии выйти из салона.

Она с виноватым видом сопровождает глазами мое движение, берет сумку за ручки и открывает дверь, впуская прохладный весенний воздух в салон автомобиля.

— Прости, Миш, — звучит ее последняя фраза, прежде чем она покидает меня, не громко хлопая дверью.

***

С полчаса сканирую свет окон ее квартиры, сидя в пропахшем ею салоне своего автомобиля. Сам не знаю, зачем торчу здесь под ее окнами. Она ясно дала понять, что надежды нет. И что мне делать дальше не ясно. Полчаса назад я верил в то, что я нравлюсь ей, что она хочет меня, а теперь...

А что теперь?

Да хрен его знает.

Не люблю употреблять нецензурных слов, но в последние дни не могу сдержаться. И причина тому — недавно ушедшая от меня скромная и такая сладкая тихоня Мария.

Неужели и правда поедет на свое свидание? Опустошение в груди сменяется горячим взрывоопасным комом, который застрял где-то в районе желудка, распространяя пожар по венам всего тела. Даже кончики пальцев подрагивают от напряжения.

У подъездной дорожке тормозит жёлтого цвета машина с пашечками на крыше авто. Такси. К ней или нет?

Свет в ее окнах гаснет, а я впиваюсь взглядом в дверь подъезда.

Маша, ложись спать, не искушай судьбу.

Если она сейчас выйдет оттуда, то все.

Напьюсь нахрен до бессознательного состояния. Только это сможет меня остановить от

желания крушить все вокруг.

Куда девать ярость, порожденную своим бессилием что-то изменить?

Подъездная дверь хлопает, в тени дома мелькает женский силуэт в светлом пальто, таким же, как в тот вечер, когда я впервые подвозил Машу домой.

Маньяков она боится, и едет на свидание среди ночи неизвестно с кем.

То, что она не разбирается в людях я понял, когда метелил это стонущее недоразумение, с которым в браке Маша была целых десять лет. Видел ошеломление на ее лице, когда я откинул ее бывшего от полубессознательной напуганной девушки.

Маньяков она боится, ага.

Меня она боится.

Не верю!

Сжимаю оплётку руля до побелевших костяшек пальцев. Раны на руках, заботливо обработанных Машей почти прошли. На коже остались лишь розовые следы.

Как нежно она прикладывала ватный диск, заботливо дула на раны, чтоб уменьшить боль от прикосновений грубой поверхности ватного диска, пропитанного спиртом. Не может она быть равнодушна ко мне! Не может!

Завожу машину, припаркованную чуть поодаль от ее подъезда и выезжаю со двора, следуя вслед за желтой машиной такси.

Боится она меня! Чушь собачья!

Побежала на свидание с неизвестным хахалем, который может оказаться потенциальным маньяком, так, словно от этого ее жизнь зависит. Плевать на мои чувства! Стерва!

И что я буду делать, когда увижу их? Хоть посмотрю, на кого она меня променяла. Потешу свое самолюбие. Или закопаю его ещё глубже и поеду в ближайший бар для того, чтобы напиться.

Мой ход мыслей прерывает звонок мобильного телефона. Не глядя на экран принимаю звонок и слышу взволнованный голос дочери в трубке.

— Пап, ты Марьванну подвёз?

— Да, Лиз. Я сегодня буду поздно, в отделение вызвали.

— Ммм, ясно, — представляю, как недовольно поджимает губы дочь.

— Ложись спать, Лизок. И ещё... Дай мне номер твоей Марьванны. Она документы в машине забыла, надо бы вернуть...

Пока под диктовку дочери вбиваю в записную книжку мобильного телефона номер Марии, даю себе мысленный подзатыльник то, что не сделал этого раньше. Ведь ее номер остался написанным в протоколе дела о клофелиншице. Мог бы и раньше это сделать.

— Пап, она ведь без документов была, — замечает дочь. Ох ты ж наблюдательная моя!

— Ложись спать, Лиз, — прерываю разговор, избегая отвечать на ее невысказанных вопрос. Моя дочь девочка умная. Сама обо всем догадается.

А ещё через десять минут не выдерживаю томительного ожидания в машине и решаюсь набрать номер Маши.

34. Машенька

Ну как ему объяснить, что не могу встречаться с ним? Ласковая улыбка Михаила, адресованная мне, каждый раз вызывает томление в груди и желание кинуться ему в объятия, раствориться в силе этих крепких рук, утонуть в обещании защиты и надёжности.

Но нельзя! Нельзя!

Желудок сводит от мысли, что Виталина снова напакостит Лизе перед самым выпускным. А Вадим, пытавшийся меня изнасиловать, может посадить Мишу в тюрьму. Я не могу этого допустить!

Даже, если у них ничего не получится, я не смогу выдержать разочарованного взгляда Миши, когда он поймет, что я — причина всех его бед.

На мое счастье (хоть и нельзя такому радоваться), Виталина не вышла на работу на следующий после нашего разговора день. Поговаривают, что легла на сохранение в больницу и это надолго.

Поэтому мой единственный выход — найти спутника на их свадьбу. Для демонстрации силы и защиты так сказать. Виталина уверена на сто процентов, что у меня отношения с Михаилом. Поэтому нужно убедить ее в обратном, чтобы у нее не было рычагов давления на меня. Вадим пока не досаждаёт, и это не может не радовать.

Я представить себе не могла, что Михаил так бурно отреагирует на новость о том, что я иду на свидание с другим мужчиной. Знала, что может быть расстроится, огорчится. Но чтобы так взбесился...

Непредсказуемый мужчина.

Но я должна следовать плану.

И вот я сижу в ресторане с незнакомым мне мужчиной, с которым познакомилась на том самом сайте. У меня была неделя для общения с ним. Высокий сероглазый блондин тридцати двух лет работает менеджером по продажам в магазине электронной техники. Любит кошек, хоть у него на них аллергия, мечтает свозить любимую женщину в Париж.

Я никогда не мечтала о путешествиях.

Наводить порядок в доме, украшать его по своему вкусу, растить детей и встречать любимого с работы радостными объятиями — вот о чем я мечтаю. За три года, произошедших с момента трагедии, когда я потеряла ребенка, я почти смогла справиться со страхом забеременеть.

Мне очень хочется взять своего малыша на руки. Почувствовать тяжесть маленького тела, копошащегося в пеленках. Погладить нежную кожу маленькой щёчки, приложить младенца к своей груди.

Жаль Вадим этого не дождался, горько ухмыляюсь в ответ своим мыслям.

Уныло ковыряю вилкой в тарелке старательно приготовленную поваром еду, но по вкусу она мне кажется пресной. Будто вату жую.

Новый знакомый, сидящий передо мной в помпезном ресторане не вызывает таких мурашек, как это делает голос Михаила. Нет томления в груди и слабость не бьёт под колени, которые сейчас плотно прижаты друг к другу. С трудом пытаюсь уловить ход мысли собеседника, хотя мысли то и дело сводятся совсем к другому человеку — Михаилу. Да что ж так на нем меня заклинило? Обычный мужик. Высокий. Красивый. Не слащавый, как... Станислав, вспомнила его имя. Михаил красив своей брутальной мужественной красотой.

Той, что вызывает мурашки по телу, и спазм простреливает низ живота. И меня пугают эти чувства. Точнее влияние этого мужчины на меня. Мне хочется быть безрассудной, порывистой, импульсивной. Хочется... Целовать шею Михаила, не больно прикусить местечко между шеей и ключицей. Увидеть, как расширяются его зрачки, почувствовать его голодные поцелуи на своих губах. Ох! Что за пошлые мысли, Мария Ивановна. Тело обдаёт горячей волной возбуждения и неловкости, когда я понимаю, что сижу в многолюдном ресторане. Становится стыдно, и кажется, что каждый, кто обратит на меня внимание, может по моим пунцовым щекам угадать мои мысли. И Станислав...

С удивлением замечаю, что он вопрошающе смотрит на меня, негласно ожидая ответа на свой вопрос, который я пропустила мимо ушей, предавшись мечтам о Михаиле.

Делаю глубокий вдох, стараясь выровнять дыхание и дать себе секунду на размышления. Паника подбирается к горлу. Я не мастер красноречия, и не знаю, что ответить мужчине.

От необходимости что-то отвечать меня спасает звонок моего мобильного. Бросив на Станислава извиняющийся взгляд, принимаю звонок.

— Мария Ивановна, — хриплый бас пускает по моему позвоночнику сноп мурашек, — у вас в квартире трубу прорвало, требуется ваше присутствие.

— Какую трубу? — не сразу доходит до меня.

— Да любую, Маш, — веселый голос в телефоне начинает вызывать раздражение.

— Вы в своем уме? — шиплю в трубку, прикрывая ту ладонью и отворачиваясь в сторону. — Вы что себе позволяете?

— Я позволяю себе сорвать твоё свидание, на которое ты обещала не идти.

— Я вам ничего не обещала!

— Маш, уходи по-хорошему, — уставшим тоном говорит Михаил.

— Иначе что?

— Тебе не понравится мой ответ.

— Идите к черту, товарищ майор — внезапно злюсь я и отбиваю звонок.

— Все в порядке? — Участливым тоном интересуется Станислав.

— Да-да, все хорошо. О чем мы говорили?

— Я спрашивал, какое твоё любимое блюдо? Я сделал заказ, не ориентируясь на твои предпочтения, потому что не знаю их.

Боже, до чего занудный тип! Зачем я вообще поперлась в этот ресторан? Надела лучшее чёрное приталенное платье, обула в тон нему черные лакированные сапоги на высоком каблуке. За десять минут выровняла волосы старым утюжком, завивать их не было времени.

— Я всеядная, — отвечаю Станиславу с натянутой улыбкой. Да, он чувствует мою фальшь, понимает, что не подходим мы друг другу. Могу сказать со стопроцентной вероятностью, что Станислава я больше не увижу. Может это и к лучшему. — А ты что любишь?

Мой собеседник начинает свой рассказ, разбавляя его своими познаниями тонкостей высокой кухни. А я...

Сложно скрыть дрожь волнения, но, кажется, я справляюсь. Пока собиралась, думала о Мише. Знаю, он хотел снова меня поцеловать, но почему-то этого не сделал. Когда он целует меня, все мысли вмиг улечиваются из головы. Остается голое желание прижаться к нему, чтоб гладил по спине своей широкой ладонью, не отпускал никуда, не позволял делать глупости. Я так устала быть сильной и независимой! Скулы сводит от напряжения, понимаю, что сейчас расплачусь. Пытаюсь сфокусировать взгляд и вижу Станислава,

который немного раздраженно пытается наколоть на вилку оливку.

Да что со мной происходит?

Почему нет того ощущения счастья и окрыленности, когда я сидела в ресторане с Мишей?

Нет желания шутить и смеяться. Я даже не могу сосредоточиться на разговоре со Станиславом.

Внезапно сирена пожарной сигнализации обрушивается на нас, раздражая барабанные перепонки громким противным звуком. Люди за столиками в ресторане, прервав свою трапезу, оглядываются по сторонам в поисках официанта, чтобы выяснить что происходит, или источника тревоги.

Чувствую, как на лоб падает что-то маленькое, мягкое и холодное. Поднимаю голову вверх и на меня тут же обрушивается поток ледяной воды. Старательно уложенные в красивую прическу пряди волос тут же липнут ко лбу, кожа всего тела покрывается мурашками. Платье противно прилипает к телу. Посетители ресторана, тут же вскочив со своих мест, с громкими криками быстро направляются в сторону выхода. Беру свою сумочку в руки и следую их примеру.

На улице мартовский воздух тут же впивается ледяными иголками в мокрое тело, оставляя за собой колючие мурашки на коже. Пальто осталось в гардеробной, в этой суматохе было не до него. С ужасом думаю о том, как я буду добираться до дома. Холодная, мокрая. От дрожи, охватившей все тело, не могу расстегнуть сумочку, чтобы достать телефон и вызвать такси. Выбежавшие со мной из ресторана посетители ресторана кидаются к своим автомобилям, припаркованным возле здания, заводят моторы, и не дожидаясь прибытия машин МЧС уезжают с места происшествия.

На плечи падает махровый теплый плед и укутывает все мое дрожащее от холода тело. Талию обвивают крепкие сильные руки, а ушную раковину обжигает горячий шепот:

— Допрыгалась, Мария Ивановна?

Мне не нужно оборачиваться, чтобы посмотреть, кто согревает меня.

Этот запах морского бриза с нотками хвои я узнаю из тысячи. Вдыхаю его, расслабляя тело, пытаюсь согреться.

Миша тут же подталкивает меня к своей машине, припаркованной у самого входа в ресторан. Ну что за настойчивый мужчина!

Его напористость не может не вызвать улыбки, поэтому гашу вздох облегчения, наклоняю голову, пытаюсь скрыть предательскую радость, приподнимающую уголки губ и несильно, в знак протеста, упираюсь в асфальт тонкими каблуками сапог.

— По-хорошему не хочешь, значит? — веселится Михаил, но за показным спокойствием скрывается плохо сдерживаемое раздражение.

Тут же подхватывает меня на руки и взваливает на плечо. Как мешок картошки!

— Вы что творите? — прочистив горло и обретая голос, возмущаюсь я.

— Похищаю тебя, — невозмутимо отвечает Миша. — Ты сорвала мне операцию по поимке преступницы, а я срываю тебе свидание, — продолжает Михаил, приближаясь к своей машине и снимая блокировку дверей маленьким брелоком.

— Но я же случайно! — кричу я, когда он ставит меня на ноги и открывает дверь своей машины.

— А я намеренно! — Рук с моей талии Миша не убирает.

— Маша, ты куда? — слышится позади нас раздраженный голос Станислава, и я

вздрагиваю, несмотря на то, что меня всю трясет от холода.

Мы с Михаилом синхронно оборачиваемся.

Мокрый с ног до головы и дрожащий от холода Стас держит в руках мой бежевый плащ.

Михаил, отпуская меня на минуту, выдергивает из рук Станислава мой плащ и тут же накидывает мне его на плечи. Плащ, не Станислава.

— Девушка едет домой, — бросает ему Михаил.

— Это моя девушка, и мне решать, куда она поедет! — топает дрожащей ногой Станислав.

— Это моя невеста! — спокойным тоном отвечает Миша, выделяя голосом слово “невеста”, и только я хочу возмутиться наглостью Михаила, как он снова берет меня на руки и усаживает на переднее сиденье машины, наклоняется и пристегивает ремнем безопасности.

— Но... — подошедший к Мише Станислав берет его за рукав кожаной куртки.

— Свободен! — громко и строго, как тогда в кабинете, окрикает Миша.

— Послушайте, мы с вами интеллигентные люди, зачем же похищать девушку, если она не хочет с вами ехать? — не сдается Станислав и продолжает бубнить своим занудным тоном, от которого даже у меня зубы сводит. Или это от холода?

Миша замирает на миг, выпрямляется и, повернувшись к Станиславу полубоком, выдает спокойным голосом:

— Я неясно выразился?

Но от стальной уверенности, сквозящей в интонации Миши, я понимаю, что шутить он больше не будет.

Станислав, видимо поняв тоже самое, решает ретироваться. И выставив вперед ладони в знак капитуляции начинает задом пятиться в противоположном направлении.

Михаил тем временем, захлопнув дверь машины, огибает ее и садится на водительское кресло. Зажигает мотор, настраивает на панели температуру обогрева и включает подогрев сидений.

— Миш, что произошло? Как ты здесь оказался? — Сыплю вопросами, немного отогревшись в теплом салоне автомобиля.

— А ты сама как думаешь? — хмыкает он, вырuling на трассу.

— Ты следил за мной?

— Ты очень наблюдательна, — отвечает Михаил спокойным тоном. Резонанс с его раздражением несколько минут назад вводит меня в ступор.

— А ты провокателен, — провоцирую его.

Он лишь снова хмыкает и продолжает смотреть в лобовое стекло на ночную трассу.

— Подожди, Миш. Там же пожар, а мы уехали. Может там помощь нужна. Давай вернёмся.

— Нет там никакого пожара, — невозмутимо отвечает Михаил.

— Откуда ты знаешь? Сигнализация же сработала!

Ответом мне служит красноречивый чуть насмешливый взгляд Михаила.

— Это ты? Ты что с ума сошел?

С минуту Миша молчит, а затем спокойно так с ноткой ностальгии в голосе спрашивает:

— Помнишь, я вез тебя по этой дороге из клуба?

— Да, — закутываюсь плотнее в теплый плед так вкусно пахнущим морским бризом и

хвоей.

— Я тогда думал о том, какая ты красивая.

— Я тогда накрасилась, приделалась для свидания, — намекаю, что не так уж я и красива без всего этого марафета. Но мне приятно, что он заметил. Надеюсь в темноте салона он не увидит моей смущенной улыбки, но Михаил продолжает следить за дорогой и продолжает:

— А в отделении ты была ненакрашена и в джинсах.

— Я выбежала среди ночи Анжелку спасать, — Оправдываюсь и в то же время думаю: "Какого черта?"

— Я тогда думал, что ты самая милая женщина на свете. Любовался тобой украдкой, когда ты ждала подругу в моем кабинете, — говорит Миша, паркуя машину во дворе возле моего дома.

— Я тебе ещё тогда понравилась? — не могу скрыть удивления в голосе. По телу разливается томление.

— Да, Маш, — выдыхает Миша обреченно.

— Поэтому ты позвал меня на свидание?

— Я хотел снова тебя увидеть. И хотел, чтобы ты узнала меня, — он поворачивается ко мне корпусом, сканируя пронизывающим голодным взглядом своих карих глаз.

— Миш...

— Не надо, Маш. Я все понимаю. Фейсом не вышел, или как это говорят, — огорченно шепчет Михаил, глядя мне в глаза. И вид у него такой... Щемящая нежность разливается в груди от безнадежности и тоски, горячей в его взгляде.

Ну что же я делаю, а?

Он самый замечательный мужчина на свете. Он не просто мне нравится. Я влюблена, понимаю я, и эта мысль настолько оглушающая, что я не могу сдержать удивленного вздоха.

Я влюблена!

В его широкую беззаботную улыбку, раскатистый смех, нежность голоса.

Воображение тут же рисует красочную картину, как он приходит уставший с работы, а я встречаю его, обнимаю, вдыхаю ставший родным его запах.

Щемящая радость тут же сменяется унынием.

Неужели квартира стоит того, чтобы потерять этого мужчину?

А нужна ли я ему, мелькает ужасная мысль в голове. Может в нем пробудился охотничий азарт, типа не доставайся же ты никому?

Но, глядя в его глаза, в которых плещется безнадежность, я понимаю, что его чувства ко мне сильны. И я не могу ответить взаимностью. Ведь даже, если я подпишу дарственную, Вадим может напакостить Мише.

Поэтому придаю своему лицу как можно больше безмятежности и с тихим вздохом несильно хлопаю ладошкой по щеке майора.

— Прости, Миш.

Открываю дверь авто и выбираюсь из салона, ежась от холодного ветра, пронизывающего сквозь мокрую ткань платья и пахнущего Мишей пледа.

35. Михаил

— Пап, ты уже пришел? — встречает меня Лизка, обнимая за талию и утыкаясь носом в подмышку.

— Ты почему не спишь? Поздно уже. Завтра в школу, — причитаю, прижав к себе дочь и тут же отстраняюсь, строго глядя ей в глаза.

— Пап, вы с Марьванной встречаетесь? — отстраняясь от меня, огорошивает Лизка своим вопросом. Пытливо так в глаза смотрит.

— Лиз... — отворачиваюсь, создавая бурную деятельность, чтобы скрыть свое смущение. Чешу затылок рукой, пока снимаю обувь и куртку.

— Пап, я совсем-совсем не против. Она хорошая.

— Лиз...

— Ой, да ладно, я чё не вижу что-ли, какими вы взглядами перебрасываетесь?

— Какими? — вхожу в гостиную и сажусь на диван, сложив руки в замок на коленях.

— Томными, полными страсти, — дочь с невинным видом кокетливо хлопает глазками и присаживается на ковер рядом с диваном. Тот самый персикового цвета, на котором несколько часов назад мы втроем играли в "Монополию".

— Лизок, — склоняюсь к ней, — ты откуда такие слова-то знаешь?

— Пап, я уже не маленькая, — фыркает она.

— Лиз, — пытаюсь подобрать слова, разъяснить ситуацию. Да и просто выговориться. Устал я бегать за строптивой училкой. — Мария Ивановна и та женщина с сайта... В общем это она.

— Да ладно?! — выпучивает глаза дочь. — Тогда все понятно, — тихонько договаривает себе под нос.

— Что тебе понятно?

— Ее муж бросил ради нашей завучихи.

— Это та, которая... — Вожу руками по грудной клетке, показывая наглядно третий размер, а потом опомнившись, что передо мной дочь, опускаю руки, но Лиза уже уловила мою мысль.

— Она самая. Видимо Марьванна решила отомстить бывшему.

— Лиз, ты что? Она не такая!

— А зачем тогда она регистрировалась на сайте знакомств? Поговаривают, что завучиха беременна.

— И что?

— В общем, — дочь елозит по ковру, пододвигаясь ко мне поближе, приглушает голос, будто нас могут подслушать и доверительным тоном сообщает: — Первоклашки на перемене в столовой слышали, как Виталина хочет переехать к Марьванне жить.

— А Маша где жить будет? — не понимаю я их договора.

— А Марьванна переселяется к Виталине Андреевне. Только Марьванна против.

— Ну понятное дело! — восклицаю я.

— В общем будь осторожен, пап, — дочка с жалостью смотрит на меня. — А ты уже втюрился, да?

— Лизка, иди спать, родная, — целую дочь в макушку. — С Марьванной я разберусь.

***

Наутро, сидя на рабочем месте и теребя в руках ксерокопию паспорта Маши, думаю о том, что мне вчера сказала дочь. Что-то тут не так, задницей чувствую. Но вот что — объяснить не могу. У меня слишком мало информации. Только слухи, ходящие по школе, да и нелогичное поведение Маши. То она отвечает на мои поцелуи с такой страстью, что голова кругом идёт. То отскакивает от меня испуганным котёнком. Не меня она боится, я это точно знаю.

Вбиваю в базу данных информацию о ее муже, и монитор выдает мне всего лишь паспортные данные, которые я тут же распечатываю на принтере.

Поэтому, приложив к уху трубку стационарного телефона и нажав нужные кнопки, говорю, ответившему человеку, который сможет мне помочь:

— Ломовицкий, зайди ко мне.

— Есть, товарищ майор, — тут же рапортует Митя.

Через минуту, постучав, он появляется в дверях моего кабинета.

Приглашающим жестом предлагаю ему присесть.

— Митя, найди мне информацию об этом человеке, — решаю не ходить вокруг да около и подвигаю к лейтенанту копию паспорта Машиного бывшего мужа.

Митя, взглянув в документы, тут же тушуетя, смущённо кашляет в кулак:

— Грхм, товарищ майор. Так я уже...

— Что уже?

— Ищу...

— Не понял, — свожу брови на переносице грозно рассматривая лейтенанта. Что он снова натворил?

— Меня Анжела просила. Невеста этого мужика прессует классуху вашей дочери.

— Что?! — Подскакиваю на стуле.

— Ну типа чтобы эта Мария отписала квартиру этой невесте, иначе этот мужик заявит на вас в прокуратуру.

— Он что — бессмертный? — Приподнимая правую бровь, рассматриваю Митю, и, видимо, навожу на парня ужас, потому что он немного побледнел и оттягивает ворот рубашки.

— Товарищ майор, мы с Анжелой думаем, что они просто училку на понт берут, но найти компромат нужно.

— Митя, что за выражения?! — морщусь от отвращения я. Не приемлю воровской жаргон да и матерный язык тоже. Но тут же понимаю, что это сейчас не так важно. Падаю обратно в кресло. — Ты нашел?

— Почти, — кивает Митя. — В фирме этого мужика работает бухгалтером моя одноклассница. Ну как фирма... Магазин сантехники. В общем завтра утром она скинет мне необходимую информацию. О махинациях и сокрытии прибыли. Этой информацией его можно прижать, он же уменьшает сумму налогов. Вот тут мы его официально и возьмём.

— Хорошо, — раздражённо бросаю ему. — Иди работай. Мить, — окликаю его, когда лейтенант подходит к двери. — Пользуемся служебным положением? — Прибавляю многозначительность интонации.

— Товарищ майор, я же для дела, — виновато тянет Митя.

— Завуча можешь ещё проверить?

— Этим Анжела занимается.

— Втягивать гражданских в это дело? — мгновенно вспыхиваю.

— Так мы ведь не по протоколу действуем, товарищ майор, — тут же шутливым тоном осаждает меня лейтенант.

— Точно. Заработался совсем. Мить.

— Да?

— Об этом никому ни слова.

— Есть, товарищ майор, — отдает честь.

— Свободен.

Митя удаляется, оставляя меня в невеселых раздумьях.

Вот значит как обстоят дела. Машулька боится, что меня посадят в тюрьму. Тут же весело хмыкаю. Удачи этому недоумку, чё.

Эта проблема решаема.

Беру в руки мобильный и нахожу в списке контактов номер бывшего сослуживца.

После трёх гудков в трубке слышится громовой мужской голос:

— Потапыч, привет. Сколько лет, сколько зим! Как поживаешь?

— Не дожدهшься, — со смешком отвечаю я.

— Как твоя дочурка? Видел ее недавно, такой красавицей выросла! Уже невеста.

— Только школу заканчивает. Как твоя семья?

Ещё некоторое время мы разговариваем о жизни, семьях, проблемах на работе.

— Мих, ты ведь не просто так позвонил?

— Нет, Лёш. Дело есть. Один человек скрывает часть своих доходов. Можешь посодействовать?

— У тебя же другой профиль работы...

— Я поэтому тебе и звоню. Завтра будут бухгалтерские отчёты, могу передать их тебе.

— И что ты за это хочешь? — вот в друге и проснулся начальник Налоговой.

— Ничего. Накажи по всей строгости. Штрафы, срок, закрой фирму. По своему усмотрению.

— Ого. Доброго дядю Мишу разозлили?

— Не без того, — ворчливо соглашаюсь я.

— Ты же не обидчивый.

— Он не меня обидел.

— А кого?

— Одну хорошую женщину, — терпеливо поясняю, ожидая взрыв эмоций, ведь я никогда не заводил с друзьями речь о своих отношениях. Всегда отшучивался, или просто менял тему.

— Твою чтоль? — насмешливо спрашивает друг.

— Почти. И вообще, с женщиной воевать — это дно. Не уважаю я таких мужчин.

— Я с тобой согласен. Пусть мне завтра всю инфу скинут. Разберемся.

— Спасибо, Лёш.

— На выходных привози своих женщин ко мне на дачу. Отдохнем, шашлыки, коньячок. Девочкам винца, младшим сок. Как раз и обсудим что с этим мудаком делать.

— Хорошо, Лёш. До встречи.

Ну вот одна проблема решена. Хотя я понимаю, что это не так. Я только добавил бензина в огонь. Но теперь перевел этот пожар на себя. А сам разберусь. Не хорошо, что Машулька меня защищает. Не женское это дело — проблемы решать.

Теперь другая проблема — как Машульке объяснить, что она может не бояться. Ни за

меня, ни за себя. Это всего лишь временные трудности.

Будто камень с души упал, дышится немного легче.

Одно я должен знать точно — есть ли у Маши ко мне чувства?

То, как она смотрит на меня... Я ей небезразличен, я это чувствую.

Раздраженно отбрасываю карандаш, который во время разговора с Лехой вертел в руке.

Может я себя обманываю?

Может я ей действительно не нравлюсь.

Я чувствую искры, которые проскакивают между нами, когда мы рядом. Напряжение скапливается, грозясь разразиться настоящим торнадо. То ссоримся, выясняем отношения, то целуемся, как сумасшедшие...

Нет, так дело не пойдет. Я должен знать точно, если отбросить угрозы в сторону Маши, есть ли у нее ко мне чувства.

И я намерен это выяснить.

36. Машенька

— Лиз, ты какая-то грустная сегодня, — ласково спрашиваю девушку, которая, забурившись в свои книги, что-то выводит пальчиком по странице.

— Все нормально, Марьванна, — надсадно отвечает она.

— Когда так говорят, то это означает противоположное, — так же мягко настаиваю я.

Лиза расстроено отбрасывает книгу на стол и поворачивается ко мне.

Мы сидим в ее комнате в их с Мишей квартире. Лиза делает уроки, а я, удобно устроившись в широком кресле, проверяю самостоятельные работы, которые мои ученики сегодня писали на уроке.

Красные лучи закатного солнца пробиваются сквозь светло-желтую штору. Так тепло здесь и уютно. Признаться, мне каждый раз все труднее уходить отсюда. Так не хочется возвращаться в пустую квартиру, где меня ждёт только кот и только потому что он голоден.

— Это девочки всё... — Лиза чуть не плачет. Я отбрасываю листок с работой и бросаюсь к ней. Приобнимаю легонько за плечи. Девушка сильно расстроена, и я очень хочу помочь. Развеять ее печали.

— Не хотят приходиться? Поссорились? — выдаю ответы, надеясь, что хоть один из них окажется верным. Ну и как я буду мирить ее с подругами, если они поссорились?

— Они идут платья к выпускному покупать, — Лиза зарывается лицом в ладони, а у меня сердце сжимается от отчаяния.

— А почему ты не с ними? — приседаю на корточки, убираю ее руки от заплаканного лица и смотрю ей в глаза.

— Потому что они с мамами идут, а мне пойти не с кем! — Рыдает девушка. Прижимаю ее лицо к своему плечу и глажу ее по спине.

— Раньше бабушка ходила на все собрания, выступления, — глухо рыдает Лиза на моем плече. Чувствую, как ткань моей футболки намокает от ее слез, но сейчас это не важно. Важнее девушка, рыдающая у меня на плече. — А папа постоянно на работе. Нет, я понимаю, что он занимается нужным делом — ловит преступников, — отрывается от моего плеча и шмыгает носом. — Да и скоро повышение будет. Он так этого хочет, — у меня сердце каждый раз сжимается, когда я думаю о Мише. И сейчас я с жадностью ловлю каждое ее слово. — Я привыкла к тому, что у меня нет мамы. Но сейчас мне так плохо-о-о.

Девушка снова утыкается мне в плечо, расстроено всхлипывая и хлюпя носом.

Спина затекает от неудобной позы, но я сижу, успокаивая девушку поглаживанием по ее спине ладонью, позволяя ей выплакаться. Не думала я, что она так тоскует по маме.

Как необходимо присутствие и участие этой женщины в жизни молодой девушки. Научить краситься, красиво одеваться, успокаивать, когда понравившийся мальчишка не приглашает на свидание. Убеждать Лизу, что она самая лучшая, самая красивая, смелая, веселая — это дело ее мамы.

И мне хочется найти эту женщину и порвать ее на кусочки, чтобы она почувствовала хоть часть боли, рыдающей у меня на плече девушки.

Ну как можно бросить своего ребенка?

Как можно уйти от такого чудесного мужа?

Чем она думала, когда сбежала?

Лиза никогда не говорила о своей маме, и я думала, потому что девушка просто не

помнит ее. Но теперь понимаю, что вся боль и отчаяние от потери матери бурлит в Лизе жгучим коктейлем, и девушка просто не позволяет этим чувствам овладеть собой.

Такие эмоции, как правило, приводят к необдуманным поступкам. И поступки эти приводят к огромным неприятностям.

Лизе крупно повезло, она окутана любовью отца, защищающего ее от любых проблем. Он воспитал замечательного человека. Лиза выросла доброй отзывчивой, равнодушной к чужой беде. Даже сейчас, рыдая на моем плече, она не держит зла на мать. Я чувствую, как боль и отчаяние раздирают ее тело.

В носу предательски щиплет, и я понимаю, что сама сейчас разрыдаюсь. И своими слезами я ничем не помогу Лизе, поэтому, чуть поведя плечом и цепляя пальцами ее подбородок, вынуждаю поднять голову.

— Лиз, — убираю светлую прядь волос девушки за ухо. — Я не могу заменить тебе мать, но я очень хочу помочь.

— Как? — Лиза проводит запястьем под носом, затем пальцами рук вытирает слезы с щек. Так доверчиво смотрит мне в глаза!

— Мы пойдем покупать тебе платье, — говорю, улыбаясь. Мне самой нравится эта идея. В груди разливается тепло от мысли, что я могу помочь несчастной девушке.

Она лишь кивает, понутив голову. Нет, так она не успокоится.

— Иди в ванную умойся, я пока сделаю чаю. А потом пойдем в магазин. Давай-давай, — просовываю ладони под мышки девушке и помогаю ей подняться к компьютерного кресла. Она, снова шмыгнув носом, убегает в ванную. Услышав звук бегущей из крана воды, я набираю на телефоне номер подруги.

— Анжел. Срочно. 911.

— Что случилось? — недовольно ворчит подруга в трубке. Не любит она, когда ее отвлекают от домашних дел или отдыха. Но всегда с энтузиазмом прибегает помочь. Такая она моя подруга — за любой кипиш кроме голодовки.

— Мы с тобой идем по магазинам покупать платья к выпускному.

— Мы же через месяц собирались.

— Через месяц на них цены взлетят втрое. И еще... — Выглядываю из комнаты, быстрым взглядом сканируя пространство коридора. Лиза все еще в ванной. — Это Лизе нужно, — понижаю голос, чтобы девушка не слышала. — Она в слезах, соплях вся. Ее отвлечь нужно.

— Ну нужно, так нужно. Куда поедем?

— В торговом центре много магазинов с женской одеждой.

— Заметано. Жду вас там, — бодрым голосом произносит подруга и отключается.

***

— Вот это будет хорошо смотреться на вашей девочке, — вежливая девушка-продавец протягивает мне тремпель, на котором висит длинное в пол платье нежно-фиолетового цвета. Декольте на этом платье мне не нравится от слова “совсем”. Слишком вызывающе для юной девушки.

Лиза в это время переодевается за желтой занавеской примерочной.

— Смотреться будет хорошо, но это лучше, — Анжелка повелительным жестом отталкивает тремпель с фиолетовым платьем и демонстрирует мне другой, на котором висит ярко-красное приталенное с подолом немного выше колен.

— А не слишком ярко? — неуверенно тяну я, оглядываясь на желтую занавеску

примерочной. Мы с Анжелой совсем замучили девушку. Лиза примерила множество платьев, не ворча и не жалуясь. Покорно принимая из наших рук вещи и демонстрируя их на своей фигуре. Покрасневшие от недавних слез глаза девушки немного повеселели. Лиза стала улыбаться, шутить, подкалывать нас на тему разорения бедного папы, ведь он оплачивает поход дочери по магазинам, просто скинув деньги на ее карточку. Да, от таких цен в магазине голова кругом идет.

— Нормально, — ворчит Анжелка. — Ли-и-из! — вопит подруга на весь магазин и перекидывает платье через занавеску, — примерь вот это.

— Я еще то не показала, — отвечает Лиза бодрым голосом.

— Хрен с ним, это лучше.

— Ладно, — притворно ворчит девушка и через несколько минут оттягивает желтую штору примерочной, выходя к нам, демонстрируя платье.

Идет, как по подиуму. Расправив плечи, вскинув вверх подбородок.

Какая она тонкая, хрупкая, нежная. На фоне грозного высокого отца-майора она казалась совсем хрупкой девочкой.

Твердый уверенный взгляд девушки скользит по нам, когда она царственной походкой не спеша подходит к нам, плавно покачивая стройными бедрами.

От неуверенной в себе школьницы не осталось и следа. Перед нами молодая женщина со стройной горделивой осанкой, готовая выпорхнуть навстречу взрослой жизни.

Ярко-красное платье широким воротом обвивает шею девушки, облегает стройную фигуру, заканчиваясь чуть выше колен красным гипюром. С облегчением выдыхаю. Выглядит в нем Лиза и вызывающе и не пошло.

Но когда девушка поворачивается к нам спиной, той же гордой походкой направляясь к примерочной, я громко ахаю.

— Анжел!

— Да все нормально, — шикает на меня подруга.

— Миша нас убьет, — расстроено шепчу я, прикрывая рот рукой.

Красный гипюр кружевными полосами опускается от ворота платья, прикрывая лопатки девушки, к бокам, оставляя оголенной всю спину.

Над поясницей красный гипюр широкой полосой прикрывает часть спины, обвивая стройный силуэт, придавая сексуальности молодой девушке, что так довольно идет к примерочной.

Дойдя до желтой шторы и рассмотрев себя в зеркале, Лиза поворачивается к нам лицом и немного смущенно оглашает:

— Папа меня убьет. Как белку в лесу закопает.

— Перед папой тебя Маша отмажет, — отмахивается Анжелка, довольно рассматривая девушку.

— Ну-ну, — окидывает меня Лиза красноречивым взглядом.

— Ну что, Лиз? Берем?

— Да, — звонко отвечает девушка и вопрошающе смотрит на меня.

Я лишь развожу руками. Раз все согласны...

— А вырез прикроем кремовым жакетом, — шепчет мне Анжелка, когда Лиза, восторженно взвизгнув, скрывается за желтой шторой примерочной. — Вечером будет холодно, им еще по набережной гулять.

— Еще туфли нужны и сумочка.

— Кремового цвета! — соглашается подружка. — А ты пока примерь вот это — кивает мне на нежно-фиолетовое в пол платье.

— Нет уж, — отрицательно машу головой. — Мне бы что-то попроще, я все-таки учитель.

— Ты все-таки женщина, — протестует Анжелка и сует мне в руки то самое платье, подталкивая к другой примерочной. — Молодая, красивая, сексуальная.

— А это не слишком вызывающе? — спрашиваю я, надев платье и выходя из примерочной.

Анжелка и уже переодевшаяся в повседневную одежду Лизка стоят с открытыми ртами, удивленно рассматривая меня с головы до ног и обратно.

— Какая ты... — шепчет Анжелка, не находя слов.

— ... Волшебная, — восхищенно подхватывает Лиза.

— Да ладно, — смущенно шепчу я, поворачиваясь лицом к зеркалу и так же ахаю, как Анжелка с Лизой пару секунд назад.

Тонкая ткань лилового цвета запахивается под грудью, прикрывая ее, но оставляя на виду ложбинку между полушариями. Тонкий блестящий поясок в тон платью обвивает талию, а широкая длинная юбка распахивается разрезом от самой талии, обнажая левую ногу.

Светлый нежный оттенок фиолетового платья добавляет нежности коже, а широкие бретели, небрежно держащиеся на плечах — легкости и воздушности образу.

Я смотрюсь в зеркало и не узнаю себя.

— Куколка... — со слезами на глазах шепчет Анжелка, подходя ко мне. — Твой Медведь не устоит.

Сердце трепещет от мысли, что Михаил увидит меня такой. Нежной, хрупкой и в то же время взрослой, уверенной в себе красивой женщиной.

— Берем! — довольно скандирует Лиза, вызывая у меня смешок.

— Берем, — тихо соглашаюсь я, любуясь собой в зеркале.

Анжелка выбрала себе узкое короткое платье темно-зеленого цвета, ярко-красные туфли и такого же цвета сумочку. Мы с Лизой приобрели бежевые туфли и в тон им маленькие сумочки.

Через полчаса довольные и счастливые мы с девчонками оплачиваем покупки на кассе и решаем пойти в кафе поесть мороженое.

***

— Марьянна, а вы сегодня снова на свидание пойдете? — задает мне Лиза вопрос, когда Анжелка уходит “попудрить носик”.

— А что? — опускаю взгляд в креманку, ковыряя ложкой фисташковое мороженое. Огорошила меня Лиза своим вопросом.

— Зачем вам? У вас же мой папа есть, — хитро щурится девушка.

— Он есть, но не у меня.

— Почему? У него ещё кто-то есть?

— Я не знаю, есть ли кто-то у твоего папы, — со вздохом терпеливо объясняю Лизе, — но меня у него нет. Как и его у меня, — добавляю с горечью, надеясь, что не запутала девушку.

— Вы же друг другу нравитесь, я все видела, — настаивает Лиза.

— Что видела?

— Как вы смотрите друг на друга. А ещё я знаю, что вы целовались.

На этой фразе кока-кола идет мне не в то горло и я долго кашляю, прежде чем прохрипеть:

— И что?

— Почему вы не вместе?

Отдышавшись, тяжело вздыхаю. Ох, Лиза, Лиза. Вроде бы уже взрослая, а рассуждает как ребенок.

— Потому что есть обстоятельства, из-за которых мы не можем быть вместе, — с минуту подумав выдаю ответ. Вот так непонятно выливаю свое сожаление.

— Это из-за вашего мужа?

— Нет. Мужа я не люблю. Бывшего, — добавляю с поспешкой и усмехаюсь своим мыслям. Штамп о разводе раньше вводил в уныние, а теперь я словно птица в полете. Свободна как ветер.

— А папа в вас влюблен.

— Он так сказал? — Сердце замирает на секунду, а затем грозитесь выскочить из груди, как волнителен ответ этой девушки для меня.

— Пока нет, но я вижу. Он вам нравится?

— Лиз...

— Он же такой хороший...

— Да, он... — перевожу мечтательный взгляд в окно, пытаюсь подобрать нужное слово

— ...замечательный.

— Ну вот!

— Все не так просто.

— А че усложнять?

— Лиз... — подбираю слова и не нахожу нужных, как появляется довольная Анжела и плюхается попой на широкое кожаное сиденье удобного дивана.

Лиза, увидев Анжелку, опускает голову и принимается есть мороженое.

— Че за тишина в эфире? — переводит взгляд с Лизы на меня. — Кто-то умер?

— Нет, — отвечаем мы нестройным хором.

— Ну раз нет, тогда предлагаю на выходных сходить на ярмарку выпечки. Синоптики обещают хорошую погоду, дома сидеть не хочется. Девчонки вы как?

— А как мы потом в платья влезем после твоей выпечки? — хмыкаю я.

— До выпускного два месяца. На выходных пообедемся, а потом на диету. Тебе не надо, — тычет пальцем в Лизку, — ты и так худышка.

— А как же платье?

— За два месяца растрясешь.

— Хорошо, — залиvisto смеясь отвечает девушка.

Мне так приятно видеть ее такой. Веселой, беззаботной. Я рада, что этим походом по магазинам мы смогли отвлечь девушку. Пустота в ее взгляде сменилась боевым задором, девушка смеется, радуется. Совсем не хочется отпускать ее домой, но она права. Мне пора собираться на свидание.

37. Михаил

Рабочий день подходит к концу, и я уже собираюсь домой, как мне звонит дочь:

— Пап, она снова на свидание собралась!

— Маша? — уточняю, прекрасно зная ответ. Кто ж еще!

— Да! Мы с ней в кафе были. И с Анжеликой Владимировной, но это не важно! В общем, она грустненькая такая довезла меня на такси домой, а сама поехала, но не домой.

— Ты адрес слышала?

— Да. Ворошиловский проспект, 119. Пап, я посмотрела, там ресторан.

— Принято. Сиди дома и не высывайся. Спасибо, дочь. — Отбиваю звонок и, схватив куртку с вешалки выбегаю из кабинета. Сам не знаю, зачем направляюсь туда, но меня всего колотит от бешенства. На Машу, на ее тупую идею найти себе хахалю, на ее отказ объяснить, чем я ей не понравился. В основном на ее ложь, конечно.

Допрыгается козочка.

Пришло время поговорить по душам.

Чуть не врезаюсь в своего товарища Ростислава, старшего оперуполномоченного группы быстрого реагирования. Он со своей командой направляется к выходу из РОВД.

— Слав, че случилось? — хватаю за локоть друга.

— Вызов на Ворошиловский проспект, 119. Подозреваемый встречается со своей жертвой.

На меня словно ушат ледяной воды вылили.

— А в чем он подозревается? — как бы между прочим спрашиваю, доставая из кобуры табельное оружие и проверяю его готовность.

— Альфонс, аферист. Разводит одиноких женщин на подарки и деньги. Потом обчищает их квартиры. Сейчас как раз встречается с потенциальной жертвой.

— Я с вами.

— Миш, это ведь наша задача.

— Слав, не обсуждается. Я с вами, — четко проговариваю, залезая в автобус.

Пока мы едем, звоню Маше снова и снова.

Судя по прерывающимся гудкам, я в черном списке. Ага. Молодец, товарищ майор! Докатился...

Набираю дочурку.

— Лиза, у меня к тебе дело есть.

— А что нужно сделать? — весёлым тоном спрашивает дочь.

— МарьВанну нужно выкурить из ресторана любым способом. Слушай мою команду...

***

Через десять минут из ресторана выходит Машулька, а следом за ней высокий тип. Берет ее за руку и ведет к серой Тойоте, припаркованной перед входом в ресторан. Подает руку, помогая сесть в машину, улыбается ей так любезно, что у меня скулы сводит от напряжения, как хочется набить его смазливую морду.

Я, конечно, вспыльчивый, и редко выхожу из себя. И тогда на бывшего мужа Маши сорвался потому что не люблю, когда женщин обижают. Вид ужаса, застывшего в глазах жертвы насильника приводит меня в ярость.

— *лять, это он! — восклицает сидящий слева от меня Слава.

— Кто?

— Аферист, смотри, как похож, — сует мне в руки фоторобот мужика, а у меня перед глазами все плывет. Похож. Твою мать!

Слава дает знак водителю микроавтобуса. в котором мы находимся, чтобы следовал за этой Тойотой.

Через десять минут мы, следуя за машиной потенциального вора, подъезжаем к Машиному дому.

Из автомобиля выходит Машулька, а следом за ней тот самый тип. Направляются к подъезду. И нет, он не машет ей ручкой на прощание, а, положив свою клешню ей на талию, пока она открывает подъездную дверь, входит следом за ней.

Офигела!!! Совсем!!! Без тормозов баба. Устрою ей встряс. Будет знать как мужиков к себе домой на ночь глядя водить!

Даю знак парням, которые, уже надев маски, готовятся выйти из микроавтобуса. Но старший по званию останавливает их.

— Мих, надо подождать, — обращается он ко мне.

— Какой ждать! Может он ее еще в подъезде... того... — воображение рисует красочные картины, и я нервно сглатываю, гоня прочь из головы страшные мысли. Дергаю ручку автобуса, но Славик меня останавливает.

— Миш, ты че так нервничаешь? Не первый год работаем вместе, а дрожишь, как девочка перед первым мужчиной, — ржет мой товарищ.

— Слав, ты не понимаешь... — делаю глубокий вдох, понимая, что веду себя именно так, как сказал товарищ. Тяжело сохранять хладнокровие, когда близкий человек в опасности.

— Миш, он должен выйти из квартиры с похищенным имуществом или драгоценностями.

— Да у нее нет ничего! Она обычная училка!

— Тем не менее, мы будем ждать.

— Я должен ждать, пока он ее трахнет?

— Именно. Может прихватит чего ценного. Вот тут мы его и возьмём.

— Еще чего! — возмущенно восклицаю я и снова порываюсь выйти из автобуса, но Славик меня останавливает.

— Слав, у вас есть все улики, показания. Зачем тебе ещё одна жертва афериста? — стараюсь убедить товарища и вижу по глазам, что почти добился своего.

— Так-то ты прав. Я хотел новую звёздочку на погонах. Думаю, если я возьму преступника на месте преступления меня повысят.

— Тебе и так повысят! Тут вопрос жизни и смерти.

— Ладно, — нехотя соглашается Слава и даёт команду бойцам: — Все, пошли. Миша, куда?!

Выскакиваю из автобуса первым и направляюсь к двери подъезда.

Если этот “ухажер” с Машкой что-то сделает, я его убью. Порву голыми руками на мелкие кусочки. И эта звезда тоже хороша! Садится в машину к малознакомому типу.

Она просто магнит для неприятностей! Маньяков боится и идет на свидание с аферистом! Зато товарищ майор слишком грозный и сердитый! Не подходит. Дышу глубоко, стараясь успокоиться, но ничерта не выходит.

38. Машенька

— Тарас, я к тебе по делу, — немного запыхавшись от волнения выпаливаю фразу ожидающему меня мужчине, с которым я училась на одном потоке в институте.

Высокий молодой человек эффектной внешности за десять лет почти не изменился. Из привлекательного парня, по которому сохли все девчонки нашего института он превратился в статного красивого ухоженного мужчину. Стильная прическа придает ему лоска, а широкая улыбка смягчает даже самое жесткое женское сердце, заставляет его биться быстрее, позволяя этому мужчине уговорить себя на любое безумие. Но только на меня его улыбка не действует нисколько. Липкий оценивающий взгляд Тараса ползет по мне, словно змеи, оставляя еле ощутимое щекочущее чувство брезгливости.

Чувствую дрожь отвращения, бегущую по позвоночнику и, незаметно передернув плечами, присаживаюсь за столик.

За ту неделю передышки, пока Виталина была в больнице на лечении, я разработала план, как отвалить от себя Михаила и доказать завучу и своему бывшему мужу, что вытурить меня из моей квартиры им будет не так просто.

Нужно найти мужчину. При чем такого мужчину, с которым Вадим побоится конфликтовать.

Я общалась со Станиславом, и в то же время нашла в соцсетях бывшего лучшего друга Вадима. Они оба с первого курса института ухаживали за мной. Дарили цветы, провожали до дома. А я, занятая учебой, никак не могла понять кто из них мне действительно нравится. И стоит ли вообще поощрять их интерес.

Тогда я думала о том, действительно ли я нравлюсь кому-то из них, или в них выиграл сопернический интерес. Быть трофеем в их играх я не желала, поэтому не реагировала на ухаживания, не оставалась с кем-то из них наедине, мягко, но неумолимо отказывала во встречах.

Затем со мной случилась история, которая изменила всю мою жизнь. Я попала в беду. И Вадим, оказавшийся рядом помог мне. Уберег от опасности. Был рядом, поддерживал во всем. Я не смогла устоять перед обаянием и настойчивостью молодого красивого и эффектного парня. Сдалась.

После года встречаний я вышла замуж за Вадима. Где-то в этот период между Тарасом и моим суженым будто черная кошка пробежала.

Завидев нас, обнимающихся в коридорах института, Тарас смеривал нашу пару злым взглядом, обходя стороной. Ни разу после они не разговаривали и не виделись. Я не знаю, как сложилась судьба Тараса после окончания института.

Как оказалось, он решил продолжить обучение в аспирантуре, а затем стал преподавать основы менеджмента.

Представляю сотни влюбленных студенток, увивающихся за красивым харизматичным преподавателем, и поэтому была очень удивлена, когда он откликнулся на мое сообщение и предложил встретиться в ресторане.

Для нашего с ним серьезного разговора антураж ресторана совсем не подходит. Светлый беж стен, нежно-зеленые занавески на окнах больше навивают романтическое настроение.

Поэтому, появившись в дверях ресторана и увидев Тараса, я решила начать с главного.

— Я тебя слушаю, Машуль, — облокотившись локтями на стол, Тарас приветливо улыбается. — Если честно, я заинтригован. Как семейная жизнь? — интересуется он, принимая из рук подошедшего официанта меню. В словах Тараса нет яда, интонация мягкая, добродушная.

Но я все равно сжимаюсь от каверзного вопроса, потому что, хоть и отболело все, но приятного в моей ситуации мало.

— Такой счастливой парой вы были с Вадимом, — продолжает тем временем Тарас, листая меню и бросая на меня насмешливые взгляды. — Вам все завидовали. Признаться, я тоже, — немного смущаясь признается Тарас.

— Почему? — наивно хлопаю ресницами, стараясь не переусердствовать. Я еще не знаю, как себя вести в данной ситуации признаться Тарасу сразу в коварстве его бывшего друга и попросить помощи, или попробовать завязать с ним отношения. Может у нас что-то получится.

Тарас писал мне, что так и не женился. Серьезных отношений у него нет. И несерьезных тоже, последнее он подчеркнул особенно.

Так почему бы и не попробовать?

— Я завидовал Вадиму и не мог понять, чем он тебе приглянулся. Как у него получилось охмурить самую неприступную девушку курса и жениться на ней.

— Я не знаю, Тарас, — опустив взгляд тихо произношу, стараясь не расстраиваться от воспоминаний. — Почему вы перестали общаться? — задаю вопрос, чем сильно удивляю собеседника.

Но Тарас быстро берет себя в руки и безразлично пожимает плечами и бросает небрежно:

— Из-за тебя.

Хоть поза его расслаблена, колющий взгляд впивается в мое лицо, выискивая реакцию на его слова.

— Я не знала.

— Брось, Маш, — Тарас бросает тяжелую увесистую папку в выгравированым на ней филигранным подчерком названием ресторана и откидывается на спинку стула. — Об этом знал весь институт, а ты не в курсе была? Даже не догадывалась?

Я отрицательно качаю головой.

— Наверное была так увлечена счастливой семейной жизнью со своим благоверным, — горько усмехается Тарас. В его голосе столько нескрываемой злости и отчаяния, что я теряюсь.

— Тарас, мне нужна твоя помощь, — с мольбой в голосе прошу.

Мужчина подбирается на стуле, поддается корпусом вперед.

— Я весь внимание, Маш.

— Я попала в неприятную ситуацию...

Договорить мне не дает звонок моего мобильного телефона. Лиза...

Недовольно хмурюсь.

Что случилось?

— Мариванна, папа просил передать, что у вас в квартире трубу прорвало, — тараторит взволнованным тоном эта вертихвостка.

— Да ты что? — наигранно удивленно усмехаясь я.

Интересно, я опять операцию Михаилу срываю, или он снова решил напакостить и

испортить мне свидание?

— Передай папе, что трубы у меня проверены. Там ничего не течет.

— На этот случай папа оставил мне инструкции, — не сдастся девушка. — Выбирайте: пожар или землетрясение?

— Ладно, я еду, — ворчу в трубку и отбиваю звонок, понимая, что Лиза не отстанет. Точнее ее папаша.

Скользну растерянным взглядом по профилю Тараса, и не знаю, что мне делать дальше. Договорить нам явно не дадут.

— У тебя проблемы? — интересуется Тарас.

— Нет, просто... — мну в руках салфетку, не зная, как сказать ему, что мне нужно уйти.

— Если что, я могу помочь.

— Знаешь, — приходит в голову гениальный план. — Разговор у меня к тебе конфиденциальный, а я не могу... Здесь столько людей, и вообще... Может поедем ко мне и поговорим там? — с мольбой во взгляде смотрю на Тараса, который тут же поднимается со стула, обходит стол и подает мне руку, помогая встать. Притягивает меня за талию к себе вплотную.

— Я только за. Говори адрес.

Отстраняюсь от него, немного стесняясь такой вольности, беру свою сумочку и поворачиваюсь в сторону выхода. Тарас провожает меня, не снимая свою руку с моей талии.

Краска смущения заливает мое лицо и я опускаю голову в надежде скрыть румянец. От злости и волнения учащается пульс. Злюсь на Михаила за вмешательство в мою личную жизнь. И смущаюсь, потому что разговор с Тарасом необходим, но, видимо мужчина не так понял мои слова, потому что, заведя мотор габаритной Тойоты, вдавливая педаль газа в пол и мы несемся по ночному городу, превышая скорость.

Тарас бросает на меня короткие пламенные взгляды, а я злюсь еще больше.

Мне необходима его дружба и желание помочь, а он подумал, что я приглашаю его в постель.

И если бы не Миша с его ревностью и собственническим инстинктом, то я бы не попала в столь неловкую ситуацию.

Пока машина мчит по городу, я всматриваюсь в зеркала заднего вида, выискивая черный Ренж Ровер Михаила. Но его нет среди редкого потока машин. Только неприметный серый микроавтобус с тонированными стеклами, следующий за нами с такой же скоростью.

— Может поговорим в машине? — дрожащим голосом предлагаю я, когда Тойота останавливается возле моего подъезда.

— Машуль... — заглушив мотор, Тарас поворачивается ко мне корпусом и так смущенно смотрит на меня. И, глядя на него, я понимаю, что выгляжу глупо. Сама пригласила мужчину к себе домой, а сейчас даю заднюю. — Если честно я голоден, целый день на ногах. Надеялся перехватить что-то в ресторане, но...

— У меня есть пирог, — тут же выпаливаю я. — Будешь?

— Ну если ты предлагаешь... — улыбка Тараса становится еще шире.

Выходя из машины, замечаю серый микроавтобус, ехавший за нами всю дорогу от ресторана. В голову закрадывается крамольная мысль: а что если, Миша где-то рядом? Я не вижу его, но остро чувствую его цепкий внимательный взгляд. От волнения дрожат руки когда я вынимаю ключи из сумочки и открываю подъездную дверь. Тарас, успокаивающе гладит меня рукой по талии, но от этого мне еще тревожней.

Невидимый, но очень осязаемый взгляд Михаила давит на меня, словно зажимает в тиски. Я боюсь, что Михаил появится сию секунду и прогонит Тараса. И только когда за нами закрывается подъездная дверь, я облегченно выдыхаю.

Так-то товарищ майор! Хотела бы я посмотреть на твое лицо, когда ты увидишь, как другой мужчина входит в мою квартиру.

***

— Вино будешь? — вношу в гостиную два бокала и бутылку.

Тарас удобно располагается на моем диване, облокотившись спиной на спинку и расставив колени в стороны.

Совсем недавно на этом диване сидел Миша. И мне это было приятно. Вообще присутствие этого мужчины в моей квартире, в моей жизни мне нравится.

Нравится, что Миша обо мне заботится.

Ещё нравится, что он ревнует меня.

В животе порхают бабочки щекоча внутренности от мысли, что я небезразлична Мише.

А вот Тарас меня напрягает. Вальяжно развалился на моем диване, будто он в доме хозяин. Это раздражает. Но мне нужна его помощь. С самого начала нашего знакомства я заметила, что Тарас единственный, кто может осадить Вадима, и с кем мой бывший муж боится конфликтовать.

— Конечно буду! — тут же соглашается он и похлопывает по сиденью дивана в предложении подсесть к нему.

Секунду колеблюсь, а потом присаживаюсь рядом. Только чуть дальше, чем Тарас ожидает.

Не могу скрыть нервозность, когда дрожащими руками ставлю бутылку с бокалами на стол. Кладу штопор рядом с бокалами.

По чести признаться, Тарас ведет себя как джентльмен. Склоняется к столику и, откупорив бутылку, разливает виноградную жидкость по бокалам.

— О чем ты хотела поговорить? — нарушает тишину Тарас, отпивая из своего бокала.

О том, как пригласить Тараса к себе домой, я подумала. А вот что мне теперь с этим мужчиной делать в моей квартире — нет.

Тем временем Тарас поддвигается ко мне вплотную и я чувствую жар кожи его ноги.

Пульс зашкаливает, отдаваясь в ушах набатом.

Ну же, товарищ майор, давай быстрее! Реагируй! А то съест меня мой бывший сокурсник, и тебе ничего не останется. Знаю, что Миша где-то рядом и скоро появится.

Горячая ладонь Тараса обхватывает мое колено. Кладу свою руку на его в попытке убрать ее с моей ноги, но Тарас лишь сильнее сжимает ее. Наверное синяки останутся, кожа у меня очень нежная, чувствительная.

Мамочки!

С громким грохотом дверь срывается с петель, и я подпрыгиваю на месте от громкого звука.

В комнату вбегают мужчины во всем черном. В руках у них автоматы.

— Всем лежать, мордой в пол, — раздается громовой крик, и я подскакиваю на месте.

Вот теперь действительно. Мамочки!

— Войцовский Тарас Сергеевич, вы арестованы по обвинению в мошенничестве согласно статьи 159 Уголовного Кодекса Российской Федерации.

На руки моего бывшего сокурсника надевают наручники и тут же выводят из квартиры.

Я, замерев, наблюдаю всю эту картину, будто на экране телевизора. Ко мне ни разу не обратились, сразу бросились арестовывать Тараса. Будто меня тут и нет вообще!

39. Машенька

В плейлист Coming Home — Arc North, Rival, Cadmium и слушать на репите

В комнате становится тихо, как в склепе. Только настенные часы в кухне тихонько тикают, раздражая нервные клетки до зубовного скрежета. Выброшу их к чертовой матери! Когда увидела в магазине, влюбилась в них с первого взгляда, а спустя столько времени они стали раздражать.

Или все дело в том, что моя спокойная размеренная жизнь стала напоминать сюжет какого-то приключенческого детектива?

— А дверка-то у тебя хлипкая, Мария Ивановна, — раздается знакомый громовой бас, пуская по моему позвоночнику мурашки. — Надо бы сменить. И звать к себе посторонних мужчин о-о-очень плохая примета. Последствия могут быть непредсказуемые.

Смотрю в улыбающееся довольное лицо Михаила и вмиг выхожу из оцепенения. Хочется вцепиться в его красивую физиономию, стереть это самодовольное выражение.

— Ты что себе позволяешь? — вскакиваю с дивана, на котором три секунды назад сидела замороженной статуей. — Ты что творишь, Миша? — подлетаю к нему и ударяю ладонью в грудь. Морщусь от боли, прострелившей руку до запястья.

— Что позволено, то и творю, — невозмутимо отвечает Миша, беря мою руку в свои и медленно растирает кисть, прогоняя боль.

Выглядываю в коридор и громко ахаю:

— Ты должен мне дверь!

— Починю, поставлю. Установлю такую... С пунктом контроля. Которая мужиков левых не пропускает, — ухмыляется засранец. Меня ведет от уверенности, которая сквозит в его голосе, взгляде...

— А правых значит пропускает? — Прищурившись задаю вопрос.

— Конечно.

— И кто же входит в список правых мужиков? — зло вырываю руку из его захвата.

— Я.

— И?

— И все.

— Не много ли ты на себя берешь? — снова луплю по груди рукой, но Миша перехватывает мою кисть и тянет меня к себе, придерживая за локоть.

— Нет, Машуль, — водит носом по моему уху. — Дурею от тебя. — Втягивает мой запах ноздрями и выдыхает хрипло: — Совсем с ума свела, ведьма.

И снова слабость бьет под колени. В груди патокой разливается сладкое томление, как всегда бывает в его близком присутствии. Все мысли разлетаются, как голуби из голубятни. Хриплый бас Миши опутывает, ласкает сознание, не дает мыслить трезво.

— Ты арестовал ни в чем не повинного человека, Миш. Зачем прибегать к таким мерам? — шепчу тихо. Голос куда-то пропал.

— Он виноват, Маш, — так же тихо отвечает Михаил со вздохом. Зрачки его карих глаз сужаются в раздражении. — Он действительно мошенник, и я не хочу больше говорить о нем. — Голос его снова хрипнет, лаская уши. — А у тебя талант влипнуть в неприятные ситуации.

— Я же не специально! — восклицаю, обретая голос.

— Я знаю, Маш, — проводит горячей ладонью по моей спине и тихо стонет в ухо: — Почему он, Маш? Почему кто угодно, только не я?

— Миш, — вскидываю голову и у меня перехватывает дыхание от его пылкого взгляда, которым он ласкает мое лицо.

— Хочешь, я докажу тебе, что это не страх отталкивает тебя от меня?

— Как?

— Закрой глаза. — Невесомо проводит своими губами по моим, и я послушно закрываю глаза, отдаваясь ощущениям. — Я тот мужчина из ресторана. Помнишь? Совершенно незнакомый. Тебе нравились мои поцелуи. — Приятная нега разливается по телу. Чувство защищенности и безопасности обволакивает меня. — Я ласкал тебя, ты так стонала. Тебе понравилось?

— Да, — произвольный стон вырывается из моих губ и тут же гаснет под напором его поцелуя.

Волна удовольствия бежит по спине, подхватывает внутренности, делая их невесомыми. Все становится мелким и неважным. Только страстные голодные поцелуи этого мужчины, что так тесно вжимает меня в свой торс и упоительно целует, будто умирающий от жажды путник в пустыне припал к источнику воды.

— Тебе нравится, что я делаю сейчас? — чувствую, как горячие руки пробираются под платье.

— Да.

— Видишь? — Миша водит своим носом по моему уху, опалая его горячим дыханием. — Ты не боишься меня. Меня ты хочешь. А боишься ты собственных ощущений.

— Я такого раньше не испытывала, — признаюсь я.

— Приму это за комплимент. Доверься мне. Я твой мужчина. И я хочу тебя.

— Миш, — пытаюсь возразить я, вырываясь из его крепких объятий. Исчезает тепло его ладони под платьем, где он гладил меня. И мне становится так пустынно и одиноко.

— Ааа. Выключай свою голову, Маш, — он делает шаг ко мне, а я отступаю еще на шаг, упираясь ногами в обивку дивана. — Умные мысли тебе сейчас только мешают. — Миша подходит ко мне, прижимаясь вплотную, гладит меня по спине, несильно вдавливая в свой торс. Животом чувствую твердый ком и нервно сглатываю подступившую слюну. — Закрой глаза. Чувствуй. — Горячие губы невесомо проходятся дорожкой по шее.

— А что будет потом?

— Я буду любить тебя. Нежно, страстно. Дико. Как ты захочешь.

— А потом?

Миша отрывается от меня и бурит меня раздраженным взглядом своих карих глаз.

— Маш, неужели ты думаешь, что я гонюсь за тобой столько времени ради разового перепихона?

Краска смущения заливает мои щеки.

— Я ведь серьезно хочу, — продолжает он. — С борщами там, котлетами.

— С борщами заниматься любовью не очень удобно.

— Я бы сказал неэтично.

Мы зависаем на паузе, а через секунду хохочем, как сумасшедшие. Миша валит меня на диван.

Мой смех застревает где-то в груди, когда я смотрю в смеющиеся ласковые глаза Миши. Мелкие морщинки разбегаются от глаз к вискам, смягчая его обычно строгий взгляд, и это

делает грозного майора таким милым, что из моей груди вместо продолжения смеха вырывается стон. Миша ловит его губами, нежно целует. Отрывается от моих губ и внимательно всматривается в лицо.

— Ты чудо, — эта фраза срывает все мои тормоза. Проходит током по венам, растекается по внутренностям, создавая пульсирующее напряжение внизу живота.

Прижимаюсь губами к губам Миши, выпускаю язычок в его рот, и он отвечает мне с не меньшим пылом.

Пространство вокруг нас сжимается и пульсирует, нарастающее давление внизу живота требует разрядки. Бедрями прижимаюсь к его паху, где твердым комом между моих ног давит его возбуждение. Кровь приливает к щекам от смущения. Но я мысленно гоню его прочь. Не сейчас. Не с этим мужчиной. Я хочу его, и мне больше не стыдно в этом признаться.

Миша целует меня с таким упоением, будто поклоняется богине. Шепчет: “Девочка моя. Сладкая моя”, сильные руки нетерпеливыми движениями задирают мое платье, потянув его вверх. Чуть поведя бедрами, помогаю ему освободить меня от мешающей одежды. Все долой. Все лишнее.

Стаскиваю с него куртку, которую он так и не снял при входе. Миша выпрямляет спину, помогая мне. Его крепкие длинные ноги прижаты к моим, не давая упасть с узкого дивана. Стягиваю следом за курткой его футболку и сажусь, провожу руками по крепким плечам, чувствуя маленькие мурашки подушечками пальцев. Мне необходим сейчас этот телесный контакт. Будто, оторвавшись от него, я теряю себя. Только слившись с ним я чувствую себя любимой, желанной. Боюсь потерять это ощущение и жадно прижимаюсь голым животом к его торсу, зацеловывая шею. Миша откидывает голову назад и хрипло выдыхает: “Машка-а-а”. Цепляет застежку моего лифчика и через секунду я чувствую, как ляжки щекочут кожу спины.

Миша слабо давит на плечи руками, вынуждая лечь. Ласкает бархатным взглядом мою часто вздымающуюся под лифчиком грудь.

Я плавлюсь, растекаюсь, тону в коктейле ощущений, затапливающих меня.

Миша медленно опускается, опираясь на локти. Подхватывает языком мочку моего уха, затем нежно всасывает, выбивая из меня тихий скулеж. Короткая борода сладко щекочет ключицу, и я дрожу, но не от холода. От предвкушения его ласк, и это так прекрасно!

Ладонями чувствую, как бугрятся мышцы его спины, когда он медленно тянет бретельки лифчика по одной вниз по плечам, сопровождая их нежными поцелуями. Чувствую холодок кожей, когда он убирает лифчик с моей груди, кожа покрывается колючими мурашками. Инстинктивно свожу плечи, стараясь стыдливо прикрыться, но Миша окидывает мою грудь восхищенным взглядом и восторженно шепчет:

— Ты идеальная.

Громко охаю, когда его горячие губы накрывают затвердевший сосок. Крепкие руки нежно подхватывают грудь снизу, а настойчивые губы втягивают сосок в рот. Меня выгибает дугой от нахлынувших ощущений.

Я действительно никогда не чувствовала такого раньше! Такого жгучего желания и томления, разъедающих внутренности. Чувство неудовлетворенности опоясывает живот, и я, приподнимая бедра стараюсь теснее прижаться к Мишиному паху. Его шаловливые руки тем временем опустившись с моей груди стягивают с меня трусики, которые улетев в неизвестном направлении с Мишиной подачи больше не сковывают ноги. Захлебнувшись

воздухом, нетерпеливо тяну ремень его джинсов. Миша помогает мне его раздеть, и когда из черных трусов выпрыгивает его огромный возбужденный налитой член, я с ужасом уставляюсь на него. Как эта штукавина в меня поместится?

Миша ложится сверху, ведя горячей ладонью по коже бедра, устремляясь в развилку между моих ног.

— Тшц, маленькая, расслабься. Тебе будет очень хорошо, обещаю.

Палец нежно ласкает клитор, губы проводят дорожку из поцелуев по моей шее к ключице, и я расслабляюсь. Я верю ему.

— Какая горячая, — шепчет Миша, проникая пальцем внутрь, задевая чувствительную точку и ритмично на нее надавливая, вызывая тугую напряженность внизу живота. Я стону в голос, не сдерживаясь, растворяясь в ощущениях.

Тишину комнаты нарушают только наше сбитое дыхание и хлюпающие звуки между моих ног.

Перед глазами возникает темная пелена, когда низ живота простреливает электрическими токами. Остро чувствую, как вокруг Мишиного пальца все сокращается. Громко кричу, и Миша накрывает мои губы, вынимает палец и тут же давит членом, пытаясь войти в меня.

Развожу шире ноги, впуская его. Он проникает в меня мягко, плавными толчками растягивая изнутри, чередуя каждый свой выпад нежными и такими страстными поцелуями.

Внутренности воспаляются, каждую клеточку покалывает от близости этого мужчины. Кровь оглушающим толчком бьет в голову.

— Не больно? — стонет Миша на ухо.

— Не-ет, — выдыхаю я.

Возникающее напряжение, увеличиваясь, распространяется по телу.

Моя голова мечется по обивке дивана, когда Миша укоряется. Грань между удовольствием и желанием стирается. Остаются лишь острые ощущения его твердого члена внутри меня.

Я словно падаю с высоты полета, Миша подхватывает меня и отправляет снова за грань, где стирается настоящее и будущее ритмичными движениями разгоряченных тел в унисон совпадающих пульсов.

Тугая пружина неудовлетворенности натягивается внизу живота, требуя разрядки.

— Миша! Миша! Миша, пожалуйста, — молю я.

— Сейчас маленькая, — задыхаясь отвечает он. Юркий палец надавливает на мой клитор раз за разом, в такт движения его члена во мне, пока пространство вокруг не взрывается миллиардом цветных фейерверков.

Где-то на задворках сознания ловлю громкий стон Миши, оголенной кожей влажного от пота живота чувствую горячую струю его семени.

В голове все звенит и пульс бьёт набатом. Приятная нега растекается по телу. Хочется свернуться клубочком от холода, когда Миша покидает меня. Не открываю глаз, стараюсь не упустить это чувство наполняющего меня счастья.

На живот ложится прохладная ткань влажного полотенца, вытирая следы его страсти. Сладко потягиваюсь, разгоняя кровь в напряженных мышцах тела.

Через минуту слышу насмешливый окрик Миши из коридора.

— Машуль, а ты в курсе, что твои соседи чуть не стали свидетелями экранизации 18+?

Мои глаза в ужасе распахиваются сами собой. Я вспоминаю, что вместо входной двери в

квартиру сейчас зияет огромная дыра.

От охватившего меня чувства даже не подумала, что сюда мог войти любой из соседей. И что мои крики разлетались по всему подъезду.

Стыдно-то как!

40. Михаил

Возвращаюсь в комнату и со вздохом надеваю джинсы. Машка, сбежав в свою спальню, появляется в дверях зала, когда я застегиваю штаны. Футболку не надеваю принципиально. Пусть любит. Залипаю на застывшую как статуя женщину в коротком фиолетовом халатике, надетым на голое тело. Соски острыми камешками соблазнительно выделяются под тонкой шелковой тканью. Стройные ножки просто сводят меня с ума. В следующий раз хочу закинуть их себе на плечи, доставляя больше удовольствия и ей и себе.

Машка тербит край халата, смущенно смотрит в пол. Длинные волосы растрепаны и роскошной копной струятся по ее плечам.

Чувствую в штанах напряжение. Несмотря на недавний заход, я хочу ее еще. Одного раза на сегодня мне мало.

Однако, удовольствие потом, сейчас нужно кое-что сделать.

— Маш, у тебя инструменты есть?

— Да. Папины остались, — убегает из комнаты, и через минуту тяжело дыша вносит огромный синий пластиковый ящик. Видимо тяжелый, судя по тому, как напряжены ее руки.

— Ты с ума сошла такие тяжести таскать? — подлетаю к ней и вырываю ящик из ее рук. — Показала бы где, я сам достал бы.

— Я как-то не привыкла, — смущенно тянет Машка.

— Привыкай, — целую ее в макушку. — У тебя теперь мужчина есть.

С тихим смешком Машка убегает в спальню. И приносит в руках коричневые домашние тапки, бросает их на пол.

— Полы холодные, Миш.

Ах ты ж заботливая моя!

— Это откуда? — выгнув бровь, удивленно интересуюсь. Если ее бывшего...

— Анжелка принесла, — прижав ладонь ко рту смеется Машка. — Для привлечения мужика в дом.

— Ритуал сработал, — соглашаюсь я, обуваясь.

— Еще есть красные труселя. Тебе нужно?

— Нет, спасибо. Это весь набор?

— Еще есть бритва и пена для... — осекается она. — Но это видимо лишнее.

Притягиваю ее за талию к себе. Утыкаясь носом в ее макушку.

— Если хочешь, я все сбрую, — шепчу я, имея ввиду бороду.

— Не надо, — Машка опускает голову на секунду, а потом одаривает меня взглядом своих счастливых серых глаз. — Мне нравится. — И убегает в кухню.

Я поднимаю тяжелый ящик и несу это добро в коридор. Разглядываю масштаб катастрофы.

Славкины орлы постарались на славу. Тяжелая деревянная дверь целехонькая лежит на полу, только с петель слетела.

Открываю крышку ящика и удивленно присвистываю. Он доверху набит полезными железяками.

— Мой папа плотник, — говорит Машка, появляясь с белым полотенцем в руках. — Он мне подарил такой же набор инструментов, какой у него дома лежит.

— Молодец твой папа.

Про ее бывшего мужа не спрашиваю, ответ и так ясен — хрен что этот прилизанный хлыщ тут ремонтировал.

— Машуль, приготовишь что-нибудь поесть, пока я тут поколдую? — притягиваю смущенную женщину к себе и с наслаждением вдыхаю цветочный запах ее волос. А еще она пахнет сексом и мной. Упоительное сочетание. Чувствую себя шкодливым котом, пометившим свою территорию. Никуда она от меня больше не денется. Моя.

— Я как раз собиралась. Думала, ты проголодаешься.

— Моя ж ты умница.

Пока Машка возится в кухне, я пристраиваю дверь на ее законное место, намертво прикрутив слетевшие от удара петли. Однако вся эта конструкция не внушает доверия. Дверь допотопная, такую еще в советское время изготавливали. Ненадежная от слова “совсем”. Завтра закажу ей новую. И оплачу. Безопасность моей женщины превыше всего. Из кухни доносятся умопомрачительные запахи, и я вспоминаю, что в последний раз я ел рано утром купленный в кафешке бутерброд.

Мне нравится, как Машка готовит. Просто, сытно и быстро. Мне хочется, чтобы она готовила для меня всегда.

— Все готово, Миш, — кричит она из кухни, а у меня в груди разливается приятное тепло. Это звучит так мило, по-домашнему. — Ты скоро?

— И у меня все готово, Маш, — хриплю я ей в ухо, входя в кухню и вжимая теплую вкуснопахнущую женщину спиной в свой торс.

— Я сейчас накрою, — отстраняется она.

— Куда инструменты прятать, хозяйюшка моя?

— Во встроенный шкаф на нижнюю полку, — кричит она из кухни, пока я складываю инструменты в коробку и закрываю ее. — Задвинь подальше.

— Хорошо.

Через несколько минут мы уплетаем вкуснейшие в моей жизни макароны с мясом в томатном соусе. Шутим, смеемся, рассказываем друг другу о себе. Я узнаю, что Маша — единственный и горячо любимый ребенок. Ее отец всю жизнь тяжело работал, чтобы прокормить семью. А мама работала учителем в школе, и Маша решила идти по ее стопам. Несколько лет назад ее родители продали свою квартиру и купили домик в деревне. Развели хозяйство, купили скот и живут на скромную пенсию. Не шикуют, но и не бедствуют.

— А где твои родители? — интересуется Маша.

— Я с ними не общаюсь. Ушел из дома, когда мне было шестнадцать.

— Почему? — охает она.

Убираю ложку в сторону, встаю с табурета и отношу грязную посуду в раковину.

Оперевшись на край раковины ладонями, молчу, подбираю слова.

— Понимаешь, мой отец — непростой человек, — каждое слово будто выталкиваю из себя сквозь хрип. — Он работал в милиции, дослужился до высокого чина. Его на работе все хвалили, ставили мне в пример. Однако отцом и мужем он был дерьмовым.

— Он обижал вас? — охает Машка.

Я открываю кран и мою тарелку с ложкой, раскладывая их потом по местам.

Не могу произнести это вслух. Нехорошо жаловаться на родителей, как бы плохо мне не было. Они меня родили, воспитали, сделали меня таким, какой я есть. Я должен быть им благодарен, однако чувствую лишь горечь.

— Я предлагал маме уехать, но она отказалась, — наконец произношу я, приседая

обратно на табурет. Машка напряженным взглядом сканирует мое лицо. Глаза ее блестят влагой. — Ну ты чего? — ссаживаю ее с табурета на свои колени.

— Просто это так грустно, — всхлипывает она, прижимаясь своей щечкой к моей ключице, пуская по телу мурашки. — Ты такой хороший, а в жизни твоей все так плохо складывается.

Цепляю пальцами ее подбородок и губами стираю слезы с пухлых щечек-яблочек.

— Это все в прошлом, Маш, — шепчу я. — Сейчас у меня есть ты, моя дочь здорова, у нее все хорошо. И я счастлив.

Машка снова всхлипывает и обнимает меня.

— Мишка, какой ты замечательный.

— Женщина! — шутливо прикрикиваю на нее. — Отставить слезы! Идём в кроватку, — добавляю чуть тише.

— Есть отставить, — смеётся она, хлюпая носом.

Беру ее на руки и несу в спальню, аккуратно кладу на кровать.

— Одежду долой, — команду ей, а сам раздеваюсь.

Машка, выгнувшись кошкой и согнув свои шикарные стройные ножки в коленях, медленно развязывает пояс короткого халатика.

Вызывающе смотрит мне в глаза, облизывает свои пухлые алые губки.

Соскучилась сладкая моя. А меня не нужно соблазнять. С Машкой я всегда готов, что и демонстрирую ей, снимая джинсы, швыряя их возле кровати и позволяю скользнуть ее взгляду по моему накачанному торсу. Армейская привычка делать зарядку по утрам приносит свои плоды каждый раз, когда я раздеваюсь перед красивой девушкой. Но эта последняя. Единственная. Я так решил.

— Снимай эту тряпку, малыш, — ласкаю взглядом стройные ножки.

Приподнявшись на локтях и чуть поведя плечами моя малышка позволяет шелковой ткани соскользнуть с точеных плеч, демонстрируя свое обнаженное тело. Томно смотрит мне в глаза, чуть прикусывая пухлую губку белыми зубами.

Падаю ладонями на кровать, стараясь не придавить мою красавицу и впиваюсь в ее губы поцелуем. Машка пылко отвечает мне, запуская сноп мурашек по моей спине. Ласкаю руками ее бедра, забираюсь пальцами между ними. Она готова. Горячая и мокрая. Растираю смазку по ее губкам.

— Миша-а-а, — тихонько хнычет мне на ухо, выгибаясь дугой.

— Хочешь?

— Хочу.

— Попроси.

Смущается, краснеет, но взгляда не отводит.

— Миш, пожалуйста, — кричит она, когда я надавливаю на клитор массирующими движениями и вхожу пальцами внутрь.

— Попроси, сладкая моя. Я весь твой. Давай.

— Миша-а-а, — голова Машки мечется из стороны в сторону, длинные шелковистые волосы растрепались, образуя облако вокруг ее головы. Самое прекрасное зрелище на свете — желанная обнаженная женщина в постели, молящая о ласке. Только бы раскрепостить ее немножко...

— Скажи, чего ты хочешь, Маш. Скажи это в слух.

— Трахни меня! — не выдерживает сладкая, сокращаясь вокруг моих пальцев.

— Нет, так дело не пойдет, — шепчу серьезно, снимая трусы и устраиваясь между ее стройных ножек. — Мы займёмся любовью, моя хорошая.

Приставляю головку члена к ее губкам, вожу ею, размазываю влагу, чуть надавливаю, и Машка протяжно стонет. Шлёпает своими ладошками по моей заднице и тянет к себе, вынуждая войти на всю длину.

Как же в ней тесно! Горячо, влажно и так сладко! Где же ты раньше была, маленькая моя?!

Сердце стучит в груди, разлетаясь импульсами в такт каждому движению в ней. Дав ей привыкнуть к вторжению, вколачиваюсь быстро, хаотично, следя за тем, чтоб не морщилась от боли.

— С борщами... Ах! И котлетами? — задыхается Машка. Нашла время шутить.

— Борщами... и котлетами... будем... ужинать. Каждый. Вечер. — Вколачиваюсь на каждый выпад. — А любовью занимаемся мы с тобой, моя хорошая, — шепчу я, прежде чем снова ускориться.

Машка, закрыв глаза от наслаждения протяжно стонет, и этот звук отдаётся сладкой истомой в моем теле.

— Миша, Миш, пожалуйста, — снова просит она и я понимаю, чего она хочет.

Надавливаю на клитор пальцем и Машку трясет в оргазме. Ее плоть вокруг моего члена сокращается, руки лихорадочно мечутся по моей спине.

— Миша-а-а.

Припадаю к ее шее губами, ловлю языком капельки пота. Машка открывает глаза, взгляд ее расфокусирован. На губы лезет радостная улыбка.

— Миша, — словно впервые увидела восклицает она.

— Ты кого-то другого ожидала увидеть? — изгибаю правую бровь.

— Нет, нет, нет, — смеётся она, обнимает за шею и сладко целует.

— Понравилось?

— Очень, — восторженно выдает она.

— Мы ещё не закончили, — делаю выпад бедрами.

— Ох!

Закидываю ее ножки себе на плечи, целую лодыжки, не прекращая движений.

Под бедра хватаю, приподнимая. Меняю угол проникновения. Машка хватается за простыни, стонет громче. Выгибается дугой. Шепчет в пустоту, словно молитву: "Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста". Знаю, что ей еще разрядка нужна, но следую своим эгоистичным желанием, не даю ей этого. Хочу продлить удовольствие.

Но ее словно током прошибает. Мультиоргазмическая моя. Замирает на миг, и тут же пульсировать вокруг моего члена начинает. Сжимает все так, что я не выдерживаю. Изливаюсь в нее с громким стоном и ее стон эхом вторит мне. Музыка для ушей.

Знаю, что после долгого перерыва у нее там натерто все, хотя я старался аккуратнее действовать.

Повременить со следующим разом нужно. Но как ее из объятий выпустить — не представляю.

Она моя идеальная. Наполняет жизнь смыслом.

Лежу на постели, прижимая ее сонную крепко и думаю, думаю, думаю...

— Маш, давай больше без этих мужиков, а? Я устал гоняться за тобой и выдворять их.

— Я хотела...

— Что?

— Понимаешь, Виталина и Вадим... — приподнимается на постели, сядясь. Прижимает колени к груди, обвивает их руками. Словно в кокон снова забралась. — В общем они хотят, чтобы я подарила им свою квартиру.

— С чего она взяли, что ты это сделаешь? — тоже приподнимаюсь. Обнимаю ее за плечи.

— Помнишь, ты Вадима избил?

— Избил, это громко сказано, — хмыкаю я. — Так, припугнул маленько. И что?

— Он снял побои. Виталина грозитя, что Вадим пойдет в прокуратуру, если я не отпишу ей квартиру.

— А ты что? — хмурюсь я

— Я решила доказать ей, что ты мне не так дорог, как им кажется и привести на их свадьбу другого мужчину, — она поворачивается ко мне, изогнув ноги.

— Гениальный план!

— Миш, они бы тебя посадили! — так доверчиво смотрит на меня, ведя тыльной стороной указательного пальца по моей щеке. Как маленького утешает. Но мне нравится.

— Ну отсидел бы. Ты бы меня ждала?

— Нет! — качает она опущенной головой.

— Нет? — обида маленьким уколом колит в сердце. — Я думал, что немножечко нравлюсь тебе.

— Нет, то есть я не хочу, чтобы ты сидел в тюрьме. Ты же не виноват. Ты защищал меня.

— Маш. Давай сразу договоримся. — цепляю пальцами ее подбородок, вынуждая смотреть в глаза. Настроен я серьезно. — Ты — моя женщина, и отныне ты под моей защитой. Со своими проблемами я сам разберусь. И с твоими тоже. Тебе больше не стоит никого бояться. Ясно?

— Да, Миш.

— Тогда засыпай, моя хорошая, — целую ее в висок.

Она укладывается, спиной прижимаясь к моему боку.

А мне не спится.

Я занимаюсь любимым делом, но в последние годы оно не приносит мне радости. А теперь... Приходя домой, хочу видеть ее счастливую радостную улыбку. Сердце заходится в диком танце от мысли, что я все делаю не зря. Ловлю преступников, получаю нагоняй от начальства, защищаю своих родных. Лизка и Машка — мое все. Мои девочки. Чудные, беззащитные. Люблю...

Я люблю Машу всем сердцем. Грудь наполняется болью от мысли, что больше не увижу ее, что не будет ее в моей жизни. Не отпущу.

Прижимаю к себе свою женщину теснее и шепчу на ушко:

— Маш.

— Ммм, — еще не отошедшая Машка поворачивается на постели и с недоумением во взгляде смотрит на меня.

— Не убегай от меня больше, — прошу с мольбой в голосе.

На ее лице расцветает радостная улыбка. Она смущенно утыкается носом мне в подмышку.

— Не буду, Миш.

Идилию разрушает телефонный звонок моего мобильного. Машка, потянувшись к моим джинсам выуживает оттуда телефон и не глядя на экран передает мне.

Лиза. Холодок пробегает по спине. Может случилось что?

— Паап, — шепчет дочурка, а у меня волосы дыбом на затылке встают от страха за нее.

— Лиз, что случилось? Ты в порядке?

— Да... тут это... Мама приехала.

41. Михаил

Леля сильно изменилась с тех пор, когда я ее видел в последний раз. Я помню её уставшей, с синяками под глазами от вечного недосыпа и криков ребенка.

Сейчас передо мной сидит холеная уверенная в себе женщина в дорогом синем платье, с красивой прической и победным выражением лица.

Видимо муж номер два нехило так на карман кидает. На свою полицейскую зарплату я бы не смог обеспечить столь дорогие запросы жены. Вот она и ушла. Здесь всплывает вполне закономерный вопрос: "А как же любовь?"

А была ли она — эта любовь?

Уже не хочу знать.

Перегорело.

— Зачем приехала? — вместо приветствия задаю вполне логичный вопрос. Присаживаюсь на рядом стоящий с ней табурет в кухне.

— Фу, как грубо, Медведев. Я к дочери вообще-то, — брезгливо кривится эта стерва.

— Она хоть рада тебя видеть?

— Конечно. Я же ее мать, — стряхивает пепел с сигареты в кухонную вазочку.

— У нас не курят, — забираю сигарету, тушу и выкидываю ее в ту самую вазочку. Потом уберу. — А Лиза тебя хоть помнит, мать? — Интересуюсь ядовито. Раньше думал, что только женщины ядом прыскать умеют. Но от ее наглого и уверенного тона... Утопить, вывезти в лесочек и прикопать там же хочется.

— Миша, сбавь тон. Я вообще-то на своей территории нахожусь. А вот ты, насколько мне известно, здесь персона залетная.

— Так ты за наследством приехала? Забирай, — рассекаю руками пространство.

Леля в ответ лишь хрипло смеётся.

— Я к дочери приехала.

— Повторяю свой вопрос: ты ей нужна?

— Миш, давай не будем горячиться. Я здесь по делу.

— По какому, блин, делу? Тебя не было пятнадцать лет, Леля! — взрываюсь я. Бесит эта женщина. Холеной стала, вызывающе красивой. Не той невинной красотой, на которую повелся много лет назад. Вся ее красота теперь — заслуга пластических хирургов и косметологов. Вижу, что убрала горбинку на носу, которая ее так бесила. Скулы стали чуть выраженной. Вокруг глаз и на лбу совсем нет морщин. И любая эмоция, проскальзывающее на ее лице никак не отражается. словно застывшая маска. Не рановато ли для ботокса?

Бесит то, что я оставил расстертую Машку в разворошенной постели. Поцеловал и пообещал скоро позвонить. Свалил с рассветом, как последний мудака. Не такое отношение требуется женщине после первого секса. Машка не одноразовая блядь, она моя женщина. Любимая, единственная.

И все ради чего? Выяснить, зачем приехала эта... стерва. И как тут Лизка себя чувствует от такого открытия. Хорошо, что малая сидит в своей комнате, ждёт, пока мы поговорим.

— Я же сказала — я приехала к дочери, — нудным тоном, словно имбицилу объясняет, а у меня в груди все кипит от возмущения. — Я хочу восстановить родительские права на дочь.

— Не поздноато спохватилась? — цежу ехидно. — Она уже взрослая. Наверстать

упущенное ты не успеешь.

— Посмотрим, — театрально вздыхает эта дрянь.

Сжимаю зубы крепко, чувствую, как они скрежещут. И все, чтобы не прибить эту гадину. Никогда не думал, что некогда любимый человек может так бесить. Любил до умопомрачения. Все для нее. Работал после учебы в школе полиции, чтобы были деньги на ухаживания. Цветы, кино, рестораны. Как я был счастлив, когда она ответила мне согласием на предложение пожениться. Обставил все в лучших традициях романтического кино: свечи, ужин, лепестки роз, кольцо стоимостью моей полугодовой получки. Все для нас. Как мы радовались, когда Лелька забеременела!

Наша девочка. Плод нашей любви.

А затем все обернулось кошмаром, когда Леля исчезла. Маленькая Лиза не понимала, что происходит. Искала маму, плакала навзрыд. В сердце до сих пор отдает фантомной болью при воспоминаниях о мучениях дочери.

Ударить не могу, хоть очень хочется.

Ещё с детства усвоил правило — слабых и беззащитных не обижать. Женщина относится к этой категории априори. Но как сдержаться, когда руки сами тянутся придушить гадину. Эх, хватило бы выдержки!

Сидит передо мной, весело рассказывает о своей жизни в Германии, о том, как ее второй муж на руках носит, какой прекрасный у нее сын.

— Лизке бы понравился Артур. Они бы подружились. Брат и сестра всё-таки.

— Ты что хочешь увезти Лизу в Германию? — вскакиваю я.

— Да не кипятись ты, — делает взмах рукой Леля. — Я ещё не решила.

— Значит так, — делаю глубокий вдох и продолжаю: — Катись обратно в свою Германию к своему распрекрасному мужу и замечательному сыну. Ты нам тут не нужна. Лиза никуда не поедет, — припечатываю я.

— Это не тебе решать, Миша, — невозмутимо отвечает Леля. — Где я могу разложить свои вещи?

— Ты надолго приехала? — вздыхаю я, понимая, что она имеет полное право жить здесь.

— Пока на месяц, там посмотрим.

— Занимай мою спальню, — делаю взмах рукой в сторону комнат.

— А ты? — игриво хлопает глазками.

— А я посплю на диване.

— Может со мной? — ведёт плечом.

— А как же муж номер два?

— То, чего он не знает, ему не повредит.

— Ну ты и дрянь, Леля. Иди спать.

— Ми-и-иш.

— Леля, иди спать.

Захожу в комнату дочери. Та уже спит со счастливой улыбкой на губах, прижимает к себе плюшевого медведя. Я его раньше не видел, да и взрослая она уже для таких игрушек. Значит Леля подарила. Символический подарок, но хоть что-то.

Достаю с антресолей подушку с одеялом, укладываюсь на диване, не расстилая постельного. Не до этого мне сейчас. На улице рассвет, на работу вставать через час.

Несмотря на усталость, сон все равно не идёт. Лелю выгнать из квартиры не имею

права, она тут такая же хозяйка, как и Лиза. По-хорошему бы съехать самому, но оставлять дочь с этой женщиной не могу. Неизвестно, смогут ли они поладить. Лизка, несмотря на обиду, может и рада приезду матери. Но я должен быть здесь, чтобы в случае ссоры мог быть буфером между ними.

Как объяснить все Машке, не имею ни малейшего понятия. Что она подумает обо всем этом? Гонялся за ней по всему городу, срывал свидания, трахнул в конце концов! И ушел, не дожидаясь рассвета. И как я ей скажу, что со мной будет жить моя бывшая жена, которую я не имею права выгнать?

Я вижу, как Лиза нуждается в матери, и не могу препятствовать их общению, их сближению. Может Леле удастся залечить ту боль, которую она нанесла дочери своим уходом и отсутствием в ее жизни все это время.

Пишу Маше смс с просьбой, чтоб зашла ко мне в отдел завтра после работы. Поговорить нам надо, желательно с глазу на глаз. Такие вещи не обсуждаются по телефону или, тем более, в сообщениях.

И следующим сообщением кидаю ванильную хрень, которую так любят женщины. Типа люблю, трамвай куплю.

Я не романтик совсем, и ухаживать красиво не умею. Вешать лапшу на уши понравившейся женщине — это не мое.

Но Машку хочется баловать, радовать. Чтобы стереть это грустное выражение с ее красивого личика. Чтобы ее серые глазки так же доверчиво и восхищенно смотрели на меня всегда.

С ней хочется тепла и уюта, семейных посиделок, поздних ужинов.

Ребенка может быть, если захочет. Я не против, даже рад буду.

Любить этого малыша буду так же сильно, как люблю Лизку. Да и она, я думаю, будет рада сестричке или братику. Сама себе мачеху искала. Не просто же так.

42. Михаил

Вот почему если случается жопа, то во всех сферах жизни сразу?

Утром, понаблюдав, как Леля кружит по кухне, готовя завтрак для нашей дочери, я поговорил с Лизой наедине в ее комнате. Просил не говорить пока Маше о возвращении матери. Эта скромная училка может такого накрутить в своей голове, что я не разгребу до конца своей жизни. Я должен сам все объяснить, и я это сделаю.

Дочь, пообещав, что никому ничего не скажет радостно восприняла возвращение Лели. Сказала, что хочет побыть с мамой, поэтому я не стал настаивать на отъезде бывшей жены.

Пусть притираются друг к другу, находят темы для общения, общие интересы.

Слыша, как Лиза обращается к Леле радостным "Мам", меня передергивает от сюрреалистичности происходящего. Картинка семьи не складывается в моем понимании. Леля в своем светло-бежевом платье от кутюр, поверх которого повязала тещин передник, накладывает оладушки на тарелку перед довольной дочерью. Щенячий восторг, написанный на лице Лизы вызывает дикую боль за грудиной. Таким должно было быть каждое утро моей дочери. Заботливая мать, задающая вопросы о школе, о друзьях, об увлечениях. Каждый, мать его, день!

Но я молчу из желания продлить мгновенья счастья Лизы, ведь я прекрасно понимаю, чем все закончится: Леля снова уедет, а дочь будет безутешна. Но я так сильно люблю свою дочь, что не могу устроить скандал и выгнать ее мать из дома. Просто не могу.

И поэтому ухожу на работу, желая оказаться от этого кошмара подальше.

В отделении меня встречает заспанный дежурный с объявлением о том, что лейтенант Ломовицкий (он же раздолбай Митя), вчера напившийся вдрызг из-за ссоры с подружкой сердца, сел в полицейский УАЗик с желанием уехать куда глаза глядят, но не учел того факта, что эти самые пьяные глаза не видят перед собой мелких деталей в виде столба, держащие электрические провода.

Столб пополам, машина восстановлению не подлежит, весь район без света. А мой рабочий телефон разрывается от звонков начальства. И только пьяно храпящий Митя, чудом не пострадавший в аварии, мирно спит в обезьяннике.

Замечательно!

Просто великолепно!

Сцепив зубы направляюсь в свой кабинет отвечать на звонки, писать объяснительные, сделать выговор Мите, когда это чудо соизволит проснуться.

В три часа дня в дверь робко стучится Маша и после моего злого: "Да!!!" замирает на пороге, крепко сжимая в руках маленькую черную сумочку. Мне нравится ее образ сегодня. Строгое, но стильное платье фиолетового цвета до середины бедра, волосы распущены. Поверх платья то самое пальто, что было на ней в первый день нашей с ней встречи.

— Машка! — выдыхаю я. Встаю с кресла и распахиваю ей свои объятия.

Она с радостной улыбкой бросается ко мне. Крепко прижимаю ее к себе за талию, зацеловываю родное любимое лицо, руками ласкаю спину, Машка выгибается дугой, вжимается в меня крепче.

Кайф!

— Ты чего злой такой? — запыхавшись, словно стометровку пробежала, Машка внимательно всматривается в мое лицо.

— Да снова Митя... — ворчу я. Вместо того, чтоб думать о делах я решаю его проблемы. — Нет в нем ответственности. Зачем в полицию подался? Вот хороший же парень. Толковый, башковитый. Отчаянный. А ответственности ноль.

— Это возраст, — возражает Машка, теснее прижимаясь ко мне. Это действует на меня успокаивающе. Чувствую, что напряжение сдавливающее меня на протяжении последних недель куда-то уходит. Это удивительно, как действует на меня поддержка любимой женщины. — Когда от его действий будет зависеть жизнь дорогого ему человека, то он перестанет косячить.

— А сейчас мне что с ним делать? — тяжело вздыхаю, целуя Машку в макушку.

— Воспитывать.

— Я в няньки не нанимался

— Миш, — вздыхает Машка, — быть начальником — это не только приказы раздавать. Нужно принимать участие в жизни своих подчинённых. Ты ведь не только начальник, но и наставник, учитель. Пока ты воспринимаешь его только как сотрудника, он и будет приходить на работу, лишь бы зарплату получать. Вы оба не просто так пошли работать в полицию. У вас обоих есть общая цель. Вот и воспитывай в нем силу духа.

От нежности и восторга Машиного взгляда щемит в груди.

— Ты настоящая женщина, Маш. Как тебе удаётся свести всю злость на нет, сгладить все углы?

— Быть учителем нелегко. Наши профессии немного похожи.

— Ты настоящий соратник, — смеюсь я.

В этот момент я понимаю, что женюсь на этой женщине. Что хочу прожить с ней всю жизнь, воспитывая детей, внуков. Встретить с ней старость.

От волнения сердце скачет как сумасшедшее. Подавляю в себе порыв встать на одно колено и предложить ей руку и сердце.

Сейчас нужно поговорить о другом и я молю всех Богов, чтоб Машка поняла меня правильно. Она такая рассудительная.

Дверь с грохотом открывается, прерывая наше уединение.

43. Машенька

Подскакиваю от громкого звука открывшейся двери и замечаю на пороге привлекательную ухоженную женщину с брезгливым выражением на красивом лице. Ее черты мне немного знакомы, это чувство так неуловимо, но я не понимаю, что происходит. Чувствую, что происходит какое-то событие, не касающееся меня, но очень знакомое Мише, потому что он напрягается и отпускает меня.

— Медведев, ты бы хоть закрывался, когда тискаешься со своими шлюхами, — разлетается по кабинету звонкий недовольный голос.

И тут я отчетливо понимаю, кто эта женщина.

— Леля, будь так любезна, закрой дверь с той стороны, — цедит Миша сквозь зубы. Между ними улавливаю поединок взглядов.

Женщина, ничуть не смутившись закрывает дверь, но не как Миша просит, а проходит по кабинету, огибает меня, словно я невидимка, разглядывая интерьер.

— Ну ты молодец, конечно, — женщина разводит руки в стороны, осматриваясь вокруг. — Такой красивый кабинет, все стильно и со вкусом. Лизка помогала с ремонтом? — щебечет она, приближаясь к Мише и обнимает его. Я стою в стороне, будто на экране телевизора наблюдаю кино.

Миша с раздражением сбрасывает ее руки.

— Леля, какого хрена ты тут делаешь?

— Зашла навестить любимого мужа, а что нельзя?

— Нельзя. Уходи отсюда.

— Миш, — женщина приседает на стул и закидывает ногу на ногу. — Не горячись так. Мы должны решить наши разногласия ради Лизы. Настало время поговорить по душам. Девушка, — обращается она ко мне. Я словно выхожу из оцепенения и поворачиваю голову на звук ее голоса. — Освободите кабинет, пожалуйста. Не видите, у нас личный разговор.

— Личный? — я словно в прострации нахожусь. Переспрашиваю на автомате.

— Конечно личный! — смеется она. — К майору жена приехала.

Перевожу изумленный взгляд на Мишу, его зрачки расширяются. На лице отчетливо написана растерянность и вина.

Что происходит?

— Ты ей не сказал? — звонко смеется эта женщина. — Ах, да, не нужно посвящать шлюх в подробности своей семейной жизни.

На меня словно ушат дерьма вылили.

— Маша не шлюха, Алена, — Миша злится, выделяет интонацией ее имя, словно провоцирует женщину. — Это классный руководитель Лизы и моя женщина. А вот ты будь любезна, выйди отсюда. Ты кажется к дочери приехала? Вот и катись отсюда. Лизы здесь нет.

— Жена? — мой тихий, почти плачущий голос раздается среди канонады их громких голосов тихим шелестом.

— Маш, я тебе все объясню, — выставляет руки вперед Миша. Умоляюще смотрит на меня.

— Не надо, — сглотнув комок, застрявший в горле, проговариваю убитым тоном.

— А вы та самая... — женщина рассматривает меня пристально с головы до ног. —

Дочка рассказывала мне про вас. Что ж. Ваши услуги больше не требуются, — наконец выносит вердикт она. — Воспитанием дочери я займусь сама.

И эти слова как контрольный выстрел в голову срывает все мои сомнения.

— Пока, Миш. Желаю счастья.

Разворачиваюсь и выхожу из кабинета. Звуки Мишиного голоса, зовущего меня и другого, женского, осаждающие его, тонут в гулком шуме, что стоит в моей голове.

Это какой-то кошмарный сон. Сейчас я проснусь в своей квартире на любимом шелковом фиолетовом постельном. Миша обнимет меня, прижмёт к себе крепко и скажет, что никогда не уйдет из моей жизни. Не бросит, не даст в обиду.

— Маш, подожди, — нагоняет меня майор возле выхода из здания. — Она внезапно приехала, я не успел тебе рассказать.

— Ты поэтому сорвался среди ночи? К ней? — отворачиваюсь, пряча набежавшие слезы.

— Маш, я волновался за Лизу. Неизвестно, чтобы произошло, если бы она не приняла мать.

— А она приняла? — глотаю ком в горле и понимаю: конечно же приняла. Это же мать.

— Да. Я не могу препятствовать, Маш. Лиза имеет право побыть с матерью.

— Конечно.

Предатели. Все вокруг предатели.

— И что дальше, Миш? Ты вернешься к ней?

— Маш, — вздыхает он и чешет затылок, — Это все сложно...

— Сложно значит! Иди к своей жене, товарищ майор! — выкрикиваю в лицо растерянному Мише. Резко открываю тяжелую металлическую дверь навстречу свежему весеннему воздуху.

Боюсь, что Миша пойдет за мной, но этого не происходит. Не останавливает, не убеждает, что все это неправда.

На ватных ногах выхожу из здания РОВД и направляюсь в сторону Анжелкиного дома. Она знает, какие слова найти, чтоб утешить, подскажет, что делать. В прошлый раз я согласилась на авантюру в виде регистрации на сайте знакомств. Я больше не поступлю так, но никогда в своей жизни я не пожалею о содеянном.

44. Машенька

— Давай, — перекрикивает Анжела громкую музыку, звучащую из колонок клуба и поднимает в руке стопку с шотом. — За нас красивых, за них неверных!

Мы опрокидываем в себя приторно-сладкую тягучую жидкость. Бармен сказал, что от них отшибает память напрочь, обещал вызвать нам такси. Столик усеян короткими стопочками с разными шотами.

Свет софитов рассекает пространство, бегающими лучами падает на танцующих на площадке людей. Девчонки с блестящих платьях извиваются на танцполе, мужчины сканируют их изучающими взглядами. От этой атмосферы мне не по себе, я ведь домашняя от кончиков пальцев до волос на голове. Но настроение дерьмовое настолько, что сидеть дома и жалеть себя становится невыносимо. Хочется крушить все вокруг и кричать от злости. На саму себя за то, что поверила Мише, что у нас все серьезно, а он просто хотел развлечься. На Мишу, что так воспользовался моей доверчивостью. Мне ведь не так просто было впустить его в свое сердце. Но он подкупил меня своей улыбкой, ласковым взглядом выразительных карих глаз, нежным шепотом на ушко во время величайшего удовольствия моей жизни, которое он доставлял мне раз за разом. Я поверила ему!!! Лежала утром с глупой улыбкой на лице, обнимала подушку, пахнущую Мишей и представляла нашу совместную жизнь. Малыша с его красивыми глазами и моей доверчивой улыбкой.

Дура! Дура! Дура!

Горько так, потому что мечты разрушены громким издевательским хохотом матери Лизы, до сих пор звучащим в моей голове. И даже громкие басы от которых дрожит столик и пространство вокруг не заглушает этот гадкий хохот и растерянный взгляд любимых карих глаз...

Анжелика весь день ходила по школе сама не своя, а я плохая подруга вместо того, чтобы выяснить, что у нее стряслось, рванула к Мише в отделение. Так рада была его видеть. Задыхалась от счастья, когда он обнял меня. Как родную. Как будто соскучился. Так сладко.

И теперь меня тошнит от своей наивности, глупости, желания помочь всем вокруг.

А получается, что некоторым не нужна эта помощь. Всем и без меня хорошо. А я так... Прикольное развлечение.

Анжелика только выдвигает тосты и закидывает жареные орешки себе в рот.

— Анжел, — придвигаюсь ближе к ней и обнимаю за плечи. — Может все не так плохо?

— Он мне предложение сделал, — плачет подруга. — А я рассмеялась, вместо того, чтобы охнуть от восторга и сказать "да".

— А он что?

— Он так разозлился! — Анжелка выпучивает глаза и устремляет свой взгляд в пространство. — Кричал, что не малолетка какой-то, что влюбился в меня с первого взгляда. Что хочет всю жизнь со мной быть, детей там, домик у моря. И вместе до самой старости.

— А ты что?

— А я не успела ничего возразить, он ушел. Он бро-о-осил ме-е-еня-а-а, — воет подруга, а у меня сердце сжимается от жалости.

Видимо не только у нее есть этот комплекс из-за разницы в возрасте.

— Может он вернется, Анжел?

— Врядли. После такого не возвращаются, — горько изрекает подруга и тянется к очередному шоту. Опрокидывает в себя и морщится, тяжело дышит. — Я бы не вернулась, — изрекает она после небольшой паузы. — Пойдем носик попудрим, а то меня тошнит немного.

Я молча киваю и мы, шатаясь и вытирая стены коридора своими плечами, направляемся в дамскую комнату.

— Я тут подумала, — выдает подруга, когда выходит из кабинки, — надо им все высказать.

— Кому? — тупо моргаю, не понимая о чем речь.

— Виталине и Вадиму, — Анжела поднимает указательный палец вверх и принимается мыть руки под краном воды.

— А они тут при чем? — прислоняюсь пятой точкой к лакированной столешнице, куда врезаны белоснежные умывальники.

— А пусть идут нахрен, — пьяным тоном изрекает подруга. — Сколько они тебе крови попили, этот мудака предал тебя, столько лет обманывал, его подружка шантажирует тебя. Сколько можно это терпеть.

Внутри меня щелкает злость. Она права. Хватит с меня. Надоело быть терпеливой и всепрощающей. Надоело ломать себя в угоду другим.

— Давай, набирай, — смеётся Анжела, когда я достаю мобильник из сумочки.

Пока ждём долгие гудки, нервно хихикаем. Напряжение последних дней даёт о себе знать.

— Мария, ты охренела звонить в такое время? — недовольный крик разлетается в пространстве туалетной комнаты, когда я ставлю громкую связь.

— Ой, а кто это? — хихикаю удивлённо.

— Это твоя начальница!!! — кричит Виталина, а Анжелка, приложив ладошку ко рту, сдерживает смех. Делает мне знак глазами.

— Ты мне не начальница, дрянь! — выпаливаю все, что накипело за все это время. — Ты мелочная, завистливая сволочь, которая трахалась с чужим мужем, за спиной его жены. Ты ещё получишь по заслугам. Я не уважаю тебя. Иди ты нахрен, сучка! — кричу в трубку пьяным голосом.

— Ах ты дрянь!!! Как ты можешь в такой момент... Вадима посадили в тюрьму!

— Там ему и место! — поет Анжела и прикладывает свой палец к красной кнопке отбоя. — Полегчало? — обращается она ко мне.

— Немного, — признаюсь смущённо.

Чувствую, как тело расслабляется. Алкоголь начинает действовать. В голове звенит, перед глазами все плывет.

— А теперь давай на танцпол, — предлагает подруга. — Струсим стресс, — смеётся она. Я согласно киваю и мы выходим из дамской комнаты.

Свернув за угол, Анжела внезапно хватает меня за рукав и тянет обратно.

— Ты что?

— Тс-с, — прикладывает подруга указательный палец к губам и потом им же тычет вперёд, — смотри. Знакомая блондинка?

— Это же та самая! — ахаю я. — С которой мы в отделении были.

— Ага. Митя говорил, что она клофелинщица. Мы тогда сорвали операцию по ее поимке.

— Ее же поймали.

— А доказательств никаких нет! — разводит руками в стороны Анжелка. — Она украсть ничего не успела. Мы помешали.

— Что она тут делает?

— Видимо работает, — подавляет смехок подруга.

— Кем?

— Клофелинщицей, Мань, — вздыхает подруга. — Смотри, жертву нашла.

И точно.

Бросив взгляд на танцпол, вижу, как та самая блондинка висит на каком-то высоком импозантном мужчине, что-то говорит ему на ухо. Он лапает ее своими руками за попу, а она пьяно смеётся, запрокидывая голову.

Через минуту, он обняв за талию девушку, уводит ее с танцпола.

— Ты куда? — догоняю подругу, которая быстрым шагом направляется в ту же сторону, куда ушли блондинка с мужчиной.

— Проследим за ними.

— Ты с ума сошла? А если она нас вспомнит?

— Она нас не увидит, — изрекает подруга, когда мы дойдя до гардеробной и взяв верхнюю одежду выходим из клуба.

Увидев, как блондинка с мужчиной сели в такси, Анжелка открывает дверь другой жёлтой машины, благо их перед клубом припарковано достаточно.

— Шеф, свободен?

— Для вас всегда, девушки. Запрыгивайте.

— Вон за той машиной езжайте.

— Вы чё фильмов пересмотрели? — испуганно оборачивается к нам водитель, когда мы с Анжелкой усаживаемся на заднее сиденье.

— Там мой муж с любовницей, — расстроено изрекает Анжела и протягивает водителю деньги. — Довезешь до места и свободен.

— Как скажете, девушка, — тянет водитель и заводит мотор.

— И что дальше? — шепчу Анжелке пока мы едем.

— Нужно дождаться, пока она выйдет из квартиры с краденым, — невозмутимо отвечает подруга.

— А потом что? Что мы будем с ней делать? Это дело полиции — ловить преступниц, а не наше.

— Точно! Звони Медведеву.

— Я ему звонить не буду, — говорю обиженным тоном и скрещиваю руки на груди в знак протеста. — Пусть со своей женой мирится пока мы его работу делаем.

— Мащ, ты же даже его не выслушала!

— Как и Митя тебя! Блин, — хлопаю себя по лбу. — Митя! Звони ему!

— Он трубку не возьмёт, — отреченно качает головой подруга.

— А если я позвоню?

— И что ты ему скажешь? "Выслушай мою подругу Анжелу, пожалуйста!" — сложив руки на груди в молитвенном жесте подруга театрально хлопает глазами.

— Не-е-е-ет, я по-другому поводу, — смеюсь я, доставая телефон из сумочки. — Диктуй номер.

— Лейтенант Ломовицкий. Слушаю вас, — раздаётся в трубке после нескольких гудков.

— Дмитрий, здравствуйте. Я подруга вашей девушки, Маша. Вы меня помните?

— Грхм, — раздаётся в телефоне. — С ней все в порядке?

— Да, — удивляюсь я его вопросу. Волнуется, блин, за подругу. Значит ещё не всё потеряно. — Тут такое дело... Мы с Анжелой преследуем клофелинщицу, которая вас отравила совсем недавно, помните?

— Чего вы делаете?! — кричит Митя. — А ну дай эту заразу сюда!!!

— Кого? — пугаюсь я. — Клофелинщицу?

— Подругу свою позови к телефону!!!

— На, — протягиваю мобильник Анжелке. — Тебя хочет.

После секундного колебания подруга берет телефон из моей руки и прикладывает к уху.

— Мить, прости меня, пожалуйста, — хнычет в трубку подруга. — Я такая дура! Я так тебя люблю, Мить. — Расплывается в улыбке после ответа Дмитрия. — Правда? Оу! Я согласна! — хихикает она.

— Анжел, — дёргаю ее, показывая на лобовое стекло. Водитель превратился в статую. Замер и ловит каждое наше слово. Ну и черт с ним. Мало ли у него пришибленных клиентов за ночь?

— Ой, точно. Мить, тут такое дело ... Нет, Маша не соврала. Да, мы едем за ней. Ну что значит?.. Да. Да, Мить. Я обещаю не приближаться к ним. Как доедем, адрес пришлю. Хорошо. И я тебя. — отбивает звонок, протягивает мне телефон и с довольной улыбкой растягивается на сиденье.

— Ну что? — не выдерживаю я.

— Сказал, что надаёт мне по жопе, а потом мы пойдем в ЗАГС.

— Ого. Быстро вы. А как же чувства проверить?

— А чё их проверять, Маш? Если любишь всем сердцем, то сомнений быть не должно.

А проверять нужно, если не веришь. А я Мите верю.

— Ладно.

— Ты бы поговорила с Медведевым, Маш.

— Тут говорить не о чем. Он предал меня, — хмурюсь и отворачиваюсь к окну.

— А может и нет.

— Приехали, — оглашает водитель такси, паркуя машину возле подъезда многоквартирного дома.

45. Михаил

Моя бывшая жена за годы нашего супружества никогда не видела меня в гневе. Я всегда был понимающим и обходительным мужем. Всегда старался войти в ее положение, понять причину наших разногласий, и мы решали все вопросы полюбовно. В основном мирились в постели. Но эту ситуацию спускать на тормоза я не намерен. Готов рвать и метать. Но женщину пальцем не трону.

Придя домой после рабочего дня, я первым делом направляюсь на поиски своей бывшей супруги, которую нахожу в комнате дочери. Они удобно расположились в кровати перед телевизором. Покрывало усеяно пакетами с фаст-фудом, а Лиза с Лелей что-то увлеченно обсуждают.

— Лель, на пару слов, — стучу костяшкой указательного пальца в открытую дверь, прерывая веселый девичий щебет. Лицо Лели мрачнеет, но она быстро берет себя в руки, и на ее лице расплывается самая приветливая улыбка, на которую способна моя бывшая жена.

— Миш, мы так хорошо сидим, — канючит бывшая жена. — Может позже?

Но добродушная маска меня не проймет. Я знаю истинное лицо этой холодной стервы. Ради счастья дочери готов терпеть эту дрянь в своем доме, но так гадко поступать с Машей я не позволю. Признаюсь, что сам виноват, — не рассказал ей сразу о приезде бывшей, но и Леля не дала мне шанс объяснить эту ситуацию так, чтобы Маша не вылетела из моего кабинета, как будто за ней гнались все черти ада. Я был растерян и не знал, как внятно объяснить поведение бывшей жены.

— Пап, все в порядке? — встревоженно спрашивает дочь, видя, какие грозовые молнии проносятся между мной и Лелей.

— Алена, жду тебя на кухне, — изрекаю не терпящим возражения тоном, выхожу из комнаты. Она терпеть не может, когда я зову ее Аленой. Но сентиментальности кончились вместе с нашим браком. Пусть привыкает. Жду бывшую жену, сидя на стуле в кухне.

Да, я зол. И не хочу, чтобы Лиза участвовала в нашем разговоре. Эта информация не для ее ушей.

— Миш, ты такой сердитый, что-то случилось? — заявляет Леля, появляясь в кухне через минуту.

— Дверь закрой.

— Какой ты грубый, Медведев, — ворчит бывшая, но приказ выполняет.

— Сядь, — пододвигаю к ней стул.

— Миш, объясни толком, что происходит, — Леля встревожена. Присаживается на стул и замирает в позе примерной ученицы, складывая ладони на коленях.

— Это ты мне объясни, что происходит, — медленно вырисовываю круги пальцем по лакированной столешнице. Леля, следя за моим движением нервно сглатывает.

За годы нашего супружества бывшая жена хорошо изучила меня. Привычки могут меняться, но характер остается прежним. Всегда. Если я кричу, то лучше дать мне возможность спустить пар, а потом разговаривать. Если шучу, то разговаривать бесполезно — я принял решение, и с ним лучше смириться. А вот, если спокоен, как удав — то это катастрофа для того, кто навел на себя мой гнев.

— Я не понимаю, о чем ты, — глаза Лели бегают из стороны в сторону, будто ищут что-то. Понимает прекрасно, чем так сильно разозлила меня, но уверенно держит маску

невинной овечки.

Сейчас главное — сохранять спокойствие, поэтому просто молчу, глубоко вдыхая прокуренный воздух кухни. Не делать резких движений, хотя так и подмывает встать и открыть окно, чтобы проветрить помещение от этого противного запаха. Курева, приторно-сладких духов этой женщины. Гадкой аурой пропиталось все пространство квартиры. Она больше не походит на тот семейный очаг, который приводил меня в восторг, когда здесь была Маша.

Леля хреновый противник, никогда не умела держать удар. Наша дочь может похвастаться стойкой выдержкой, а эта так... Много шума из ничего.

Я это знаю, наблюдаю это, по подрагивающим пальцам рук, лежащих на ее коленях.

Леля, проследив за моим взглядом, поднимает руку и подносит ее к затылку, поправляя пальцами и так идеально уложенную прическу.

— Мне нечего тебе сказать, Миш, — обреченным голосом говорит Леля. Этого тона я и ждал. Она сдалась. Так быстро.

Примитивно.

— Завтра утром собираешь свои вещи и уходишь отсюда. Видеться с дочерью будешь в моем присутствии. Я как единственный законный опекун имею право настаивать на этом. Если хочешь вступить в права наследования квартирой — я не могу тебе препятствовать, но в таком случае Лиза здесь жить не будет.

— А где она будет жить?

— Я сниму нам квартиру.

— Миш, давай поговорим.

— Больше говорить не о чем. Ты отказалась от нее, когда подписала документы на развод и отказ от родительских прав. Я могу пойти на уступку и разрешить вам видеться, но лезть в мою личную жизнь я тебе не позволю, Алена. Ты перешла все границы. На этом все.

Встаю со стула и выхожу из кухни, оставляя растерянную Лелю в одиночестве.

Сердце бешено стучит от злости, разгоняя горячую кровь по венам, болезненно пульсируя в висках. Мне нужно что-то сделать, куда-то идти, я не могу сидеть на месте.

Леля, молча пройдя мимо меня, сидящего на диване гостиной, заходит в комнату дочери и тихонько закрывает за собой дверь.

Что делать дальше, не знаю. Как объяснить Лизе мое решение? Оно было импульсивным, признаю. Но необходимым.

Остается надеяться, что моя взрослая дочь поймет и простит меня за грубость в отношении ее матери.

Звонок мобильного телефона вырывает меня из раздумий.

Раздолбай Митя собственной персоной. Кто бы сомневался.

— Пожар? Землетрясение? Цунами? — выдаю я вместо приветствия.

— Товарищ майор, тут такое дело...

— Ломовицкий, не мямли. Отгул не дам, отработывай свой косяк и думай о примерном поведении.

— Ваша Маша с моей Анжелкой ловят ту клофелинщицу, которую я проворонил в прошлый раз.

— Что?! — вскакиваю с дивана.

— Я собрал группу быстрого реагирования, мы ждем отмашки от девчонок. Точнее адреса, куда ехать.

— Если с головы Маши хоть волос упадет... — предупреждающим тоном рычу в трубку и быстрым шагом направляюсь к входной двери обуваться.

— Товарищ майор, я понимаю все риски, — перебивает меня Митя. — Там и моя девушка находится, между прочим. Они обещали держаться подальше и просто прислать адрес. А вот кстати и он.

— Пап, что случилось? — в коридоре появляется встревоженная Лиза. Позади нее стоит Леля, облокотившись на дверную лутку и сложив руки под грудью.

— Адрес мне пришли быстро, — кричу в телефон Ломовицкому, и отбиваю звонок, а сам надеваю куртку и беру ключи от квартиры и машины с тумбочки. — Лиз, у меня срочный вызов, — тянусь к подошедшей дочери и целую ее в макушку. — Ты тут без меня справишься? — шепчу ей.

— Да, пап.

— Если что — звони.

— Хорошо, пап.

Леля, не сдвинувшаяся с места сохраняет стоическое спокойствие. Делаю ей предупреждающий знак глазами.

Если с Лизой что-то случится в период моего отсутствия в квартире, бывшая женушка сильно пожалеет о своем приезде.

46. Михаил

С немым укором взираю на троицу, расположившуюся на стульях допросной комнаты. Все то же трио "ВИА Бл*". Только на этот раз они не слегка, а чересчур потрепаны.

Блондинка, видимо, не учла предыдущего печального опыта и не свернула свою преступную деятельность. А ещё она не подозревала, что на ее поимку пустятся две самые грозные оторвы моего отдела. Ну как моего. Рыжая, повиснув на своем "Митеньке", не отлипала от него всю дорогу с места преступления в отдел. Зря пацан сорвался и напился до бессознательного состояния, навлекая на себя и меня дальнейшие проблемы. Вон как все хорошо разрешилось. Пусть разбирается с ней сам, вставит по первое число. Не зря так над своей рыжей трясется.

А вот мою любимую брюнеточку ждут серьезные разбирательства на тему недоговоренностей и подставление своей аппетитной попки под неприятности. Под мою бы ладонь ее подставить. Ох, не отказался бы.

Ну Машка! Женщина-огонь! Моя скромная учительница за волосы проволокла блондинку по подъезду и успешно отбивалась от нападков клофелинщицы.

А мне теперь всю ночь заполнять отчеты и с утра докладывать начальству об удачном завершении операции.

Но сначала дела...

— Блондинку допросить, затем в обезьянник, — отдаю приказ лейтенанту Ломовицкому, который чуть краснеет от пылких взглядов своей ненаглядной. — Митя, ты меня слышишь? — привлекаю внимание, щелкая пальцами перед его лицом.

— Есть, товарищ майор, — тут же вскидывается он.

— У Анжелики Владимировны возмёмшь свидетельские показания и свободны на все четыре стороны до завтра.

— А меня? — робко тянет руку вверх моя любимая училка.

— А ты за мной, — поворачиваюсь, чтобы выйти из кабинета, но мне в спину прилетает обиженное:

— В обезьянник не пойду.

С трудом сдерживаю порыв хлопнуть себя по лбу. Забыл, что звезда моя пьяна в хлам. Удивляюсь, как она на ногах стоять может. Не ожидал от нее такой выдержки.

Когда взмыленный подъехал по указанному Митей адресу, то увидел, как из подъезда вываливаются все три дерущиеся девушки. И группа быстрого реагирования запоздала, видимо девушки поздно адрес прислали.

Рыжая, то есть Анжелика Владимировна, увидев лейтенанта Ломовицкого, радостно взвизгнула и побежала навстречу своему любимому, оставив нам всю задачу — разнимать дерущихся кошек. И скажу я вам по секрету, — это тот ещё квест. Машка вцепилась в блондинку мертвой хваткой.

Пока пособирали вещдоки по подъезду, отправляли в больницу отравленного клофелином потерпевшего, девушки чуть не подрались в полицейском УАЗике ещё раз.

И теперь моя милая серьезно считает, что я запрю ее с этой невменяемой в одной клетке.

Ох, уж эти женщины.

— В мой кабинет, Мария Ивановна, — приглашающим жестом взмахиваю в сторону

входной двери.

Моя милая училка с громким вздохом встаёт со стула, и слегка покачиваясь направляется на выход. В коридоре поймал ее пару раз, она чуть не упала, пока шла в мой кабинет. Как она в таком состоянии смогла преступницу задержать — ума не приложу.

— Маш, какого хрена?! — не выдерживаю я. Меряю шагами пол кабинета, пытаюсь не сорваться.

Моя училка в это время сидит на диване в углу кабинета, сложив руки на коленях и гипнотизируя противоположную стену.

— Что именно вас... Ик... Интересует, товарищ майор? — невозмутимо отвечает она.

— Не протрезвела ещё?

— Неа.

— Зачем ты ломанулась за этой клофелиншицей? — налив воды в стакан и присев рядом на диван, протягиваю его Маше.

— Затем, товарищ майор, — Машка жадными глотками выпивает всю жидкость до дна и протягивает пустой стакан мне. — Спасибо. Так вот, затем, товарищ майор, что из-за нас с Анжелкой вы не смогли её наказать в прошлый раз. Мы восстановили справедливость.

— Молодец. А мне можно было позвонить?

— Я на тебя злюсь, — смущённо бормочет Машка.

— Из-за Лели?

— Из-за того, что ты врал мне! — срывается она.

— Я тебе никогда не врал, Маш.

— Почему ты не сказал мне, что она вернулась?

— Маш, потому что я тормоз, — признаюсь я с огорчением. — Она мать Лизы и моей дочери решать, как выстраивать их отношения. Я могу только быть рядом, чтобы помочь им найти общий язык. Но они и без меня справляются.

— Ясно. — Маша поджимает губы и недовольно смотрит на меня.

— А с нами что будем делать, Маш?

— С вами делайте что хотите, товарищ майор. А я поеду домой спать.

— Оставайся здесь. Утром сам тебя отвезу.

Разложив диван, выдаю Машке плед, в который она тут же заворачивается как в кокон и через минуту вырубается.

Не вышло у нас разговора по душам. Моя училка так устала от всех переживаний, что выводить ее на серьезный разговор бесполезно — утром она ничего и не вспомнит.

Посидев, ещё две минуты, я решаю присоединиться к спящей Машке. Всё-таки этот прекрасный момент мы с ней пропустили прошлой ночью. Теперь моя очередь наверстывать.

Через пару часов меня будит телефонный звонок.

Щурясь, кошусь на мирно посапывающую Машку и отвечаю на звонок.

— Миша! Лиза пропала! — кричит из трубки звонкий голос моей бывшей.

— Как пропала?! — вскакиваю на диване, откидывая полы пледа на Машку. Та, не разбуженная моим громким несдержанным криком, продолжает спать.

— Мы с ней поссорились утром и она ушла, — плачет Леля.

— Молодец, — ворчу я. — Сутки продержалась, горе-мать. Где теперь ее искать?

— Откуда я знаю? Ты ж отец!

— Класс, — отбиваю звонок и пишу Машке записку. Не хочу ее будить, поэтому

тихонько одевшись выхожу из кабинета, плотно прикрывая за собой дверь.

Поговорю с ней позже, когда найду и успокою Лизу.

Я прекрасно знаю характер моей дочери. Упертая, в меня вся. Она не уступит матери. А потом будет страдать где-то в одиночестве, накручивая себя.

Поэтому первым делом решаю поехать на автомойку, где моя дочь может работать в три смены, не жалея себя. Когда у нас с ней случаются разногласия, она поступает именно так. Только в это раз меня ждал сюрприз.

На автомойке Лизы не оказалось. Подруги тоже не знают, где она находится. Ужас расплзается по телу, опутывая, парализуя. Где теперь ее искать? Не натворила ли она глупостей?

47. Машенька

Прийдя в себя с недоумением разглядываю незнакомый потолок серого цвета. Перевернувшись на другой бок, осматриваю интерьер и понимаю, что я у Миши в кабинете. А где же она сама? Сбежал засранец? Не может такого быть. Миша не из трусливых.

На столике замечаю графин с водой и стакан. Ой, спасибо, Мишенька! Залпом выпиваю воду, встаю с дивана, аккуратно складываю плед, и замечаю на столе записку.

"Лиза сбежала. Я поехал на ее поиски. Позвони мне, как проснешься. Люблю".

Сердце грохочет в груди, посылая импульсы похмельной боли к вискам. Но это все мелочи. Миша признался мне в любви! Пусть так скупо и лаконично, но ведь признался!

Я готова летать от счастья, но звонить ему не собираюсь. Я все ещё зла на него.

Только злость бьётся где-то там отголосками на краю сознания. Все перевешивает его записка.

Точно, Лиза же сбежала! Но она взрослая девушка, не потеряется в городе, в котором выросла и прожила всю свою жизнь. Она находчивая и смелая. Миша рассказывал, что учил ее приемам самообороны, чтобы в случае опасности она могла защитить себя.

Поэтому я решаю поехать домой и найти в своем журнале все контакты ее одноклассниц. Может она поехала к кому-то из них.

Подъехав к своему подъезду на такси с удивлением сканирую взглядом одинокую девичью фигурку, сидящую на лавочке. Лиза в тонкой куртке, которая не защищает от морозного утреннего холода, обхватила себя руками и смотрит куда-то вперёд невидящим взглядом. Приехавшая машина привлекает ее внимание, и девушка радостно взвизгивает и несётся мне навстречу, когда я выхожу из автомобиля. Ловлю юную беглянку и обнимаю крепко. Нашлась пропажа.

— МарьВанна, я с мамой поссорилась. Я не знала куда мне пойти... — плачет девушка.

— Пойдем ко мне, — предлагаю я. — Кушать хочешь?

— Нет, — смеётся, вытирая слезы с щек.

— Я позвоню твоему отцу, — говорю я, когда мы поднимаемся в лифте на мой этаж.

— МарьВанна...

— Лиза, он волнуется! — глушу протест девушки, понимая, в каком состоянии сейчас Миша.

— Хорошо, — Лиза опускает голову и вжимает шею в плечи.

— Лиз, мы с тобой поговорим, а потом ты будешь решать как поступить, хорошо? Если не захочешь возвращаться домой, то поживаешь у меня. С разрешения твоего отца разумеется, — тут же делаю оговорку. Я не могу игнорировать Мишины родительские права.

— А можно?

— Конечно.

— МарьВанна, а у вас с папой все серьезно? — тут же вводит меня в ступор вопрос девушки, когда мы подходим к входной двери в мою квартиру. С изумлением взираю на новенькую металлическую дверь. А где же моя старая деревянная, которую снесли с петель совсем недавно?

Может я этажом ошиблась?

Да нет. Все верно. Дверь соседки точно такая же, как и была вчера. Та же надпись на стене, которую оставили нашкодившие соседские мальчишки.

Стараясь унять тремор в руках, набираю Мишу.

— Ты уже проснулась? — ласковый, немного взволнованный голос сладкой патокой растекается по горлу.

— Миш, Лиза у меня, — решила начать без предисловий. — А ещё меня ограбили, — жалуясь, всхлипывая и чувствую холод тонкой ладошки, сжимающую мою руку.

— Я еду к тебе. Лиза в порядке?

— Д-да.

— Так стоп. Выйдите из квартиры и ждите меня на улице.

— Я не могу войти! — восклицаю я, понимая абсурдность ситуации. — Дверь новая. Миш, я не понимаю, что происходит, — перехожу на шепот, так как голос станет.

— Тьфу ты! — психует Миша. — Меньше по барам шляться надо, тогда бы знала. Я заказал тебе новую дверь. Пацаны вчера быстро сделали, пока ты в школе была. Ключи у соседки, — огорошивает меня своим ответом.

— Ясно, — все что могу выдавить из себя. — Мы будем тебя ждать, — отбиваю звонок и перевожу изумленный взгляд на Лизу, которая слышала наш разговор.

— А что произошло с вашей старой дверью?

— Она сломалась, — просто отвечаю я, нажимая на соседский звонок.

Кажется, что вчерашние события произошли в другой, прошлой жизни. Неудавшийся разговор с Тарасом, Миша, приехавший ко мне, наш страстный секс на диване в гостиной, мои крики на весь подъезд. Потом ужин с моим замечательным мужчиной. Заявление его бывшей жены, бар, клофелинщица, и как вишенка на торте — одинокая и несчастная Лиза, продрогшая до костей, пока ожидала меня возле дома.

В голове все крутится, как в карусели, пока я принимаю из рук соседки ключи к своей новой двери, пока выдаю Лизе пуховое одеяло, разливаю горячий чай в кружки. Мой мозг кипит от обилия информации, я не справляюсь с этим потоком. Поэтому решаю переключить свое внимание на почти согревшуюся девушку, которой нужно мое участие.

— Лиз, что произошло у вас с мамой?

— Я показала ей платье, которое мы купили для выпускного.

— И что?

— Она сказала, что я в нём выгляжу, как шлюха и в таком виде на выпускной не пойду.

Я проглатываю ответ, готовый сорваться с губ. Я это платье тоже не одобрила, но Лиза была в таком восторге, что я не могла запретить. Да и не имею на это никакого права.

— Что было потом?

— Мы скандалили. Потом я расписовалась и изрезала его ножницами.

— Ох! — вырывается у меня. — Зачем, Лиз?

— Чтобы доказать маме, что я вообще на выпускной не пойду.

— Ты поэтому ушла?

— Нет, — замыкается девушка. — Она не такая, как я ее себе представляла. Я рисовала картинку любящей матери, которая готовит завтрак, обнимает, когда мне плохо. Но я чувствую фальш. Все какое-то ненастоящее. Это та женщина, которая родила меня. А потом бросила! — горько рыдает девушка. Подсаживаюсь к ней ближе и обнимаю ее за плечи, стараясь успокоить. — Она пропустила почти всю мою жизнь, все события в ней. Где она была, когда у меня не получалось решать дробы? — продолжает плакать девушка. — Мне папа все объяснил! Бабушка ходила на родительские собрания. А этой женщины, будто и не существовало вовсе. Подарила мне эту автомойку, откупила от алиментов. Она мне не

нужна совсем! Мне мама нужна была!

Я ее не прерываю, Лизе нужно выговориться, выплакаться. Когда поток слез иссякнет, то мы решим, что делать дальше. Но горькие рыдания девушки разрывают мне сердце. Я будто переживаю ее боль.

У меня есть замечательная мама, которая лечила меня, когда я болела, приносила игрушки в постель, чтоб поднять мне настроение и я быстрее выздоровела. Вязала мне платья и свитера, да такие, что ее мастерству завидовали все мамы моих одноклассниц.

Кстати, о птичках...

— Лиз, а ты всё-таки хочешь пойти на выпускной?

— Хочу, — хлюпает носом девушка. — Там все будет. И это же событие бывает раз в жизни!

— Тогда у меня есть для тебя платье.

— Да? — разочарование в глазах девушки сменяется восторженным предвкушением, когда она поднимает голову и смотрит на меня.

Под ложечкой сосет чувство восторга, что я могу помочь, спасти ситуацию. Не могу повлиять на ход событий, но подсластить горькую пилюлю мне под силу. Чувствую себя супер-женщиной, когда Лиза так смотрит на меня.

— Моя мама связала платье на мой выпускной. У тебя сейчас тот же размер, что и был у меня тогда, я думаю тебе подойдет, — поднимаюсь с табурета и ухожу в спальню.

Через три минуты вношу в кухню вязаное крючком чёрное платье. Узор на нем очень сложный, мама кропотливо работала над ним целый месяц, но результат стоил завистливых взглядов одноклассниц.

К сожалению, я не переняла усердия своей матери, вязать не умею. До сих пор считаю чудом еду, приготовленную в духовке, как из клубка ниток и крючка получаются такие шедевры, и как зарождается ребенок в утробе женщины.

Но глядя, на ликующую Лизу, скачущую по кухне с моим платьем и забывшую о своих горестях, я хочу попробовать. Хочу малыша. Такую же чудесную дочку, или сына с карими глазами Миши. Так хочу! Невыносимо просто.

— МарьВанна, спасибо! Спасибо! Спасибо! — тараторит Лиза, целуя меня в щеку и убегая в мою спальню.

Ошарашенная я присаживаюсь на табурет и глупо улыбаюсь в пустоту. Так приятно.

Мои мечтания прерывает заливающая трель дверного звонка, и впустив в квартиру встревоженного Мишу я немного тушуюсь.

— Где Лиза? — выпаливает он, снимая куртку и целуя меня в щеку. Будто и не было нашей ссоры. словно так было всегда. Мой любимый мужчина в моей кухне, ожидающий свою дочь.

— Она переодевается. Ты установил мне дверь? — сразу меняю тему.

— Твоя совсем хлипкая. Мне важна твоя безопасность, — безразлично пожимает Миша плечами.

В носу щиплет от поступивших к глазам слез.

— Ты это сделал до того, как мы поссорились или после?

— Это имеет значение? — отвечает он, присаживаясь на табурет в кухне.

— Я хочу знать.

— После, Маш. Даже если бы мы расстались, я не жалею о своем поступке, — Мише обхватывает меня за талию и притягивает к себе на колени. Зарывается носом в мои волосы,

с жадностью вдыхая мой запах. — Кайф. Нам нужно поговорить, Машунь. Ты не дала мне договорить, а я хочу объясниться.

— Хорошо, — соглашаюсь я. — Но сначала Лиза.

Миша испытывающе смотрит на меня.

— Я никуда не денусь, — заверяю его.

— Ну как? — влетает в кухню Лиза и кружится вокруг своей оси. — Ой, привет, пап.

— Привет, солнце. Новое платье?

— Марьванна одолжила на выпускной. Как тебе? — Лиза делает еще один оборот вокруг своей оси.

— Мне нравится, — с удовольствием причмокивает Миша.

Мне неловко, что Лиза видит меня сидящей на коленях Миши, но девушку это ничуть не смущает. Она садится на табурет и отпивает из кружки уже остывший чай.

— Тот кремовый жакет у тебя остался? — спрашиваю я, пытаюсь уползти из Мишиных объятий.

— Ага. И туфли! Будет убойно смотреться!

— Туфли? — переспрашивает Миша, не давая мне попытки слезть с его колен. Прижимает к себе сильнее.

— Мы с Марьванной и Анжеликой Владимировной купили в магазине. Пап, у Марьванны такое платье опупенное! Ты бы видел!

— Лиз, что за выражения? — морщится майор. — Покажешь платье? — томно шепчет мне в ухо, пуская удары тока своими пальцами, ласкающими мою спину.

— Потом, Миш, — шепчу я в ухо любимому. Замечаю, как кожа его шеи покрылась мурашками от моего шепота.

— Я буду ждать, — мурчит мне в ухо, тихо, так чтоб Лиза не слышала.

Нашу семейную идиллию прерывает дверной звонок. Вздрагиваю от неожиданности.

Кого там еще принесло? Мой дом и так сегодня посетило слишком большое количество людей.

— Это Леля, — отвечает на мой невысказанный вопрос Миша.

Лиза замирает с поднесенной ко рту кружкой. Затем с громким раздраженным стуком ставит ее на стол.

— Пап, зачем? — в глазах ее стоят слезы.

— Затем, что вам нужно поговорить, — безапелляционно отвечает Миша.

— Я не буду с ней разговаривать! — кричит Лиза.

— Она твоя мать!

— Кукушка она, а не мать!

— Вот и скажи ей об этом, — ровно говорит Миша. Ссаживает меня с колен на свободный табурет, подходит к Лизе и, присев на корточки, обнимает растерянную дочь. — Я рядом, Лиз. Я не дам тебя в обиду. Больше не оставлю тебя наедине с ней.

— Мне тогда лучше уйти, — проговариваю я, пятась из кухни.

— Ты остаешься, — громовым голосом отдает приказ майор.

— Это ваши семейные разборки, я не должна в этом участвовать.

— Ох, девки, как с вами сложно! — вздыхает Миша, вставая на ноги. — Ты и Лиза — моя семья. Все, что касается меня и ее, касается и тебя так же. Поняла? У меня от тебя секретов нет.

— Марьванна останьтесь, пожалуйста, — молит испуганная Лиза.

— Хорошо, — выдыхаю я, направляясь к входной двери, которую нетерпеливо колотит ногой бывшая жена моего мужчины.

— Где она? — женщина бесцеремонно влетает в кухню, не разуваясь и отпихивая меня в сторону.

— Я здесь, мам, — слышится немного дрожащий голос Лизы. Вхожу в кухню и вижу, что девушка сидит выпрямившись, опустив плечи. Пристально сканирует взглядом мать. Она так быстро успокоилась, взяла себя в руки. Только подрагивающий уголок губ выдает ее состояние. Поражаюсь тому, как эта девушка может менять свое эмоциональное состояние, словно по щелчку пальцев. Вместо рыдающей на плече отца юной девушки нас встречает холодная, собранная молодая женщина, уверенная в своей правоте.

— Девочка моя, — подбегает к ней мать.

— Не подходи ко мне! — Лиза отшатывается с нее, глядя с вызовом на изумленную женщину.

— Лиз, я была не права, прости меня, — заламывает руки Алена, а меня передергивает от ее наигранности. Театральные выпады матери Лиза не заценила. Встает с табуретки, глядя со злостью матери в глаза.

— Где ты была? — слезы катятся по щекам девушки, но голос ее звучит твердо и ровно. — Где ты была четырнадцать лет, мама?

— Лиз, я не могла... — голос Алены дрожит, по щекам ее струятся слезы. И я понимаю, что маска безразличной стервы слетела с лица этой женщины. Она наконец поняла, какую ошибку совершила так давно. Только исправить ее уже не в силах. Лиза не простит. Не даст второго шанса. Она упертая. Вся в отца.

— Что ты не могла?! — кричит Лиза, стирая тыльной стороной ладони слезы с покрасневших щек. — не могла приехать хотя бы на похороны бабушки? Это же твоя мать! Ты вычеркнула нас из своей жизни! — Каждое слово девушки, словно хлесткий удар бьет Алену раз за разом. Мама девушки отшатывается от Лизы, медленно пятится назад. Выдержка девушки дает трещину, из горла ее рвутся истеричные всхлипы. Бросаюсь вперед, отталкивая непутевую мать, обнимаю Лизу. Стараюсь силой и теплом своих объятий впить ту боль, что переживает девушка.

Периферийным зрением замечаю как дрожат мои руки. Не в страхе, нет. Я в ярости. Готова рвать эту куклу, что причиняет боль Лизе. Невыносимо наблюдать за чужими страданиями. Только какая мне Лиза чужая. Мы с ней сроднились. Она чудесная, светлая чистая девочка с добрым сердцем. Так счастлива была, когда мама вернулась. И теперь я вижу, как рушится хрупкий мир этой девушки. Все надежды на воссоединение семьи канули в лету.

— Лизонька, послушай, — Алена снова медленно надвигается на нас.

— Не подходи, — словно со стороны слышу свой ровный голос. Выставляю вперед руку с намерением сдержать мать девушки. — Она не хочет к тебе.

— Ты кто такая? Я ее мать и мне решать куда она хочет.

Глазами стреляю в Михаила, прося поддержки.

— Леля, ты только хуже сделаешь, — приближается он к ней. — Уезжай домой.

— Ты мне не указ, — говорит эта женщина ехидное в ответ.

Лиза вырывается из моих объятий и бросается на мать.

— Уходи! Убирайся! Вали в Германию к своему мужу! К своему сыну! — каждый выпад Лиза сопровождает толчком руками в грудь ошалелой женщины. В попытке защититься от

нападок Лизы, Алена ладонью даёт оплеуху дочери, отчего та летит на пол, ударяясь головой об ножку стола.

Не сдерживая порыва, я бросаюсь на Алёну. Валю ее на пол и усаживаюсь сверху. Удар летит за ударом.

Дыхание сбивается, когда меня рывком поднимают с сопротивляющейся женщины и ставят на ноги.

— Маш! Маша! Достаточно, — расплывающиеся картина перед глазами формируется в лицо Миши, который щелкает пальцами перед моими глазами. Рукой отталкивает, готовящуюся наброситься на меня Алёну. Но ту сдерживает дочь.

Миша отпускает меня, хватает Алёну за предплечье и рывком разворачивает к себе.

— Леля, хватит! — его громовой голос кажется слышен в дальних уголках города. Женщина вздрагивает и весь ее пыл сходит на нет. Она словно увядает под его грозным взглядом. — Тебе лучше уехать, — говорит он чуть спокойней. — Ты пыталась, ничего не вышло. Лиза остаётся со мной.

Миша отпускает Алёну и та, бросив последний молящий взгляд на дочь, втягивает голову в плечи и, сгорбившись, медленно уходит.

Помогаю подняться Лизе, обнимаю ее, глажу по светлым волосам и понимаю, что весь мир замер в этом мгновении. Моя девочка, рыдающая в моих объятиях и самый лучший на свете мужчина, который обнимает нас обоих так крепко, словно боится потерять. Мои родные. Моя семья. Порву за них. Никому не позволю их обидеть.

С благодарностью смотрю на Мишу. Он, обнимая нас, целует в макушку меня, затем дочь.

— Девочки мои, — шепчет он.

Из коридора слышится мелодия моего мобильного. Выпустив Лизу и Мишу из объятий, медленно подхожу к своей сумке, лежащей на коридорной тумбочке. Тянусь рукой, как бомбу замедленного действия выуживаю из недр сумочки играющий телефон. Нехорошее предчувствие скребется на краю сознания. Что-то я забыла. Что-то упустила. Что-то случилось. И виной этому я.

Звонит Виталина.

События прошедшей ночи каруселью мелькают в сознании, мешая сосредоточиться на звонке.

— Маш... — слышится из трубки растерянный голос завуча. — Мне некому больше позвонить... — Она переходит на плач, а мое сердце, словно стальные тиски сжимают. — Прости меня.

— Что происходит?

— Я... Мне кажется я теряю ребенка... — по спине ползет липкий холод, перед глазами все плывет. — Вадим в тюрьме, родных у меня нет.

— Ты в скорую звонила? — не замечаю, как перехожу на “ты”, но сейчас не до соблюдения субординации. Ночной срыв не в счет.

— Там какая-то авария на Нагибина, все машины там. Сказали добираться своим ходом.

— Адрес. Быстро, — вырывает Миша телефон из моих рук.

— Ты поедешь? — тихо подкрадывается сзади Лиза. Она тоже перестает мне “выкать”.

— Да.

— Ну и дура! — вскрикивает Лиза. — Она же разрушила твою семью!

Дура, согласна. Только никому не пожелаю того ужаса что переживает сейчас невеста

моего бывшего мужа.

— Поехали, — раздаётся громовой голос майора. — Лиза, ты остаешься? — Миша надевает свою куртку и протягивает мне мое пальто.

— Нет, я с вами. Это шоу я ни за что не пропущу, — веселится девушка, надевая куртку.

— Не стоит глумиться над ней. Ей и так плохо, — осаживает ее Миша.

— Нечего было портить нашей Маше жизнь, — ворчит Лиза, выходя в подъезд.

Это “нашей Маше” приятно режет слух. У меня теперь есть семья, и я молю Бога, чтобы все разрешилось наилучшим и безболезненным образом.

48. Машенька

Подойдя к обшарпанной двери квартиры, в которой живет Виталина, я робко жму в дверной звонок. Дверь нам открывает то ли женщина, то ли мужчина — настолько опухшее лицо и расплывшаяся фигура у этого человека, что не понятно. И прокуренным сиплым голосом презрительно выплевывает:

— Че надо?

— Виталина здесь живет?

— А вы кто такие?

— Друзья, — объявляет Миша и потеснив фигуру, протискивается внутрь квартиры, потянув меня за собой.

Квартира большая, просторная, с тремя спальнями. Только все портит спертый запах алкоголя и вонь сигарет.

Из кухни раздаются звуки застолья.

Да, она была права — воспитывать ребенка в таких условиях невозможно.

Пройдя по коридору, попадаем в комнату Виталины. Она лежит на боку в позе эмбриона, прижав ноги к животу.

— Вит, — зову ее.

Она открывает заплаканные красные глаза и устремляет безнадежный взгляд на нас с Мишей.

— Маша, — шепчет сухими губами.

— Идти можешь?

— Не знаю, — срывается на плач. — Мне кажется, если я встану, то... Он... Он умрет!

— Ох ты ж ё! — восклицает Миша, подходит к кровати и обращается к девушке: — Перевернись на спину, ноги прижми друг к другу. Давай!

Обомлевшая Виталина, кряхтя, послушно выполняет приказ.

Глядя на то, как аккуратно Миша берет на руки Виталину и несет к выходу, я не испытываю ревности. Давлю в себе сожаление о глупости, совершенной десять лет назад. Вадим, когда я была в такой же беде, просто вызвал мне такси. Я сама собиралась, ждала машину и ехала в больницу с дикой болью в животе. Может, если бы обо мне так позаботились, как о Виталине, я бы смогла сохранить ребенка?

— Сумка... У стены... Серая... Там вещи для больницы... — стонет Виталина.

Опустив голову замечаю нужное, и взяв в руки, направляюсь следом за Мишей.

Нет, все правильно. Моего ребенка не удалось спасти, но может так даже и лучше, как бы жестоко это ни звучало. Неизвестно, как бы сложилась моя жизнь, если бы я родила. Может Вадим все равно ушел бы от меня, оставив нас с ребенком одних. Я бы не встретила Мишу, не стала бы мачехой для Лизы. Они моя семья, а не та, что разрушена жестоким адюльтером.

На улице Лиза, оставшаяся ждать нас, открывает дверь машины, и Миша осторожно кладет Виталину на заднее сиденье. Лиза устраивается рядом, помогая Виталине положить голову на свои колени.

— Там пеленка в сумке, — кряхтит Виталина.

— Какая пеленка? — не догадывается Миша.

— Я обивку вымажу.

— Да хрен с ней, с обивкой! — психует Миша. — Ложись и дыши глубоко. Все будет хорошо, Вит. Прорвемся, — растерянно говорит и указывает мне кивком головы на переднее сиденье.

— Куда везти? В приемный покой? — спрашивает Миша, сев за руль.

— В перинатальный центр, — отвечает Виталина. — Там мой врач.

— Хорошо, — кивает Миша и заводит мотор. Ведет машину спокойно и уверенно. От этой невозмутимости становится спокойно и мне.

Наблюдаю за переживаниями Виталины и вспоминаю себя. Когда у меня среди ночи началось кровотечение, я разбудила Вадима. Он вызвал мне такси, вручил пачку салфеток и отправил в больницу. Я еще выслушивала гневную тираду таксиста о том, что я запачкала сиденье и ему теперь придется за свой счет делать химчистку. Общество не жалеет мам, даже будущих.

И сейчас Виталина через те же ужас и боль проходит сама. Любимого человека нет рядом, некому ее поддержать морально. Я молюсь о том, чтобы малыш выжил и с ним было все хорошо. Чтобы родился здоровеньким. Господи, пожалуйста. Прошу. Пусть это не мой ребенок, но он не виноват в наших разборках из-за квартиры. Я не смогу жить с этим чувством вины, ведь это я довела Виталину до нервного срыва. Из-за меня может погибнуть невинный ребенок. Господи, прости меня...

***

— Ну что там? — задают хором вопрос Миша и Лиза, ожидающие новостей в приемном покое, пока я помогла Виталине добраться до нужной палаты. Посторонних не впустили. Мне пришлось представиться ее сестрой.

— Врач осматривает ее. Сказал ожидать здесь. В любом случае, она останется в больнице под наблюдением. Сумку с вещами я отдала.

— И что ты будешь ждать? — спрашивает Лиза.

— Буду ждать, — обреченно вздыхаю я, присаживаясь на кушетку и складывая руки на коленях, как примерная ученица.

— Лизок, сгоняй за водичкой, — протягивает Миша дочери купюру, и она, кивнув, оставляет нас одних. Ну как одних... Снующие туда-сюда врачи и медсестры не в счёт, не слушают наш разговор.

— Я была здесь, — произношу после недолгой паузы.

— Ты...

— С угрозой выкидыша, — киваю. — Мой малыш тогда не выжил.

Миша берет мою руку, лежащую на коленях в свои ладони. Согревает их теплом своих рук. Так проникновенно смотрит мне в глаза.

— Как ты пережила это?

— Мы с Вадимом договорились не вспоминать. Будто ничего и не было.

— Ты к психологу ходила?

— Нет, Вадим не захотел, типа он не псих, да и мне нечего позволять ковыряться в своих мозгах, так он выразился.

— Придурок. Ничего, Виталина еще хлебнет с ним. Никакой заботы и ответственности за любимых.

— Я надеюсь, у них все будет хорошо, — шепчу я. — Если с ними что-то случится... — горло стягивает спазмом, из груди вырывается всхлип. — Я никогда не прощу себе этого. Это я ее довела, понимаешь? — горестный всхлип тонет в моих надрывных рыданиях.

— Маш, ты ни в чем не виновата, — Миша крепко обнимает меня и гладит широкой теплой ладонью по спине стараясь успокоить. — Лиза говорила, что Виталина в больнице лежала на сохранении. Просто беременность проходит не так легко, как хотелось бы.

— Я звонила ей вчера, и такого наговорила...

— Маш, ты сорвалась, — Миша поднимает мою голову за подбородок и внимательно смотрит мне в глаза. — Так бывает. Твоя завучиха знала на что шла, когда доводила тебя. Шантаж и угрозы так просто не сходят с рук, понимаешь? Она сама навлекла этот стресс на свой организм.

— Я понимаю, но как перестать чувствовать себя виноватой?

— Никак. Просто прими этот факт.

— Спасибо, Миш. Спасибо за помощь и поддержку. Если бы не ты... — обнимаю его. — А у нее никого нет. Вадим же в тюрьме! — восклицаю я, отстраняясь. — Как такое могло произойти?

— Понимаешь, — тушуетя Миша, прячет взгляд. — У него небольшие проблемы с налоговой.

— Дядя Леша? — подсказывает подошедшая к нам Лиза, смешливо смотря на смущенного отца. Протягивает Мише бутылку с водой.

— Что за дядя Леша? — вскакиваю с кушетки, на которой мы сидим, встаю в позу, уперев руки в бока.

— Ну... Мы служили вместе... Сейчас он начальник Налоговой службы. А так получилось, что бухгалтер твоего бывшего мужа — одна хорошая знакомая моего знакомого. В общем он задержан до выяснения куда он девал большую часть прибыли от магазина.

— Я тебе и так скажу: перевел на счета матери!

— Ты знала?

— Миш, зачем ты так?

— А как мне еще нужно было убрать его из твоей жизни? Убить что ли?

— Вот поэтому я тебе не говорила, чтобы ты не мстил. — Падаю на кушетку, опуская лицо в ладони. — Как же теперь Виталина?.. Одна, с ребенком. Миш, ты можешь сделать так, чтобы его выпустили?

— Почему ты думаешь обо всех, кроме себя Маш? — злится он.

— Потому что не могу по-другому.

— За это я тебя и полюбил, Маш, — Миша тянет мои руки вниз, вынуждая поднять голову. — За твою доброту, моя милая. Ладно, я попрошу Лешу, чтобы твой Вадим отделался штрафом.

— Спасибо, — бросаюсь ему на шею с объятиями. — Ты такой замечательный.

— Я знаю, — хвастливо ухмыляется Миша. — Но если он еще раз появится на горизонте, то я за себя не ручаюсь.

— Я знаю, мой грозный майор, — дарю чмок в шею.

— Уже не майор.

— Тебя уволили?

— Пока ты помогала Виталине, мне позвонили. Меня повысят. Я буду подполковником.

— Ого!

— Хватит лобызаться. Там врач вас ищет, — обращается Лиза ко мне.

— Ну что там? — спрашиваем хором, когда к нам подходит строгая женщина в очках.

— С Виталиной все хорошо. С ребенком тоже. Ей нужен покой и отдых. На работу она

вернуться не сможет вплоть до самых родов, а там уже и декрет... Так что... Сообщите ее мужу, что пациентка побудет здесь.

— Хорошо. К ней можно?

— Да, но только вам, как родственнице, — врач скользит укоризненным взглядом по Мише с Лизой.

***

Бледная Виталина лежит на больничной кровати, часто дыша. В руке ее торчит иголка, от которой проходит длинная тонкая трубка к капельнице.

— Ты как? — присаживаюсь на соседней кровати.

— Нормально.

— Прости меня, пожалуйста. Я вчера сорвалась, не знаю... Мне жаль, что это с тобой случилось.

— С малышом все в порядке, — гладит себя по плоскому животу, вызывая на моем лице умильную улыбку.

— А ты?

— А что со мной станется? — хмыкает Виталина. — Я живучая. Прорвусь. Прости меня, Маш, — просит она внезапно. — Я виновата перед тобой. Я спала с Вадимом, когда ты забеременела. Я так тебе завидовала. Долго терпела его метания. Я с себя вины не снимаю, я виновата перед тобой и прошу за это прощения. Ту папку я сожгла позавчера. Еще до твоего звонка. Совесть заела. Даже, если Вадим захочет подать заявление на Медведева, то доказательств у него никаких не будет.

— Спасибо. Я поговорю с Мишей, может как-то можно решить проблему Вадима. Отделается штрафом. Живите счастливо. — Поднимаюсь с кровати, направляюсь к выходу. — Только от меня подальше.

Виталина смеется сквозь слезы. И вроде бы нужно ее обнять, чтобы поддержать морально, но я не могу пересилить себя.

— Ты все? — задаёт вопрос Миша, когда я выхожу из палаты.

— Да.

— Теперь можно ехать домой? — это уже спрашивает Лиза.

— Мы ей больше не нужны, так что... — развожу руки в стороны.

— МарьВанна, а можно я пока у вас поживу, пока мама не уедет? — сыплет Лиза вопросами, пока мы сдаём больничные белые халаты дежурной медсестре.

— Лиз, что за вопросы? Конечно можно! Ты не против? — шепчу я Мише.

— Нет, не против, — отвечает сухо, и, подхватив меня за руку, ведёт в направлении выхода. Озноб пробегает по позвоночнику от холода, скользящего в его голосе.

— Миш, что случилось? — тяну его за рукав, вынуждая остановиться.

— Маш, тут такое дело... Меня же повысили... А подполковнику негоже быть холостым... Что ты думаешь по этому поводу?

— Ты решил вернуться к Алёне? — шепчу обиженно, пряча набегающие слезы.

— Мне кажется, на счёт моей бывшей жены мы все решили! Или у тебя остались сомнения? — Миша цепляет мой подбородок пальцами, вынуждая поднять голову. Встречаюсь с ним взглядом.

— Нет, — качаю головой, вырываясь из его хватки.

— Тогда что скажешь? — внезапно Миша опускается на одно колено и из кармана куртки вынимает красную бархатную коробочку.

Сердце замирает. Мне сложно дышать, слезы новым потоком текут из глаз.

В ушах закладывает от восторженного визга Лизки. Персонал больницы с удовольствием смотрят на шоу, организованное Мишей.

— А как же чувства проверить? — выдавливаю я сквозь ком в горле.

— Я в своих чувствах уверен, а ты?

— И я, — согласно киваю.

— Так что ты ответишь? — Миша заметно волнуется, рука в которой он держит коробочку немного подрагивает.

— Я согласна!

— Ура-а-а! — кричит Лизка, хлопая в ладоши в то время, как Миша подхватывает меня за подмышки и кружит вокруг своей оси. Пациенты и врачи больницы довольно хлопают в ладоши и улюлюкают.

Гомон тонет в сладком поцелуе, когда Миша впивается в мои губы. Дышит прерывисто.

— Тогда поехали в ЗАГС? — отрывается от моих губ.

— Сейчас? — пугаюсь я.

— Ага, — Миша поднимает меня на руки и несёт к выходу.

— Пап, так не делается, — кричит Лиза, пока бежит за нами. — Нужно платье, фата, заказать ресторан.

— Лиз, не волнуйся, мы сегодня подадим заявление, а распишут нас через месяц, — отвечаю взволнованной девушке, когда Миша усаживает меня на переднее сиденье машины. Сам обходит автомобиль и устраивается за рулём.

— А нас сегодня и распишут, — огорошивает нас с Лизкой, заводя мотор.

— А куда ты так спешишь? — подозрительно прищуриваюсь я.

— А чтоб быть уверенным, что ты не свалишь на очередное свидание, пока я на работе, — наглец даже не поворачивает голову, когда отвечает. Весело ухмыляется своим мыслям.

— Миш...

— Да понял я, — обрывает он.

— Пап, у Марьванны платья нет, гостей не будет, тамады нет, — подаёт голос Лиза с заднего сиденья.

— Тебе нужно пышное торжество? — обращается он ко мне.

— Н-нет.

— Тогда звоните Анжелике, заказывайте ресторан, я вас развезу по домам переодеться, а сам за кольцами, — довольно кивает Миша.

— А платья нет, — опускаю голову, чуть не плачу. Понимаю, что все спонтанно, и я не хочу шикарного банкета. Но так хочется чтобы хоть что-то было по правилам.

— А выпускное? — наваливается Лиза сзади. — Мы недавно купили.

— Так оно же не белое!

— Ну так и вы не девочка, — хмыкает девушка.

— Лиза! — возмущаемся мы с Мишей синхронно.

— Ой, простите. Давайте так. Я заказываю стол в ресторане, Марьванна, звоните Анжелике Владимировне, пусть собирается.

— Я вызову Ломовицкого, он вас отвезёт в ЗАГС, — подхватывает Миша.

— А как же родители?

— Съездим к ним завтра. Сегодня у нас брачная ночь, — наклоняется ко мне и шепчет

мне на ухо. — И пропускать ее я не собираюсь.

Ну что мне на это ответить, когда щеки краснеют от воспоминаний о нашей ночи? Я хочу еще. И много ночей с ним. До конца жизни хочу быть с ним. Просыпаться рядом, провожать на работу поцелуем, родить малыша, чтобы бегал по всей квартире, разбрасывая вещи. Так хочу...

Годы спустя

— Дышите. Еще дышите. Глубже. Спокойно.

— Пап, через это проходят все, чё ты паникуешь.

Из-за дверей палаты раздается мучительный крик моей любимой училки. Очередной. Не знаю, как через это проходят женщины, но я рад, что мужчинам это не суждено испытать. Она очень сильная — моя любимая. Справится, я знаю.

Крик стихает и за ним раздается мучительный стон.

Бедная моя. Как она там?

Смелая моя девочка. До сих пор не могу поверить своему счастью. Прихожу после работы домой и меня встречают запахи вкусного ужина, ласковые объятия любимой. Вопросы как прошел мой день.

Я ни о чем не жалею в своей жизни. Ни о том, что Леля ушла, ни о пятнадцати годах одиночества. Все померкло в тот момент, когда я увидел ее, ждущей такси, под проливным дождем. Маленькая, стройная. С испугом в глазах и разговорами о маньяках. Когда сидела в моем кабинете со стеклянным взглядом. Когда целовал ее, ласкал в кромешной тьме ресторана. Когда она согласилась выйти за меня замуж. Скоропалительная свадьба... Она в красивом длинном фиолетовом платье, словно принцесса из сказки. Ждёт меня в стенах ЗАГСа с купленным Лизкой букетом белых роз. Ее тихое: "Да" на вопрос регистраторши. И потрясающая новость через четыре месяца после свадьбы: "Миш, я беременна".

Я не знаю, кто из нас стал счастливее от этой новости: я, Машка или Лизка, которая в этот момент собирала чемоданы для переезда в общежитие института. Я помню, как весь воздух из лёгких выбили, когда моя немного смущенная женщина с радостным блеском в глазах протянула мне тест с двумя полосками на ладони. Лизка заверещала от радости на всю квартиру, оглушая громким звуком нас с Машей. Бросилась обнимать и поздравлять нас. А потом не замолкая трещала о том, как нужно переделать ее комнату для малыша.

И сейчас моя дочь приехала из другого города, чтобы быть рядом в столь волнительный для меня день, за что я ей чрезмерно благодарен.

Знаю, что каждая женщина проходит через эти муки, чтобы родить ребенка. Плод нашей любви. Но слыша ее мучения там за дверью, мне становится плохо. В сотый раз проклинаю себя за то, что подверг ее этому испытанию.

Снова слышу мучительный крик.

Резко встаю с кушетки, на которой сижу и порываюсь в палату. В глазах темнеет, в голове гул. Чьи-то руки надавливают на плечи, когда я опускаюсь обратно на кушетку в сидячее положение.

— Спокойней, папаша. Ей Богу. Сколько вас таких перевидала. Один другого краше. — Под нос суют ватку с отвратительным запахом. — Кто-то в обморок хлопается, кто-то блюёт не переставая. И все как на подбор — зелёные. — Смеётся пожилая медсестра. — А ещё сильный пол называется. Эх. — Качает головой и уходит.

Снова этот крик и: "Тужься. Ещё тужься. Молодец девочка".

На несколько минут все затихает. Не слышно ни звука. Или это у меня барабанные

перепонки полопались от напряжения?

Чувствую холодную ладошку дочери, поворачиваю голову в ее сторону и ловлю испуганный взгляд.

— Поздравляю папаша, — дверь операционной резко открывается и оттуда выходит врач в белом халате, несущий маленький сверток. — У вас мальчик. — И протягивает его мне.

Дрожащими руками беру младенца на руки. За восемнадцать лет забыл, как это делается.

— Какой он крошечный! — удивлённо шепчет Лизка, заглядывая под край одеяла, в которое завернут мой сын.

— Ты тоже такая была.

— Фу, — морщится Лизка. — Чтоб я на такое решилась... Пристрелите меня.

— Все вы так говорите. Ваша жена смеётся, что скоро за вторым придет, — цокает врач.

— Тьфу, тьфу, тьфу. Не дай Бог. — Качаю головой, а врач и Лизка смеются.

— Можно мне?... — киваю в сторону палаты, в которой только что моя любимая родила нашего сына.

— Через минуту.

На ватных ногах тихонечко вхожу в палату, боясь потревожить свою жену, которая отдыхает на кушетке в родовой комнате. Бледная, измученная. На лбу выступила испарина. Но, когда она открывает глаза и смотрит на меня, будто я подарил ей весь мир, все меняется. Ради этого счастья в ее глазах я готов горы свернуть.

— Миша, — шепчет она побелевшими губами. Направляюсь к ней, отдавая малыша Машке в руки. Она с умилением разглядывает маленькое личико. — Он такой красивый, Миш, — тянет она.

— Весь в маму. — Целую ее в макушку. — Спасибо любимая.

— Тебе спасибо, Миш. Я так счастлива. — Машка поднимает голову, впивается в меня взглядом. В глазах ее стоят слезы.

Обнимаю ее за плечи, стараясь не придавить малыша.

Наш сын.

Медвежонок. Игорь Михайлович Медведев.

Я так счастлив.

Больше книг на сайте - Knigoed.net